

Кубанский государственный университет
Факультет истории, социологии и международных
отношений
Центр славянских исследований

**Славянские народы и их соседи во Второй
мировой войне. Вклад в победу над фашизмом
(1939–1945)**

**Материалы Международной научно-практической
конференции, посвященной к 75-й годовщине Победы над
фашизмом**

Краснодар 2020

УДК 94(100) “1939/1945”
ББК 63.3(0)62
С 471

Редколлегия: *Э.Г. Вартамян*, докт. ист. наук, профессор (науч. ред., сост.); *А.В. Ващенко*, канд. ист. наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета; *О.В. Матвеев*, докт. ист. наук, профессор (науч. ред., сост.), *А.С. Евтушенко*, канд. ист. наук, доцент

Рецензенты:

Л.Р. Хут, профессор Адыгейского государственного университета, доктор исторических наук

Кючков И.В., профессор Северокавказского Федерального университета, доктор исторических наук

Славянские народы и их соседи во Второй мировой войне. Вклад в победу над фашизмом (1939–1945): материалы Международной научно-практической конференции / *Науч. ред., сост. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев.* – Краснодар: Изд-во «Традиция», 2020. – 225 с. – Тираж – 500 экз.

ISBN 978-5-91883-375-9

В издание вошли материалы очередной (14-й) Международной научно-практической конференции, организованной Центром славянских исследований Кубанского государственного университета. Сборник приурочен к 75-летию окончания Второй мировой войны и победы над фашизмом и содержит новые исследования по истории и историографии славянских стран, вопросам духовного наследия славянских народов. Книга адресована студентам, специалистам в области истории, исследователям-славистам, преподавателям, сотрудникам учреждений культуры и государственных служб, всем тем, кто интересуется малоисследованными событиями Второй мировой, Великой Отечественной войны. Культурой славянского мира.

УДК 94(100) “1939/1945”
ББК 63.3(0)62
С 471

ISBN 978-5-91883-375-9

© Коллектив авторов, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2020 году мир отмечает 75-ю годовщину окончания Второй мировой и Великой Отечественной войн. Эта дата всемирной истории на все времена и на все эпохи. Сколько бы ни прошло столетий, это событие останется навсегда в памяти народов.

Победа над фашизмом неоднозначно оценивается в современной историографии славянских стран. Но для трезвомыслящих историков России, Болгарии, Словакии, Черногории, Белоруссии, Словении очевидно, что в устанавливаемом гитлеровцами «новом порядке» места для славян не было. Польские художники и композиторы, украинские писатели и архитекторы, чешские ученые и актеры, русские мыслители и врачи, классики белорусской прозы и сербские инженеры, религиозные подвижники благочестия православных черногорцев и католиков-поляков вносились в специальные списки на уничтожение, как и старинные очаги славянской культуры в Европе: Киев, Краков, Белград, Новгород, Москва, Прага.

Хорватских усташей, украинских бандеровцев, прогерманский режим в Словакии и правительство болгарского царя Бориса нацисты терпели лишь до тех пор, пока в этих странах проповедовался оголтелый национализм и совершались преступления против собственных народов. Но и этих «союзников», как и коллаборационистов на оккупированной территории Советского Союза, Югославии, Польши и Чехии, казаков Краснова и отряды Власова лидеры нацистов считали временными лакеями, подлежащих впоследствии ликвидации как неполноценных в расовом отношении.

В жестоком противостоянии, теряя тысячи разрушенных и разоренных городов и сёл, оставляя на оккупированной земле десятки миллионов соотечественников, Красная Армия в оборонительных боях нарастила мощь, приобрела опыт современной войны, разгромила и прогнала оккупантов со своей земли. Затем, выйдя на границу, двинулась в освободительный поход, чтобы раздавить фашистскую гадину в её логове и принести мир и освобождение народам Европы. Вместе с героическим

Войском Польским, Народно-освободительной армией Югославии, Чехословацким корпусом и частями болгарской армии, в тесном содействии с польскими и словацкими партизанами и подпольщиками, не без помощи государств антигитлеровской коалиции и Движения Сопротивления была достигнута Великая Победа.

Книга, которую вы держите в руках, содержит материалы 14-й Международной научно-практической конференции, которую проводит Центр славянских исследований Кубанского государственного университета. Представленные в сборнике работы исследователей из России, Беларуси, Болгарии, Чехии посвящены актуальным проблемам историографии и исторической политики славянских стран, партизанского движения, событиям, связанным с предпосылками, ходом и последствиями Второй мировой войны. Второй раздел включает материалы по сюжетам истории и культуры славянских народов.

Книга предназначена студентам и преподавателям, исследователям-славистам, всем тем, кто интересуется малоисследованными событиями Второй мировой и Великой Отечественной войны, прошлым и духовным наследием славян.

Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев

РАЗДЕЛ I. СЛАВЯНЕ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

А.С. Иващенко
(г. Майкоп, Российская Федерация)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Аннотация: В статье рассматриваются дискуссионные вопросы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в частности, характер политики СССР перед началом Второй мировой войны; просчёты советского военно-политического руководства в определении направления главного удара немецких войск в июне 1941 г.; причины отсутствия полной боевой готовности Красной армии в приграничных округах в начале войны; о наличии плана упреждающего удара Красной армии по немецким войскам весной-летом 1941г.; о цене победы СССР в войне и др.

Ключевые слова: отечественные исследователи, Великая Отечественная война, дискуссионные вопросы, историография.

A.S. Ivashchenko
(Maikop, Russian Federation)

DOMESTIC RESEARCHERS ON TOPICAL ISSUES OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Abstract: The article discusses the controversial questions of the history of the Great Patriotic war of 1941–1945, in particular, the nature of Soviet policy before the Second world war; the failures of the Soviet military-political leadership in determining the direction of the main blow of German troops in June 1941; the reasons for the lack of full combat readiness of the Red army in the border districts at the beginning of the war; about the existence of a plan for a preemptive strike by the Red army the German troops in the spring and summer of 1941; on the cost of the Soviet victory in the war and others.

Key words: domestic researchers, Great Patriotic War, discussion issues, historiography.

В сентябре 2020 г. лидеры государств, в первую очередь, Европы, Азии, Северной Америки, Австралии, большей части Африки и Южной Америки, и в целом мировое сообщество, отметят 75-летие окончания самой разрушительной и кровавой в истории человечества войны – Второй мировой. То, что на протяжении трёх четвертей века политикам и народам мира удавалось избегать глобальных военных столкновений даёт надежду, что они усвоили уроки Второй мировой войны. Поэтому изучение истории этой войны является не только чисто научной, но и политической задачей недопущения в будущем крупномасштабных межгосударственных противоречий до их перерастания в «горячую фазу».

В силу заданного лимита на объём статьи, мы естественно не претендуем на всеохватность дискуссионных вопросов истории Великой Отечественной войны.

Среди отечественных историков нет единства мнений относительно очень важного вопроса, связанного с историей Великой Отечественной войны, а именно – можно ли классифицировать внешнюю политику СССР перед началом Второй мировой войны в Европе, как направленную на её предотвращение. Исследователь А.С. Орлов, в частности, в своей работе «Сталин: в преддверии войны», отвечает на этот вопрос утвердительно [1]. Однако, с этим мнением категорически не согласен старший научный сотрудник Института славяноведения РАН С.З. Случ. Он, опираясь на документальные свидетельства и материалы, доказывает, что официально декларируемый курс СССР на создание в Европе системы коллективной безопасности во второй половине 30-х гг. XX в. был всего лишь камуфляжем. В действительности, лидер Советского Союза И.В. Сталин в международных отношениях руководствовался учением о классовой борьбе, которое предполагало разделение мира и сталкивание одних государств, с другими. В подтверждение своего мнения С.З. Случ приводит позицию И.В. Сталина в отношении поставок в Италию продовольствия из СССР после вторжения итальянцев в 1935 г. в Эфиопию. Если руководство Наркомата иностранных дел СССР усомнилось в необходимости продажи

Италии продовольствия после начала её агрессии против Эфиопии, то И.В. Сталин выступил за продолжение таких поставок [2].

Весьма активно в отечественной историографии обсуждаются причины болезненных поражений Красной армии в первые месяцы Великой Отечественной войны. Одной из таких причин является просчёт высшего военно-политического руководства СССР в определении главного удара германской армии, сосредоточенной в первой половине 1941 г. у границ Советского Союза. Часть учёных, в частности, авторы двенадцати томной «Истории Второй мировой войны 1939–1945» убеждены в том, что именно Наркомат обороны считал, что главный удар германская армия нанесёт по СССР в полосе от Балтийского моря до Полесья. Однако в ходе обсуждения этой точки зрения было высказано иное мнение, что основной удар будет нанесён на юго-западном направлении [3].

Однако, ведущий научный сотрудник Института военной истории министерства обороны России П.Н. Бобылёв, изучив вновь открывшиеся архивные документы, убедительно доказывает, что именно высокопоставленное военное руководство СССР, в лице С.К. Тимошенко, К.А. Мерецкова и Н.Ф. Ватутина, в докладе И.В. Сталину и В.М. Молотову от 5 октября 1940 г., определяло потенциальное направление главного удара немецких войск на юго-западном направлении. И.В. Сталин с их мнением согласился. После войны вышеназванные представители советской военной элиты всячески отказывались признать свою ошибку в определении направления главного удара немцев по СССР и всю вину в этом вопросе возлагали на И.В. Сталина [4].

Отечественные исследователи дискутируют относительно того, почему И.В. Сталин в июне 1941 г. не разрешил привести войска Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), расположенные в западных приграничных районах, в полную боевую готовность. А.С. Орлов считает, что это объясняется расчётами И.В. Сталина о том, что Германия весной-летом 1941 г. не начнёт войну на два фронта, а попытается в борьбе с Англией захватить Ближний Восток. А это даст возможность Советскому Союзу оттянуть время столкновения с Германией до 1942 г., когда он будет к этому готов. Вот почему И.В. Сталин весной-летом 1941 г. проводил в отношении Германии политику «умиротворения» [5]. Однако М.И.

Мельтюхов скептически относится к подобного рода рассуждениям А.С. Орлова. Он убеждён, что И.В. Сталин в 1941 г. никак не мог отсрочить нападение Германии на СССР, так как от его действий уже ничего не зависело. И политика И.В. Сталина в 1941 г. по недопущению повода Германии начать войну против Советского Союза также была бессмысленна. Ведь в 30–40-е гг. XX в. войны не объявлялись, а начинались внезапными ударами, и агрессору не нужны были никакие серьёзные поводы. Они изобретались лишь для пропагандистского прикрытия [6].

Не утихают споры среди отечественных учёных и относительно позиции военно-политического руководства СССР к укрепрайонам на старой советской границе. Если ещё маршал Г.К. Жуков в своих мемуарах однозначно утверждал, что укрепрайоны на старой советской границе не были ликвидированы [7], то Х. Мансуров говорит о прямо противоположном, что укрепрайоны на старой границе были разрушены, в то время как на новой границе ещё не были построены [8].

Отечественные историки продолжают дискурс относительно существования сверхсекретной переписки И.В. Сталина и А. Гитлера. В.К. Волков, в частности, утверждает, что в июне 1941 г. И.В. Сталин при встрече с начальником Генштаба РККА Г.К. Жуковым показывал последнему письмо от А. Гитлера и ответ ему [9]. Однако, отмечает С.З. Случ, никаких документальных свидетельств ни с советской, ни с германской сторон о такого рода переписке нет. Более того, архивные материалы доказывают, что в мае-июне 1941 г. генерал Г.К. Жуков ни разу не был в служебном кабинете И.В. Сталина один на один с вождём [10].

Ведут дискуссии отечественные учёные и по такому вопросу как подготовка И.В. Сталина к личной встрече с А. Гитлером весной-летом 1941 г. Об этом, в частности, в своём труде пишет Г. Городецкий [11]. Однако С.З. Случ аргументировано доказывает, что подготовки к такой встрече не было. Она не нужна была А. Гитлеру, так как он уже принял решение о нападении на СССР. Вряд ли такая встреча нужна была и И.В. Сталину, который гипотетически понимал слабость своих переговорных позиций с А. Гитлером. К тому же организация такой встречи требовала

большой подготовительной работы, а документальных свидетельств об этом нет [12].

В отечественной историографии активно обсуждается вопрос о наличии у высшего военно-политического руководства СССР плана нанесения упреждающего удара Красной армии по сосредоточенным в первой половине 1941 г. у границ СССР немецким войскам. Учёные ссылались на положения плана Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии от 15 мая 1941 г. Это, в частности, подчёркивал в своём труде исследователь Д.А. Волкогонов [13]. Научную статью этому вопросу посвятил историк В.Д. Данилов. Он доказывает, что план по подготовке и нанесению упреждающего удара на юго-западном направлении по немецким войскам у советского военно-политического руководства был. Его предполагалось нанести после 10 июля 1941 г., когда закончится развёртывание соединений РККА в западных приграничных округах. И не имеет значения то, что на этом документе с планом нет подписей наркома обороны СССР и начальника Генштаба РККА, как и И.В. Сталина. Это было обычной практикой того времени – «не оставлять следов» [14]. Однако, П.Н. Бобылёв убеждён, что доказать это утверждение пока нечем [15]. Из содержания дискуссии по этому вопросу напрашивается вывод, что нет никаких оснований говорить о том, что нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. носило превентивный характер. Ибо у Германии в 1940–1941 гг. не было никаких фактов, которые доказывали бы, что Красная армия готовится к наступательным действиям против германских войск [16].

Среди ряда отечественных учёных есть достаточно устойчивое суждение, что И.В. Сталин в первые дни после нападения Германии на СССР отошёл от дел, уединился и находился в прострации. Однако эти утверждения не подтверждаются весомыми доказательствами. Исследователь М.А. Гареев же, со ссылками на записи охраны И.В. Сталина, опровергает уход от дел главы Советского Союза. Более того, он приводит документально подтверждённые факты того, что с 22 по 28 июня 1941 г. И.В. Сталин 117 раз встречался с 42 должностными лицами [17].

Тема эффективности проведения РККА крупных военных операций в ходе Великой Отечественной войны по-прежнему будоражит умы отечественных исследователей. Так, авторы труда «Наше Отечество. Опыт политической истории» упрекают военно-политическое руководство РККА за преждевременное проведение в середине января 1945 г. крупной военной операции в Европе. Как результат – значительные военные потери в ходе этой операции [18]. Однако, военный историк М.А. Гареев обоснованно упрекает авторский коллектив исследования «Наше Отечество. Опыт политической истории» в том, что он вольно или невольно замалчивает тот факт, что наши войска были вынуждены раньше времени начать боевые действия по просьбе своих союзников. Суть в том, что в результате наступления немецких войск в Арденнах в начале 1945 г. союзники СССР оказались в очень сложном положении [19].

Вопрос цены победы Советского Союза в Великой Отечественной войне всегда был в фокусе внимания отечественных исследователей. Однако, достаточно откровенно об этом стало возможным говорить лишь со второй половины 80 -х гг. XX в. В этом ракурсе вначале советские, а затем российские учёные пытались определить, как общие человеческие потери Советского Союза с Германией, так и безвозвратные потери вооружённых сил СССР, а также гибель мирного населения. Эта задача оказалась не из простых, и вызвала немало дискуссий и разночтений не только о методиках подсчётов, но и в силу наличия весьма отрывочных, неточных и неполных данных статистических документов времён Великой Отечественной войны. Как результат, если российский исследователь В.Н. Земсков определил прямые человеческие потери СССР в годы Великой Отечественной войны в 16 млн. человек, то Б.В. Соколов – в 43, 448 млн. человеческих жизней [20]. Однако, ряд учёных, в частности, Е.Ф. Кринко, не без оснований, склоняется к тому, что общее количество людских потерь СССР в Великой Отечественной войне достигает 27 млн. человек [21].

Довольно значительный разброс мнений среди отечественных исследователей существует и относительно безвозвратных потерь вооружённых сил Советского Союза по итогам Великой Отечественной войны. Если разночтения в численности

безвозвратных потерь советских вооружённых сил в годы Великой Отечественной войны, которые приводят авторы труда «Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование» и исследователь В.Н. Земсков соответственно в 11.285.057 чел. и 11,5 млн. человеческих жизней можно принять и отнести к неизбежной статистической погрешности при подсчётах [22]. То цифра безвозвратных потерь вооружённых сил Советского Союза в Великой Отечественной войне, которую приводит учёный Б.В. Соколов в 26, 4 млн. человек, вряд ли может быть воспринята без большой доли скепсиса [23].

Весьма далеки российские исследователи от консенсуса и по числу безвозвратных потерь среди мирного населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Эта цифра разнится от 4,5 млн. человек, по подсчётам В.Н. Земскова, до запредельного показателя в 29,6 млн. человек, по данным Б.В. Соколова [24].

Одной из острых и дискуссионных проблем истории Великой Отечественной войны, как и Второй мировой войны в целом, является тема Холокоста на оккупированной территории Советского Союза. Отечественные исследователи до настоящего времени так и не пришли к единому мнению относительно численности жертв Холокоста на оккупированной территории СССР. Если советская историография определяет её в 0,8 млн. человек, а авторы труда «Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки» в 1,05 млн. чел., то составители «Российской Еврейской Энциклопедии» приводят цифру в 2 млн. евреев, а исследователь Б.В. Соколов полагает, что в ходе Холокоста на оккупированной советской территории было уничтожено до 3 млн. евреев [25].

Большинство российских исследователей, как впрочем и зарубежных, не подвергают сомнению реальное существование Холокоста, как на оккупированной территории СССР, так и в захваченных Германией в ходе Второй мировой войны странах Европы. Однако, в России, как и в некоторых других странах, есть исследователи, которые пытаются поставить под сомнение наличие Холокоста, как явления, имевшего место быть на оккупированной территории СССР и других стран Европы. К таким исследователям, например, относится В. Кожин, который

объясняет значительное сокращение численности евреев после Второй мировой войны в Европе не их физическим уничтожением в ходе Холокоста, а следствием масштабных миграций еврейского народа в годы войны из Европы [26].

Дискуссионным вопросом в отечественной историографии является достижение коренного перелома в работе советской военной промышленности в годы Великой Отечественной войны. Советские историки, ссылаясь на оценку И.В. Сталина, доказывают, что этот перелом произошёл в 1942 г. [27]. Однако, российские исследователи считают, что вопрос о коренном переломе в работе советской военной промышленности в 1941–1945 гг. не так прост и однозначен, и склоняются к тому, что он произошёл лишь спустя два года после начала войны [28].

Не угасает интерес отечественных исследователей в контексте изучения истории Великой Отечественной войны и к обширной теме блокады Ленинграда. С середины 90-х гг. XX – начала XXI вв. ряд исследователей стали изучать такой вопрос, как роль рыночной торговли, самоснабжения ленинградцев в физическом выживании блокадников. Некоторые учёные, в частности, Н.Г. Кислицин, М.В. Ежов убеждены, что в блокадном Ленинграде, в отличие от других советских городов, не было колхозных рынков, где можно было дополнительно купить какие-либо товары, в первую очередь продовольственные, и ленинградцы выживали лишь на то, что полагалось по продовольственной карточке [29]. Однако есть и другая группа российских учёных, которая аргументировано доказывает, что стихийные рынки в блокадном Ленинграде получили довольно значительное распространение и сыграли немаловажную роль в физическом выживании многих ленинградцев [30].

Отечественные учёные пытаются задаваться и таким вопросом, как была ли изначально predetermined победа Советского Союза над Германией в Великой Отечественной войне. Так, если академик Г.А. Арбатов давал на этот вопрос однозначно утвердительный ответ, ссылаясь на то, что и по численности населения, и по размеру территории, и по наличию природных ресурсов СССР превосходил Германию. То исследователь М.А. Гареев в ответе на

этот вопрос более сдержан и осторожен, и считает, что в 1941-1942 гг. наша страна стояла на грани поражения [31].

Изучив ряд дискуссионных вопросов истории Великой Отечественной войны, ещё раз убеждается в том, насколько время и политическая ситуация в стране и мире оказывают влияние на формирование научных выводов профессиональных учёных-историков. Горбачёвская перестройка и безграничная либерализация 90-х гг. XX в. привели в сфере исторического знания к появлению не только немалого количества прорывных научных исследований, но и работ чисто конъюнктурного и сиюминутного характера. Научные труды по истории Великой Отечественной войны, вышедшие в первые два десятилетия XXI в., уже характеризуются более сдержанной тональностью, проработкой новых архивных документов и отказом в погоне за сенсацией. Отчасти это объясняется и изменением курса политического руководства России с начала XXI в. на укрепление государство образующих структур и усиление патриотического воспитания.

Примечания

1. Орлов А.С. Сталин: в преддверии войны. – М.: Эксмо, 2003. – С. 80.
2. Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчёты и просчёты Кремля // Отечественная история. – 2005. – №1. – С. 100–101.
3. История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. – М.: Воениздат, 1974. – Т.3. – С. 434.
4. Бобылёв П.Н. Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // Отечественная история. – 2000. – №1. – С. 46, 48–49.
5. Орлов А.С. Так кто же начал войну? // Армия. – 1993. – №8. – С. 19.
6. Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 г.: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. – 1994. – №3. – С. 5–6.
7. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 2 т. – М.: Издательство АПН, 1974. – Т.1. – С. 238.
8. Московские новости. – 1988. – № 29.
9. Волков В.К. Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина (весна-лето 1941 г.) // Вопросы истории. – 2003. – №6. – С. 50–51.
10. Случ С.З. Указ. соч. – С. 112–113.

11. *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 245, 255.
12. *Случ С.З.* Указ. соч. – С. 112–113.
13. *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: в 2 кн. – М.: Издательство АПН, 1989. – Книга 2. – Часть 1. – С. 136.
14. *Данилов В.Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отечественная история. – 1995. – №3. – С. 35, 37–40.
15. *Бобылёв П.Н.* Указ. соч. – С. 53.
16. *Бобылёв П.Н.* К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 г.? // Отечественная история. – 1995. – №5. – С. 16–17.
17. *Гареев М.А.* Об изучении истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. – 1992. – №1. – С. 10.
18. Наше Отечество. Опыт политической истории: в 2 т. – М.: ТЕРРА, 1991. – Т. 2. – С. 425.
19. *Гареев М.А.* Указ. соч. – С. 5–6.
20. *Земсков В.Н.* Остаётся ли дискуссионным вопрос о масштабах людских потерь СССР в 1941–1945 гг.? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – №3. – С. 115–127; *Соколов Б.В.* Вторая мировая: факты и версии. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. – С.340.
21. *Кринко Е.Ф.* Проблемы изучения численности населения России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. – 2019. – №3. – С. 22.
22. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. – М.: Олма-Пресс, 2001. – С. 239–240; *Земсков В.Н.* О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (В поисках истины) // Военно-исторический архив. – 2012. – №9. – С. 59–71.
23. *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 257, 310.
24. *Земсков В.Н.* О масштабах людских потерь... – С. 59–71; *Соколов Б.В.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – М.: Московский рабочий, 1991. – С. 11–15.
25. *Альтман И.* Отрицание Холокоста в России // Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. Материалы 50-й международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» (К 70 – летию «Хрустальной ночи»). Калининград, 16–18 ноября 2008 г. – М.: Фонд «Холокост», 2010. – С. 20; Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 4. Народ и война. – М.: Наука, 1999. – С. 123; Российская Еврейская Энциклопедия: в 9 т. – М.: РАЕН, РИЭЦ «Эпос», 2000. – Т.4. – С. 20; *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2002. – С. 117.

26. *Кожин В.* Россия, век XX. 1939-1964. – М.: Алгоритм, 2001. – С. 137–141.

27. *Золотарёв В.А.* Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. – 2000. – №2. – С. 7.

28. Народ и война. 50 лет Великой Победы. – СПб.: Петрополис, 1995. – С. 331.

29. *Кислицин Н.Г.* Ленинград не сдаётся. – М.: Прогресс, 1991. – С. 125; *Ежов М.В.* Роль Ленинградского городского совета депутатов трудящихся в обороне города // Жизнь и быт блокадного Ленинграда. – СПб.: Нестор-История, 2010. – С. 37.

30. *Говоров И.В., Кокуев С.Б.* Теневая экономика и борьба с ней в Ленинграде в 1930-1940-х гг. // Вопросы истории. – 2008. – №12. – С. 24–35; *Пянкевич В.* Власть и рынок в блокадном Ленинграде // Российская история. – 2017. – №6. – С. 54, 63–65.

31. Независимая газета. – 1991. – 6 августа; *Гареев М.А.* Указ. соч. – С. 7.

О.В. Матвеев

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Аннотация: Статья посвящена отражению в современной историографии славянских стран вопроса об Освободительной миссии Красной Армии в 1944–1945 гг. Автор приходит к выводу, что стремление решить проблему через призму оппозиции *освобождение / оккупация* продиктовано во многих случаях не столько стремлением к объективности, сколько желанием как можно быстрее дистанцироваться от общего прошлого, заполучить свою, «национальную» историю, угодить геополитическим партнерам России. Обзор историографии России, Беларуси, Украины, Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Сербии показывает большой разброс мнений славянских историков о сути Освобождения, нередко замену события последствиями.

Ключевые слова: Освободительная миссия Красной Армии, историография, славянские страны, оккупация, поведение военнослужащих, этноцентризм, фальсификация, разграничение понятий

O.V. Matveyev
(Krasnodar, Russian Federation)

LIBERATION MISSION OF THE RED ARMY IN MODERN HISTORIOGRAPHY OF SLAVIC COUNTRIES

Abstract: The article is devoted to the reflection in the modern historiography of the Slavic countries of the issue of the Liberation Mission of the Red Army in 1944-1945. The author comes to the conclusion that the desire to solve the problem through the prism of the *liberation / occupation* opposition is dictated in many cases not so much by the desire for objectivity as by the desire to distance from the common past as quickly as possible, to get our own, “national” history, to please Russia's geopolitical partners. Review of the historiography of Russia, Belarus, Ukraine, Poland, Czech Republic, Slovakia, Bulgaria. Serbia shows a wide range of opinions of Slavic historians about the essence of the Liberation, often replacing events with consequences.

Key words: Liberation mission of the Red Army, historiography, Slavic countries, occupation, military behavior, ethnocentrism, falsification, delineation of concepts

Тема Освободительной миссии Красной Армии не раз возникала в научной исторической литературе. Сегодня она приобрела особенно острый характер, поскольку стала полем ожесточённой информационной войны против России, в которую, к сожалению, вовлечены и представители исторической науки. Само понятие «освобождение от фашизма» подменяется «советской оккупацией», целенаправленно создается негативный образ Красной Армии как «банды мародёров, насильников и убийц мирного населения» [1]. Подобные оценки наряду с осквернением кладбищ и памятников погибшим советским воинам, ползучей реабилитацией пособников гитлеровцев – словацких коллаборационистов, украинских бандеровцев, русских власовцев, хорватских усташей, тоннами грязи, вылитой на воинов-освободителей в интернет-пространстве, прессе, кинематографе, на телевидении – грустные реалии современной исторической политики европейских, в том числе – славянских стран. В данной публикации предпринята попытка обзора

современной славянской историографии вопроса об Освободительной миссии Красной Армии в 1944–1945 гг.

Изучение освобождения Восточной Европы Красной Армией в советской историографии сводилось, во-первых, преимущественно к военной стороне этой многосторонней эпопеи, во-вторых, не было свободно от идеологических наслоений и цензурных ограничений. Из поля зрения выпали не только причины неудачи, больших потерь при освобождении, но многие гуманитарные аспекты войны, политика в отношении гражданского населения, культурных и материальных ценностей, поведение советских солдат на территориях, освобожденных от гитлеровской оккупации. В новых условиях демократизации российские историки попытались переосмыслить многие положения с учетом открывшихся возможностей использования недоступных ранее фондов, однако далеко не все смогли удержаться на позициях объективности при освещении заключительного этапа Великой Отечественной войны. Так, в 1994 г. была защищена кандидатская диссертация А.В. Македонского «Освобождение от фашизма стран Восточной Европы: проблема взаимоотношений Красной Армии и населения». Многие её положения носят откровенно спорный характер, не раскрывают в полном объеме весь комплекс сложности вопросов, связанных с взаимоотношениями советских солдат и мирного населения. Больше всего нареканий вызывает освещение вопроса о девиантном поведении бойцов Красной Армии, отдельные случаи которого, как правило, не оставались безнаказанными и строго карались советским командованием и военными трибуналами. В крайне неприглядном виде представлена Красная Армия авторским коллективом вышедшего в 2009 г. двухтомника «История России. XX век» под редакцией А.Б. Зубова [2].

Однако большинство российских исследователей избежали соблазна тиражируемой новой мифологии и смогли остаться на позициях исторической объективности. Пальма первенства здесь принадлежит прежде всего историкам-славистам. Одним из них является заведующая отделом Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН, доктор

исторических наук Татьяна Викторовна Волокитина, автор ряда монографий и многих статей, ответственный редактор и составитель фундаментальной публикации документов «"Советский фактор" в Восточной Европе, 1944–1953» (Т. 1–1, М., 1999–2000). В статье «Красная Армия в Болгарии осенью 1944 года: образ и реальность» Т.В. Волокитина оспорила утверждения западных коллег о том, что существовала чуть ли не «официальная установка» на разного рода насилия красноармейцев над мирным населением как поощряемая форма мести. «Доступные сегодня материалы российских архивов, в том числе и военных, категорически опровергают подобные утверждения» [3]. Не разделяя идиллическую картину оценок советской историографии, исследовательница тем не менее обращает внимание на постоянную озабоченность советского командования и Политуправления Красной Армии моральным поведением красноармейцев [4].

Другим крупным специалистом по проблеме является сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук Валентина Владимировна Марьина, автор многих книг и статей, в том числе фундаментального двухтомного труда «Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг.» (М., 2007. Т. 1; 2009. Т. 2). В статье «Красная Армия в Словакии» отмечая восторженную встречу местными жителями освободителей и помощь Красной Армии со стороны гражданского населения [5], В.В. Марьина не скрывает случаев мародерства и насилия со стороны отдельных бойцов, которые пресекались командованием, привлекавшим виновных к суду военного трибунала [6]. Говоря о действиях органов СМЕРШ и НКВД против активных сторонников режима Тисо, исследовательница указывает, что списки на аресты часто предоставляли местные коммунисты и партизаны [7]. К арестам имели отношения не только советские органы, зачищавшие тылы Красной Армии (что в условиях ведения боевых действий было естественным), но и местные власти: Словацкий национальный совет, районные национальные комитеты, сотрудничавшие с советскими военными комендатурами и др. [8].

Опыт взаимовосприятия населения Сербии и военнослужащих Красной Армии обстоятельно исследовал доктор исторических наук, профессор А.Ю. Тимофеев, ныне работающий в Белградском университете. Он пришёл к выводу, что «случаи насилия, краж, грабежей и убийств мирного населения были редки и строго карались военными властями. <...> Советское командование твёрдо отдавало себе отчёт в том, что "наличие отдельных аморальных явлений в войсках армии, как-то: пьянство и дебош, убийство граждан нашими военнослужащими, изнасилование женщин, воровство, – всё это составляет нехорошее впечатление на отдельные слои населения", и жестко с такими явлениями боролось» [9].

Вершиной исследования проблемы стала изданная в 2015 г. фундаментальная монография Александра Спартаковича и Елены Спартаковны Сенявских и Олега Владимировича Сдвижкова «Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты». Учёные обстоятельно изучили современный категориально-понятийный аппарат, Освободительную миссию Красной Армии как историческое явление, исследовали теоретико-методологические аспекты, искажения действительности в зеркале пропаганды, эволюцию и состояние исторической памяти, механизмы её фальсификации. Употреблять термин «оккупация» по отношению к освободительному походу Красной Армии, считают исследователи, можно только в нормативных рамках исторического времени и места, к которому относится само событие, международного права. Речь должна вестись о собственно военной оккупации, причем единственными странами, к которым напрямую применялось использование этого термина, были главные виновники развязывания Второй мировой войны – Германия и Япония [10]. Вступление Красной Армии в освобождаемые страны предшествовала и сопровождала большая политическая, дипломатическая, пропагандистская работа, подготовленная правовая база. Авторы книги призывают не путать освободительный характер Красной Армии с насаждением коммунистических режимов, событие с последствиями, тем более что документы наглядно

свидетельствуют: И.В. Сталин не планировал установление таких режимов, и удерживал от этого военное командование. Главной целью было установление готовых к сотрудничеству с СССР нейтральных правительств, которые бы обеспечили спокойствие западных советских границ [11]. Нежелание стран Запада сотрудничать с Советским Союзом как с равноправным партнером привело впоследствии к утверждению в Восточной Европе социалистического строя, однако эти процессы протекали уже в иных исторических условиях. Причины яростных атак на Освободительную миссию Красной Армии ученые видят в значимости Освобождения как для самосознания нации, её единства и уверенности в себе, так и для практики международных отношений [12]. Главная задача фальсификаций сделать ущербной историческую память россиян, навязать им комплекс неполноценности, чувство вины за прошлое, «путём охаивания и осквернения памяти о героических делах подорвать самоуважение русских и включенных в их цивилизационную орбиту народов» [13]. Поэтому гражданским долгом российских историков становится отстаивание правды, борьба с фальсификациями, разоблачение их на основе неопровержимых фактов и документов, поиск и введение в оборот последних с научными комментариями [14].

Освобождение остаётся важнейшей темой исторического сознания белорусов. В постсоветский период белорусские исследователи обратили внимание на вопросы, остававшиеся без внимания в советской историографии. Признанным специалистом в истории войны являлся профессор Белорусского государственного университета Иосиф Владимирович Лемешонок. Рассматривая в своей книге «Освобождение без грифа "Секретно"»: бои Красной Армии в восточных районах Беларуси осенью и зимой 1943–1944 гг.», автор обратил внимание на просчеты командования, которые не позволили освободить республику к началу 1944 г. К ним он отнес «неудовлетворительное руководство со стороны командования фронтов, грубые нарушения некоторыми командирами и штабами правил организации обеспечения и ведения наступления. Не всегда удачно создавались группировки войск...

Были недостатки в использовании танков и в организации разведки. В результате советские войска несли тяжелые потери и медленно продвигались вперед» [15].

Значительным вкладом в историографию освобождения Беларуси стала вышедшая в 1994 г. в Минске книга И.В. Тимоховича «Битва за Белоруссию: 1941–1944». Наследие профессора Ивана Васильевича Тимоховича сегодня рассматривают в историографических обзорах белорусской историографии [16], хотя он был ведущим научным сотрудником Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации, генерал-майором российских Вооруженных Сил. Поддерживая выводы советских историков о том, что операция «Багратион» явилась ярким примером творческого характера советского военного искусства, И.В. Тимохович обратил внимание на неудачные операции Красной Армии по освобождению Витебска, Орши, Витебска и Могилева [17]. Он же поднял вопрос и о цене освобождения Беларуси. Исследователь отметил, что «с 23 июня и до конца июля, когда велись боевые действия по освобождению территории Беларуси, потери четырех фронтов составили 440 879 человек, или 29,8% от общего числа их личного состава до начала операции, в том числе было убито 97 232 человека» [18].

В республике постоянно проводятся научные конференции по войне, публикуются сборники документов, выходят книги, разоблачаются фальсификации, направленные на отрицание всенародного характера борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Из последних работ следует отметить подготовленную совместно с учёными Института военной истории Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации и изданную в Минске в 2014 г. коллективную монографию «Освобождение Беларуси. 1943–1944».

В то же время исследователи справедливо указывают на национально-ориентированный характер многих работ белорусских авторов. Особенно показательны в этом плане учебники по истории Беларуси. В сознание белорусских школьников закладывается представление о Великой Отечественной войне не как борьбы советского народа, а как

противостояние белорусов с немцами [19]. Если о руководстве партизанским движением в Белоруссии говорится как о «нашем командовании», то руководство Красной Армии представляется как «советское командование». Белорусские партизаны в таком случае предстают в образе белорусской национальной армии, а Красная Армия – в образе союзника, как, скажем, британская или американская [20].

Другим символом белорусского национального духа подаётся операция «Багратион». При этом Красная Армия, появившись на территории Белоруссии, превращается из «союзной» в «нашу» армию. В результате, отмечает белорусский исследователь А.Д. Гронский, «у школьников появляются довольно странные представления чуть ли не о двух разных Великих Отечественных войнах, одну из которых вел белорусский народ, а другую – все остальные народы Советского Союза» [21]. И оборона Москвы, и Сталинград, и Курск, а также оккупационный режим и партизанское движение на других территориях СССР, освобождение Киева или снятие блокады Ленинграда становятся такими же «далекими», как и Пёрл-Харбор, высадка союзников в Нормандии или бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Ещё в большей степени этноцентризм характерен для современной украинской историографии. В связи с известными событиями, повлекшими ментальный разрыв с Россией, многократно усилилось стремление оформить «развод» совместного исторического пути, который в случае с историей Великой Отечественной войны казался скрепленным общей кровью. До недавних пор оплотом традиционного подхода к научному изучению участия украинцев в вооруженной борьбе в составе Красной Армии оставался главный военный музей страны – Мемориальный комплекс «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Однако 16 июля 2015 г. он сменил курс в связи с принятием закона о декоммунизации и был переименован в Музей истории Украины и Второй мировой войны. В настоящее время термин «Великая Отечественная война» вовсе выведен из официального

и научного оборота. Это означает, что отрыв от некогда единой с российской историографией традиции изучения событий войны завершен [22]. Квинтэссенцией «украиноцентризма» стали материалы круглых столов, проводимых Институтом национальной памяти, исследования В.А. Гриневича, С.В. Кульчицкого, А.Е. Лысенко, И.К. Патрыляка, В.И. Сергейчука [23]. Исполняющий обязанности директора Института национальной памяти И.Р. Юхновский, признавая действительно большие потери Украины в годы войны, приходит к сногсшибательному выводу: «Мы знаем, были украинские фронты, украинские генералы, маршалы, Герои Советского Союза – выходцы с Украины, но все это приписывает себе Россия» [24]. При этом игнорируются не только работы российских, но и украинских историков, в частности, монографии профессора Михаила Васильевича Коваля. Исследователь подверг уничижительной критике позиции сторонников оккупации Украины, которую освобождала многонациональная Красная армия, в составе которой были миллионы украинцев [25].

По сравнению со временами Польской Народной Республики, боевые действия советских войск против вермахта в польской историографии уже давно не называются освобождением Польши, поскольку эти операции напрямую увязываются с установлением коммунистической системы. Член-корреспондент Польской Академии наук профессор Анджей Фришке отмечал: «В 1944–1945 годах в ходе наступательных операций Красной Армии на территории Польши погибли сотни тысяч советских солдат – их память требует уважения. И, полагаю, никто в Польше этого не отрицает. Но нельзя отрицать и того, что у наступавшей в Польше Красной Армии было две цели: освобождение страны от немецкой оккупации и создание условий для превращения Польши в один из элементов будущего советского блока. Это влекло за собой конкретные действия: аресты функционеров некоммунистических подпольных структур и депортацию на Восток членов Армии Крайовой, далеко не все из

которых вернулись на родину. Так что при оценке так называемого освобождения не удастся забыть о судьбе высланных, о том, что подпольное польское правительство в 1945 году вывезли в СССР и подвергли суду в Москве или о том, что последний комендант Армии Крайовой и последний делегат (принятое в Польше название представителя подпольного правительства в изгнании на территории страны. – Авт.) эмигрантского правительства в Польше скончались в советских тюрьмах» [26].

Вступление Красной Армии на территорию Западной Белоруссии в современной польской историографии оценивается как «аннексия восточных земель II Печи Посполитой» [27]. Особенно негативный образ Красной Армии формируется при обращении к трагедии Варшавского восстания летом 1944 г. В польской историографии, общественном мнении распространено мнение о том, что советское политическое руководство в лице И.В. Сталина сознательно прекратило наступление Красной Армии на Варшаву для того, чтобы повстанцы Армии Крайовой были уничтожены немецкими оккупационными силами. В частности, в интервью сотрудника Отдела военно-исторических исследований Г. Ясинского утверждается, что сперва Сталин планировал упредить восстание, взяв польскую столицу не позднее 5–8 августа 1944 г. Однако контрудар немецких войск, остановивший продвижение советских частей на ближних подступах к Варшаве, убедил политическое руководство СССР в том, что восстание будет подавлено очень быстро. По мнению польского историка, Сталин уже утвердил план наступательной операции на варшавском направлении, назначенной на 25 августа 1944 г. Только отчаянное сопротивление отрядов Армии Крайовой сорвало этот замысел, поэтому советское руководство решило предоставить повстанцев своей судьбе [28]. Директор Института политических наук Польской Академии наук профессор Войцех Матерский также считает, что «задержав у ворот Варшавы наступление 1-го Белорусского фронта, Сталин, бес сомнения, руководствовался политическими соображениями, ставя их выше военных, оперативных, а также моральных» [29]. Суть споров вокруг этой дискуссионной проблемы изложил

Эугениуш Дурачинский в предисловии к сборнику исследований и документов «Международные аспекты Варшавского восстания» (2004) и сделал вывод: «Успех восстания, направленного против намерений Сталина превратить Польшу в вассала, или просто советизировать её, которые верно угадывались руководителями Польского государства в подполье и командованием его армии, эти же люди связывали с действиями Красной Армии, главнокомандующим которой был как раз Сталин» [30].

В отличие от учебной литературы 1990-х гг., польские учебники последнего десятилетия лишены диалога и формируют однозначные стереотипы в отношении поведения народов, государств и их руководителей. Если в учебной литературе до начала 1990-х гг. война ещё считалась борьбой всего прогрессивного человечества против «коричневой чумы», то современные польские учебники истории рассматривают её как военное столкновение двух агрессивных идеологий – фашизма и коммунизма, в мясорубку которого попала Польша [31]. Правда, на общем негативном фоне выделяется учебник М. Шиманьского «Моя история», который не стремится проводить параллелей и не называет Советский Союз оккупантом, а его политику оккупационной [32]. В отношении Варшавского восстания польский учебник отмечает: «В то время как на улицах Варшавы боролись и гибли плохо вооружённые повстанцы, на другом берегу Вислы по приказу Сталина было остановлено советское наступление. Правительство СССР не дало также согласия на посадку и дозаправку топливом самолётов союзников, доставлявших повстанцам оружие и провиант» [33]. В то же время СССР в польской учебной литературе выступает как сильное государство, один из важнейших участников антигитлеровской коалиции, что показывает бессмысленность польского сопротивления. Победы же Красной Армии, к сожалению авторов учебников, ещё больше усиливали международное значение СССР и его роль в антигитлеровской коалиции [34].

Несмотря на практически полярные взгляды российских историков и польских историков, подогреваемые политиками и представителями общественного мнения, нельзя не отметить

попытки понять друг друга, представленные в совместном труде «Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» (2010). Эта содержательная книга была написана участниками созданной по указанию руководства двух славянских стран Группы по сложным вопросам.

В Чехии в 1990-е гг. освободительная миссия Красной Армии стала не «модной». Профессиональным историкам она казалась не актуальной и уже достаточно изученной в прошлом. Страна, а вместе с ней и историки, повернулись лицом к Западу и спиной к «великому восточному соседу», памятуя лишь о нанесенных им обидах (усилиях по насаждению советского образа жизни и оккупации в августе 1968 г.), позабыв о всем хорошем. Так, историк Ян Немечек оспорил взгляды своего коллеги Томаша Клваня, считающего, что не было вообще никакого освобождения – Красная Армия просто завоевала Чехословакию. «У кого она (Красная Армия. – О.М.) её (Чехословакию. – О.М.) завоевала? У нацистской Германии? Тогда автор принимает тезис о том, что Чехословакия не была оккупированной страной, что она добровольно стала частью Третьего рейха. Это я считаю совершенно антиисторической формулировкой, которая очерняет память всех чехословацких граждан, которые пожертвовали жизнью для свободы своей Родины. Подобное идеологизированное понимание истории преподносит искаженную картину событий, связанных со Второй мировой войной» [35].

Спорный характер носят работы военного историка Карела Рихтера. В книге «Апокалипсис в Каратах: сражение на Дукле без цензуры и легенд» (2003) он критически оценил проведение Карпато-Дуклинской операции Красной Армией и участие в ней чехословацких частей. Участники семинара, организованного в 2004 г. Обществом чехословацких легионеров, Военно-историческим институтом (Прага) и Институтом истории АН ЧР, высказались против очернительства этой действительно кровопролитной операции, осуществленной прежде всего по политическим соображениям в чрезвычайно тяжелых условиях, высказались против употребления таких терминов при описании операции, как «апокалипсис», «кровавая баня», «резня», «бойня»,

призвали к более объективному и всестороннему взгляду на события той поры [36]. Возможно под влиянием этой критики в книге 2006 г. А. Бенчика и К. Рихтера о Г. Пике отмечалось: «Было бы весьма печально, если бы с нашей стороны прозвучали по адресу советского командования упреки в том, что операция была не нужна и что из наших представителей о ней, собственно, никто не просил. Это неправда <...>, неуместно также упрекать чехословацкое командование в том, что оно допустило участие наших воинов в этой операции, хотя корпус <...> не был достаточно подготовлен к таким тяжелым боям <...> С моральной и политической точек зрения было невыносимо оставить его не у дел, когда речь шла об операции, предпринятой по нашей просьбе и в наших интересах» [37].

Последние 20 лет чешские историки и публицисты постоянно дискутируют о том, кто освободил Прагу в мае 1945 г. В зависимости от политических пристрастий и меры владения материалом ответы сводятся к трём основным утверждениям: 1) советские войска, вошедшие в столицу Чехословакии в ночь с 8 на 9 мая; 2) пражские повстанцы, которые с 5 по 9 мая с большим или меньшим успехом вели бои с немецкими оккупантами; 2) власовцы, пришедшие на помощь восставшей Праге. При описании Пражской операции Красной Армии в некоторых работах утверждается, что ее рывок в сторону Праги был сделан не из соображений помощи пражским повстанцам, на чем делался упор в прошлой литературе, а из-за опасения, что американская армия, находившаяся недалеко от Праги, нарушив соглашение с советским командованием, первой вступит в столицу Чехословакии. Кроме того, обращается внимание на то, что Красная Армия вступила в Прагу после того, как основные части вермахта уже покинули её [38].

Словацкие историки мало занимались вопросами освобождения Словакии Красной Армией, вступившей вместе с 1-м Чехословацким армейским корпусом (ЧАК) на её территорию 6 октября 1944 г. В основном эта тема затрагивалась в контексте отношения командования Красной Армии к Словацкому национальному восстанию и помощи ему, а также в связи со значением и ходом Карпато-Дуклинской операции. территорию

6 октября 1944 г. Директор словацкого Института военной истории Й. Быстрицкий упрекал некоторых коллег в том, что в погоне за якобы новым видением они игнорируют уже известные и проверенные исторические факты, указал на «неправды» и «полуправды», появившиеся в литературе при описании боев в Восточных Карпатах. Если «ставится под сомнение вопрос о нужности проведения операции, считает Быстрицкий, то следует поставить и другой вопрос: как складывалась бы ситуация на повстанческой территории, как оценивалось бы отношение Советского Союза к СНВ, если бы эта операция не была проведена, и как на моральном состоянии частей 1-го ЧАК сказалось бы их бездействие в ситуации, когда словацкие повстанцы воевали против немецких оккупационных войск и ожидали помощь корпуса?» [39].

Перемены, связанные с крушением социалистической системы, затронули и болгарскую историографию. Отдельные болгарские авторы заговорили о «духовном и физическом геноциде», который несли советские войска народам Восточной Европы [40]. Факт вступления Красной Армии на территорию Болгарии в сентябре 1944 г. характеризовался этими исследователями как «советская оккупация», которая способствовала «перелому позвоночника» болгарской истории. Название вышедшей в 2005 г. монографии известного болгарского историка Веселина Ясенева Ангелова говорит само за себя: «Третья национальная катастрофа. Советская оккупация в Болгарии (1944–1947 гг.)». Веселин Ангелов присутствие Красной Армии в стране характеризует однозначно как оккупацию, акцентируя внимание на негативных свидетельствах и цене этого присутствия [41]. Р. Богданова, которая в работе 2000 г. не пользовалась кавычками, говоря об Освободительной миссии Красной Армии, заговорила о том, что с помощью советских войск осуществлялась «социалистическая колонизация» стран Восточной Европы.

Убежденным противником подобных интерпретаций был до конца своих дней видный болгарский историк, академик Мито Цеков Исусов (1928–1999). Прекрасный знаток национальных архивов, он одним из первых обратился к дискуссионной

проблеме альтернативности исторического развития Болгарии и на основании широкого круга документальных материалов пришёл к выводу о наличии различных вариантов политической динамики болгарского общества в 1944 г. [42]. Версию «оккупации» Болгарии Красной Армией он считал сознательно конструируемой русофобскими журналистами и конъюнктурными политиками легендой. Обосновывая свою точку зрения, ученый обратил внимание на то, что командование Красной Армии и советские военные органы не участвовали в решении политических, административных и социальных проблем Болгарии. «Наша страна была поставлена в положение сильной, даже полной зависимости, но отнюдь не была оккупирована, – указывал Мито Исусов. – Из Москвы в Болгарию поступали не только приказы и решения, но и предложения, мнения, советы, вопросы» [43].

Заслуживает внимания в современной болгарской историографии и попытка рассматривать присутствие советских войск как сложное, многоаспектное явление, не впадая при этом в ту или иную крайность. Такую позицию, например, занимает известный болгарский учёный Йордан Баев, который предлагает при изучении миссии Красной Армии в Восточной Европе учитывать цивилизационный, формационный и конкретно-юридический подходы. Общецивилизационный подход предусматривает, по мысли Й. Баева, адекватную оценку исторического факта разгрома гитлеровской Германии советскими войсками и армиями союзников и освобождения Европы от фашизма. Формационный подход предполагает отражение установления в конце 1940-х годов в Восточной Европе левототалитарных режимов советского типа и восстановления правоавторитарных монархических режимов в условиях британского военного присутствия в Греции и Бельгии. Наконец, конкретно-юридический подход призван исходить из наличия Болгарии вплоть до декабря 1947 года Союзной контрольной комиссии и военных комендантов, что подтверждает военную оккупацию страны-сателлита нацистской Германии [44]. Подобную позицию, направленную на разграничение предусмотренной соглашениями в рамках

антигитлеровской коалиции военно-временной оккупации стран-сателлитов гитлеровской Германии, и политических последствий вступления Красной Армии в Европу, ведущий отечественный специалист в этой области Т.В. Волокитина признает справедливой. Трактующее же с позиций якобы имевшей место послевоенной оккупации и колонизации стран региона установление социалистического режима представляет собой новое мифотворчество, отражающее «очередной виток политизации исторических исследований» [45].

По мнению профессора Национального университета мировой экономики (Болгария) Трендафила Митева, новые тенденциозные интерпретации освободительной миссии Красной Армии, отмечены в основном, во-первых, в литературе популистов, пришедших в болгарскую науку в 1990-е гг. на волне демократизации и без зазрения совести повернувшихся спиной ко всей предшествующей научной традиции. Они стали эксплуатировать модные антисоветские темы, «педалирование которых могло обеспечить авторам быструю популярность и карьерный рост» [46]. Во-вторых, ученый указывает на коммерциализацию научного процесса, основанного на погоне за дешевыми сенсациями. «Если посмотреть на "товарную науку" сугубо профессиональным взглядом, мы увидим полную научную несостоятельность коммерсантов от науки, отметил Т. Митев. – Эти авторы или не работали в архивах с конца 80-х гг., или вообще никогда в них не работали» [47]. Однако подобного рода литература не оказывает практически никакого влияния на школьную программу преподавания истории. В школьных учебниках сохраняется традиционный взвешенный взгляд, выработанный послевоенным поколением болгарских историков. В частности, указывается, что «бойцы третьего Украинского фронта вошли на территорию Болгарии 5 сентября 1944 г., не встретив сопротивления со стороны болгарской армии. Поэтому вооружённые силы Болгарии были сохранены, а государство было приглашено вступить в антигитлеровскую коалицию» [48]. В октябре-ноябре 1944 г. три болгарские армии участвовали в освобождении от немецко-фашистских войск Греции, Македонии и Восточной Сербии. С января по май 1945 г. Первая болгарская

армия как составная часть Третьего украинского фронта способствовала окончательному освобождению Венгрии и Австрии, где в ходе боёв погибли 33 тыс. болгарских солдат. В результате на момент окончания Второй мировой войны Болгария могла считаться одним из ключевых участников антигитлеровской коалиции. Части Красной Армии «оставались на территории Болгарии лишь 2,5 года, с 5 сентября 1944 до весны 1947 г. Они содействовали болгарскому народу в преодолении последствий разрухи, восстановлению национальной экономики. Красная Армия предоставляла горючее и технику для сельхозработ, транспортировки урожая и пр. Подобные факты оставили глубокий положительный отпечаток в сознании болгарского народа. 10 февраля 1947 г., после подписания Парижского мирного договора, советские войска полностью покинули Болгарию. То есть о советской "оккупации" говорить не приходится» [49].

Советские войска, с боями прошагавшие всю восточную часть Югославии осенью 1944 г., в югославской историографии впервые получили кавычки к своему титулу освободителей после советско-югославского разрыва 1948 г., когда по Югославии прокатилась массовая волна демонстраций памятников советским солдатам. Эти кавычки появились в антисоветских публикациях 1951–1953 гг., причем в дальнейшем они исчезли, оставшись лишь у карманного титовского диссидента М. Джиласа в его «Разговорах со Сталиным». С полной переоценкой событий осени 1944 г. и с отрицанием того, что тогда вообще имело место освобождение, Сербия столкнулась лишь в 1990-е гг. Так, ведущий современный биограф Тито Перо Симич, изучавший югославские и российские архивы и издающий свои книги многотысячными тиражами в Белграде, считает действия Красной Армии в Сербии осенью 1944 г. «вторжением» [50].

Профессор истории Белградского факультета Никола Самарджич в выступлении 2007 г. констатировал, что «Сербия разделилась по вопросу о том, началась ли оккупация в 1941 г. или вхождением южного фланга Красной армии в 1944 г. Для некоторых это был намного худший вид оккупации, так как последствия были намного более тяжелыми» [51]. Проникшие в

Сербию благодаря фронтальному натиску Красной Армии югославские коммунисты развязали репрессии против мнимых и реальных противников, поэтому кровавая Гражданская война 1941–1945 гг. стала затмевать в историческом сознании сербского общества память о борьбе с немецкими оккупантами [52].

Директор Института современной истории (Сербия) Момчило Павлович указывает, что «практически во всех сербских школьных учебниках отмечается решающая роль Красной Армии в освобождении Сербии и Югославии. Так, например, в учебнике для гимназий говорится: "Первые отряды Красной армии вошли в Северо-Восточную Сербию 22 сентября, а основные силы – в период с 28 сентября по 2 октября с территории Болгарии и Румынии. Красная Армия вошла в Сербию в нарушение решений Тегеранской конференции, где говорилось, что Югославия будет зоной, свободной как от советского, так и от западного военного присутствия. Появление Красной Армии стало решающим фактором для изгнания немцев из Сербии, равно как и для победы коммунистических партизан в гражданской войне с монархистами-четниками. В этом и состояла основная миссия Красной армии. Белград был освобождён в ходе многодневных кровопролитных боёв 20 октября 1944 г., а к концу ноября была освобождена и вся центральная Сербия". Похожим образом освещаются события периода Второй мировой войны и в учебниках для средних и специальных школ» [53].

Далеко не полный обзор историографии славянских стран об Освободительной миссии Красной Армии показывает, что стремление представить её через призму оппозиции *освобождение / оккупация* продиктовано, к сожалению, во многих случаях не столько стремлением к объективности, сколько желанием как можно быстрее дистанцироваться от общего прошлого, заполучить свою, «национальную» историю, угодить геополитическим партнерам России. В очередной раз сбывается пророчество Ф.М. Достоевского о трансформации памяти славянских народов после их освобождения, забывших сегодня о том, какая участь ждала славян и их культурное наследие в планах нацистов. Но это не повод для уныния и

отгораживания от наших польских, хорватских, болгарских, украинских коллег. Поисковая и исследовательская работа, общение на научных форумах, обсуждение дискуссионных вопросов, протягивание руки здоровым, стремящимся к объективному познанию силам в исторической науке славянских стран, являются проторенными путями к взаимопониманию.

Примечания

1. *Сенявский А.С., Сенявская Е.С., Сдвижков О.В.* Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты. Исторические очерк и документы. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 15.

2. История России XX век: в 2 т. – Т. 2. 1939–2007 гг. / *отв. ред. А. Б. Зубов.* – М.: Астрель; АСТ, 2009. – С. 161–167.

3. *Волокитина Т.В.* Красная Армия в Болгарии осенью 1944 года: образ и реальность // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 475.

4. Там же. – С. 474.

5. *Марьина В.В.* Красная Армия в Словакии. 1944–1945 гг. // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. – С. 496.

6. Там же. – С. 505.

7. Там же. – С. 503.

8. Там же. – С. 507.

9. *Тимофеев А.Ю.* Военнослужащие Красной Армии и население Сербии: опыт взаимовосприятия // Человек на Балканах глазами русских / *Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин.* – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 287.

10. *Сенявский А.С., Сенявская Е.С., Сдвижков О.В.* Указ. соч. – С. 41–42.

11. Там же. – С. 382.

12. Там же. – С. 388.

13. Там же. – С. 389.

14. Там же. – С. 390.

15. *Лемяшонак У.І.* Вызваленне – без грыфа «Сакрэтна!». – Мінск: Польша, 1996. – С. 41.

16. *Литвин А.М.* Изучение проблем истории Великой Отечественной войны в Республике Беларусь: обзор новейшей историографии // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы. Международная научная конференция (Москва, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., 22–23 июня 2016 г.) / *Рук-*

ль проекта М.Ю. Мягков; сост.: Ю.А. Никифоров, Д.В. Суржик. – Брянск: ООО ИД «Историческое сознание», 2017. – Ч. I. – С.

17. Тимохович И.В. Битва за Белоруссию, 1941–1944. – Минск: Беларусь, 1994. – С. 127.

18. Там же. – С. 233–234.

19. Гронский А. Образ Великой Отечественной войны в сознании белорусской молодёжи // <https://www.odigitria.by/2014/05/23/obraz-velikoj-otechestvennoj-vojny-v-soznanii-belorusskoj-molodyozhi-aleksandr-gronskij/> (дата обращения 20.09.2020).

20. Там же.

21. Гронский А.Д. Образ Великой Отечественной войны в современной Белоруссии // Современная научная мысль: Научный журнал НИИ истории, экономики и права. – 2015. – № 2. – С. 44.

22. Безугольный А.Ю. Военная история Украины XX века в современной украинской историографии (1990-е–2010-е гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Серия «Исторические науки». 2018. – Т. 4 (70). – № 2. – С. 6.

23. Карнишин В.Ю. На перекрёстках науки и современной политики: Великая Отечественная война в исследованиях историков Украины // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – № 1 (13). – С. 28–29.

24. Там же. – С. 29.

25. Коваль М.В. Україна у Другій світовій та Великій Вітчизняній війнах 1939–1945 рр.: спроба сучасного концептуального бачення. – К., 1994; Коваль М.В. Україна: 1939–1945. Маловідомі і непрочитані сторінки історії. – К., 1995.

26. «Красная Армия стремилась в Польшу с первых месяцев ее появления». Беседа с историком Анджеем Фришке. Часть 2 // <https://yandex.ru/turbo/snob.ru/s/entry/196372/> (Дата обращения 22.09.2020).

27. Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Родфельда. Отв. ред. А.В. Малыгин, М.М. Наринский. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 379.

28. Клочковский К. Ставка больше, чем правда. Польский взгляд на Вторую мировую войну // <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-11-08--stavka-bolshe-chem-pravda.-polskij-vzglyad-na-vtoruju-miroviju-voynu-20451> (Дата обращения. 20.09.2020).

29. Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Родфельда. Отв. ред. А.В. Малыгин, М.М. Наринский. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 385.

30. Там же. – С. 793.
31. *Петровская О.В.* Союзники и враги Польши во Второй мировой войне: версии национальных учебников истории // Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации (Москва, 8–9 апреля 2010 г.): материалы междунар. конф. / под ред. д-ра истор. наук Т. С. Гузенковой, канд. полит. наук В. Н. Филяновой; Рос. ин-т стратегич. исслед. – М.: РИСИ, 2010. – С. 137.
32. Там же. – С. 149.
33. Там же. – С. 151–152.
34. Там же. – С. 152.
35. Чешский историк: «Давайте чтить советских солдат. Они освободили нас» // <https://gorchakovfund.ru/news/view/cheshskiy-istorik-davayte-chtit-sovetskikh-soldat-oni-osvobodili-nas/> (Дата обращения 20.09.2020).
36. *Марьина В.В.* СССР периода Великой Отечественной войны в чешской историографии последнего двадцатилетия // Славяноведение. – 2011. – №3. – С. 11.
37. Там же. – С. 11–12.
38. Там же. – С. 12.
39. *Марьина В.В.* СССР периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в словацкой историографии последнего двадцатилетия // Славяноведение. – 2011. – № 1. – С. 75.
40. *Волокитина Т.В.* Парадоксы историографии: Красная армия в Болгарии осенью 1944 года // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 288.
41. *Ангелов В.* Третата национална катастрофа. Съветска окупация в България (1944–1947). – София: Анико 2005. – 354 с.
42. *Литаврин Г.Г. и др.* Мито Цеков Исусов (1928–1999) // Славяноведение. – 2000. – № 1. – С. 124.
43. Цит. по: *Валева Е.Л., Волокитина Т.В.* Советский фактор в годы Второй мировой войны в Болгарии: дискуссионные вопросы болгарской историографии // Славяноведение. – 2011. – № 1. – С. 30.
44. *Волокитина Т.В.* Указ. соч. – С. 289.
45. Там же. – С. 290.
46. *Митев Т.* Вторая Мировая и Великая отечественная войны Советского Союза в болгарских учебниках истории // Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. – С. 37.
47. Там же.
48. Там же. – С. 39.

49. Там же. – С. 39–40.

50. Тимофеев А.Ю. Влияние русского фактора и Великой Отечественной войны на события в Югославии: российская и иностранная историография // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы. – Ч. I. – С. 87.

51. Там же.

52. Тимофеев А.Ю. Военнослужащие Красной Армии и население Сербии осенью 1944 г.: опыт взаимовосприятия – С. 305.

53. Павлович М. Образ Второй мировой войны в сербских школьных учебниках // Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. – С. 33.

П.С. Крючек, В.Н. Сергеев
(г. Минск, Республика Беларусь)

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках совместного белорусско-российского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом».

Аннотация: Тема Великой Отечественной войны в целом и партизанского движения на территории Беларуси, в частности, занимала одно из центральных мест в белорусской историографии. В предложенной статье анализируются работы современных белорусских историков, посвященные истории партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Показывается, что многие аспекты проблемы стали предметом дискуссии в научных кругах.

Ключевые слова: Беларусь, историография, война, партизанское движение.

P.S. Kruchek, V.N. Sergeev
(Minsk, Republic of Belarus)

GUERRILLA MOVEMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MODERN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

This work was supported by the BRFFR within the framework of the joint Belarusian-Russian project «Historical culture of Belarusians and Russians: formation of ideas about the national and common past».

Abstract: The theme of the Great Patriotic War in general and the partisan movement in Belarus, in particular, occupied one of the central places in Belarusian historiography. The proposed article analyzes the work of modern Belarusian historians on the history of the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War. It is shown that many aspects of the problem have become the subject of discussion in scientific circles.

Key words: Belarus, historiography, war, partisan movement

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на формирование мировоззрения многих поколений белорусского народа. Тема войны на долгие годы стала основной в литературе и кино. По сегодняшний день победа в войне и память о ней составляют едва ли не основу идеологии белорусского государства. Поэтому, естественно, что тема войны и, в частности, тема массового народного сопротивления на белорусской земле была и остается одной из актуальных для отечественной исторической науки.

Следует отметить, что впервые послевоенные десятилетия тема партизанского движения в публицистике, да и в научной литературе была в значительной степени мифологизирована. Основной уклон делался на доказательство руководящей роли коммунистической партии в его становлении и развитии, на героизацию деятельности партизан и подпольщиков. Именно в это время был обоснован тезис о всенародной борьбе белорусского народа против немецко-фашистских оккупантов. При этом многие вопросы, связанные с партизанским движением, в исторической литературе просто игнорировались. Среди их можно назвать, прежде всего, деятельность Армии Крайовой на территории Беларуси, случаи репрессий партизан против местного населения, реальные потери партизан и подпольщиков, и т.д.

Перемены, произошедшие в начале 1990-х гг., создали новые возможности для изучения партизанского движения периода Великой Отечественной войны. Отличительной чертой современного периода в историографии партизанского движения

стало изучение проблем, которые в советские времена не были объектом исследовательского внимания белорусских историков. При этом многие вопросы приобрели ярко выраженный дискуссионный характер. Предметом дискуссии стал характер партизанского движения, роль Коммунистической партии в организации и развитии сопротивления на временно оккупированной территории Беларуси.

Большинство исследователей, критикуя недостатки советской историографии в освещении рассматриваемых проблем, выделяя новые направления изучения, придерживается справедливой мысли о том, что, несмотря на все негативные моменты, партизанское движение переросло в настоящую всенародную борьбу против оккупантов. На наш взгляд, правы те исследователи, которые, выступая против чрезмерного преувеличения роли партийных органов руководством вооруженной борьбой, тем не менее, считают, что партизанское движение превратилось бы в обычную «партизанщину», если бы партия не взяла его под свой контроль. Особую роль здесь сыграл Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), который возглавлял первый секретарь ЦК КПБ(б) П.К. Пономаренко. Деятельности этого органа посвящено несколько публикаций. Среди них особый интерес представляет статья А.М. Литвина «Центральный штаб партизанского движения и Беларусь», в которой проанализированы основные этапы создания и деятельность военно-оперативного органа по управлению партизанским движением. По сравнению с предыдущими публикациями исследователь использовал ранее не доступные белорусским ученым материалы, которые находятся в архивах Российской Федерации. Это позволило историку утверждать, что запоздалое, практически через год после начала войны, появление ЦШПД было вызвано тем, что советская военная доктрина перед Великой Отечественной войной не учитывала партизанские действия как важную составную часть вооруженной борьбы. Тем не менее, как справедливо отмечает А.М. Литвин, «в том, что партизанское движение достигло на оккупированной врагом территории СССР большого размаха и эффективности, несомненная заслуга принадлежит ЦШПД» [1].

Предметом дискуссии стала также проблема всенародного характера партизанской борьбы. Большая часть исследователей, критикуя недочеты советских историков в освещении рассматриваемой проблемы и выделяя новые направления исследований, придерживается мысли, что, несмотря на все недостатки и негативные факты, движение сопротивления имело действительно всенародный характер. Этот тезис, в частности, подчеркивался в работах А.А. Ковалени, С.В. Жумаря, В.И. Адамушко, М.Ф. Шумейко, К.И. Доморада и многих других исследователей.

В то же время в некоторых работах тезис о всенародном характере сопротивления на временно оккупированной территории Беларуси был подвергнут сомнению. Особенно показательной в этом смысле является книга польского историка Ю. Туронка «Беларусь под немецкой оккупацией», в которой автор заявляет, что всенародный характер партизанской борьбы связан со стремлением властей БССР придать ей такой характер [2]. Выводы, сделанные польским исследователем, поддержал белорусский историк В.В. Барабаш [3]. Таким образом, вопрос о характере партизанского движения на территории Беларуси в научной и публицистической литературе остается спорным.

В 1990-е годы в научной литературе и публицистике развернулась дискуссия по вопросу взаимоотношений партизан с местным населением. Появился ряд публикаций, в которых подчеркивались негативные факты грабежей и даже убийств партизанами мирных граждан. Доходило до того, что некоторые авторы утверждали, что «...методы партизан иногда ничем не отличались от методов немецких карательных отрядов... Не щадили они и крестьян, которые отказывались отдавать партизанам свои небогатые пожитки. Не будет ошибкой сказать, что все это имело массовый характер» [4]. Однако большинство белорусских историков, опираясь на архивные материалы и другие документы, убедительно доказали, что, несмотря на определенные недостатки и негативные факты, отношения между партизанами и местным населением были в основном дружескими и взаимовыгодными. Показательным в этом плане является исследование К.А. Карчевского. На основе документальных источников, ранее не

введенных в научный оборот, автор проанализировал взаимоотношения партизанских формирований и местного населения. В целом поддерживая тенденцию советской историографии о том, что между партизанами и местным населением существовали, в подавляющем большинстве, товарищеские связи, исследователь не оставляет в стороне и негативные моменты. Так иногда возникали конфликтные ситуации, вызванные методами заготовки продуктов питания для партизанских отрядов и бригад, метко прозванного крестьянами «бомбежкой». Согласно данной системе за каждым отрядом закреплялась одна или несколько деревень для своего обеспечения. В некоторых случаях партизаны забирали у населения последнее, несмотря на материальное положение семей [5]. Однако явные факты грабежей и насилия против местного населения решительно пресекались командованием, а виновные представляли перед партизанским судом. Следует отметить, что в 1990-е гг. исследователи обратили внимание на такой малоизученный аспект партизанской борьбы, как потери партизан, вызванные деятельностью на оккупированной территории партизанских судов. В многочисленных статьях приводятся сведения о половозрастной, национальной структуре расстрелянных по приговору партизанских судов за весь период оккупации, показывается динамика вынесения приговоров по годам. Приведенный анализ свидетельствует, что высшей мере наказания за весь период партизанской борьбы подверглись 2345 человека, представители всех социальных и национальных групп, занимаемых должностей, что составляет 5,2% от всех понесенных партизанами потерь [6].

Однако в большинстве случаев отношения между партизанами и мирным населением носило конструктивный характер. Ярким примером такого сотрудничества являются партизанские зоны, которые к концу 1943 г. контролировали 58,4% оккупированной территории республики. В партизанские зоны нередко переселялись целые деревни с территории, занятой оккупантами. Население помогало партизанам в сборе и ремонте оружия, организации быта, снабжало их питанием, одеждой, обувью, обеспечивало уход за ранеными и больными.

В свою очередь партизаны помогали жителям сеять, убирать урожай, охраняли их от врага. Так, только в августе 1943 г. партизанами Минской области за сохранение хлеба было проведено 59, а партизанами Могилевской области свыше 30 боев. В партизанских зонах готовились резервы, шло пополнение партизанских формирований. В отрядах и бригадах насчитывалось 374 тыс. человек, а через партизанские резервы прошло почти 400 тыс. местных жителей [7].

Довольно дискуссионным в белорусской историографии по-прежнему остается вопрос, связанный с оценкой деятельности польских партизан на территории Западной Беларуси. Ведущей организацией польского движения Сопротивления была Армия Крайова (АК). Польские историки оценивают количество аковцев в 50 тысяч человек. В целом с этой цифрой согласен и белорусский исследователь В.В. Барабаш. Однако он уточняет, что 50 тысяч человек насчитывал конспиративный состав АК, примерно, половина которого боролась в составе вооруженных формирований [8]. Поляки не признавали включения западно-белорусских земель в состав СССР и рассматривали их как составную часть польского государства. Поэтому и отношение их к белорусским партизанам и к местному населению в целом были далеко не однозначными. В современной белорусской историографии существуют различные оценки деятельности АК на территории Беларуси. В частности, В. И. Ермалович и С.В. Жумарь в своей монографии акцентировали внимание на отрицательных моментах деятельности польских формирований. Они отмечали, что отряды АК постепенно скатились к бандитизму, произволу и насилию по отношению к местному белорусскому населению [9]. Аналогичную точку зрения выразил и эмигрантский историк Ю. Веселковский, который утверждал, что деятельность Армии Краевой имела ярко выраженный антибелорусский характер [10].

Факты сотрудничества с оккупантами, как и борьбу с советскими партизанскими формированиями, подтверждает и польский исследователь Ю. Туронок. Автор отмечает, что «в конце 1943 г. оккупационные власти решили активизировать польские силы для борьбы с советским партизанским движением и привлечь к сотрудничеству отряды АК. Ради этого они отказались от

предыдущего антипольского курса, который был избран ими в середине 1942 г.

Немцы рассчитывали на то, что слабо вооруженные аковские отряды, которые враждовали с советскими партизанами и даже имели с ними кровавые столкновения, теперь не откажутся от предложения улучшить состояние своего вооружения. И, на самом деле, некоторые отряды АК согласились с таким предложением [11]. Итогом противостояния стали значительные человеческие потери. Например, командир столбцовской группировки АК в Новогрудском округе Адольф Пильх сообщал: «Начиная с декабря 1943 г. до конца июня 1944 г. члены его отряда убили около 6 тысяч "большевиков"» [12]. С этими выводами согласен и белорусский исследователь В.В. Зданович, который подчеркивает, что подавляющим большинством убитых поляками «большевиков» были мирные белорусские жители [13].

С такими оценками не согласился В.В. Барабаш, который в своей монографии утверждает, что многие факты о жертвах среди местного населения от рук АК, приведенные в трудах белорусских исследователей, преувеличены, а материал в книгах подобран и интерпретирован тенденциозно [14].

Более взвешенную и объективную оценку деятельности польских формирований на территории Западной Беларуси предложил в своих работах А. Литвин. Использование новых, ранее недоступных исследователям архивных документов, позволило ему сделать вывод о том, что, с одной стороны, советские партизаны и формирования АК, имея одного врага, находились по одну сторону баррикад, с другой стороны, политические отношения советского руководства и лондонского польского правительства привели к неизбежному конфликту между аковцами и советскими партизанами, которые, как справедливо отмечает А.М. Литвин, постепенно перерастал в гражданскую войну [15].

Своеобразным подведением итогов в исследовании вопросов партизанской борьбы в 1990-х – начале 2000-х гг. стала изданная в 2005 г. коллективом авторов работа «Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.», в которой отмеченной проблеме отведен отдельный раздел «Антифашистское сопротивление на территории Беларуси».

Опираясь на опубликованные исследователями архивные документальные материалы, авторы попробовали показать не только уже известные страницы партизанской жизни, но и аспекты, которые не изучались в советское время. В частности, значительное место в разделе отведено анализу деятельности на территории Беларуси Армии Крайовой. На основании анализа источников исследователи подтвердили выводы белорусских историков о совместной – до весны 1943 г. – деятельности советских партизан и аковцев против немецких властей. Однако после прекращения дипломатических отношений между СССР и Польским эмигрантским правительством ситуация изменилась. Как отмечают авторы, итогом новой советской политики стала принятие и реализация партийных постановлений и директивного письма о разоружении аковских формирований советскими партизанами, что и привело к прямым столкновениям между ними. Вместе с тем ученые подчеркивают: «Отмеченные выше факторы лишь ускорили ранее имевшие тенденции во взаимоотношениях между партизанами и аковцами» [16].

Обоснованными приводятся итоги раздела о том, что польское антисоветское подполье на территории западных областей Беларуси явилось результатом нерешенности советско-польских проблем. «"Польский вопрос" как внешнеполитическая проблема решалась не только в ходе дипломатических переговоров, но и в ходе борьбы формирований Армии Крайовой с органами советской власти. Результат борьбы был трагическим для обеих сторон, каждая из которых отстаивала свою правоту, не жалея при этом сил и средств» [17].

Таким образом, анализ историографической литературы, созданной в конце XX – начале XXI в., показывает, что отличительной особенностью нового периода историографии сопротивления, который начался после приобретения Республикой Беларусь независимости, стало изучение вопросов, не получивших надлежащего освещения в советской исторической литературе. В первую очередь это касается деятельности АК. Вместе с тем неоправданно была приостановлена работа по дальнейшему изучению советского партизанского движения, ряд проблем которого не нашли надлежащей разработки в отечественной

историографии. В частности, требуют уточнения данные об общем количестве партизан, итоги боевой деятельности и потерь партизанских сил.

Примечания

1. *Літвін А.М.* Цэнтральны штаб партызанскага руху і Беларусь: да а 65-й гадавіны са дня стварэння // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 5. – С. 4.
2. *Туронок Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй / пер. з пол. *В. Ждановіч*; камент. *А.М. Літвіна*. – Мінск: Беларусь, 1993. – С. 99.
3. *Барабаш В.В.* Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941–1944 гг.). – Гродно: ГрГУ, 1998. – С. 118.
4. *Шыраеў Я.* Партизаны правакавалі акупантаў. // Літ. і мастацтва. – 1992. – 3 крас.
5. *Карчевский К.А.* Взаимодействие партизан и населения Беларуси в Великой Отечественной войне (1941-1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск: БГУ, 2003. – С. 15.
6. *Вишневский А.Ф., Лукошко И.В.* О некоторых проблемах истории исследования органов НКВД на территории Беларуси накануне и в годы Великой Отечественной войны // Старонкі ваенай гісторыі Беларусі: зб. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ім. М. Танка; рэдкал.: *А.А. Каваленя* [і інш.]. – Мінск: БДПУ, 1992. – Вып. 1. – С. 77–90.
7. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / *А.А. Коваленя* (рук. авт. коллектива) [и др.]. – Минск: БелТА, 2005. – С. 188.
8. *Барабаш В.В.* Указ. соч. – С. 11.
9. *Ермолович В.И., Жумарь С.В.* Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.). – Минск: БелНИЦДААД, 1994. – С. 41.
10. *Весялкоўскі Ю.* Што прывяло Армію Краёву на Беларусь. – Весялкоўскі. Лондан, 1995.
11. *Туронок Ю.* Указ. соч. – С. 170.
12. Там же. – С. 174.
13. *Літвін А.М.* Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі. – Мінск : Бел.кнігазбор, 2000. – С. 79.
14. *Барабаш В.В.* Указ. соч. – С. 13, 74.
15. *Здановіч У.В.* Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Агляд крыніц і айчыннай гістарыяграфіі. – Брэст: БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2012. – С. 125.
16. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – С. 282.
17. Там же. – С. 292.

А.Г. Иванов
(г. Краснодар, Российская Федерация)

«СТРАННАЯ ВОЙНА» И ПОРАЖЕНИЕ ПОЛЬШИ В 1939 Г.

Аннотации: В статье представлен анализ предвоенного политического кризиса в Европе и начала Второй мировой войны. Особое внимание уделяется англо-французским гарантиям Польше, переговорам между Великобританией, Францией и СССР, феномену «странной войны», а также поражению Польши в 1939 г.

Ключевые слова: кризис, правительство, переговоры, гарантии, война.

A.G. Ivanov
(Krasnodar, Russian Federation)

«THE PHONY WAR» AND THE DEFEAT OF POLAND IN 1939

Abstract: The article presents an analysis of the pre-war political crisis in Europe and the beginning of the Second World War. Special attention is paid to anglo-french guarantees to Poland, talks between Great Britain, France and the USSR, “phony war” phenomenon, as well as to defeat of Poland in 1939.

Key words: crisis, government, talks, guarantees, war.

Вопрос о мере ответственности за пожар Второй мировой войны приобрел в последнее время небывалую остроту. Нескончаемый спор историков о том, кто виноват в развязывании войны, дополнила полемика между лидерами ряда стран, в частности России, Польши и Украины. На Западе давно уже расхожей стала версия, будто СССР наравне с нацистской Германией несет ответственность за трагедию 1939 г. При этом историки, как и политики ссылаются на пакт о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 г. [1] Квинтэссенцией подобных рассуждений можно считать мнение английского историка Р. Мурхауса: «Подписание пакта напрямую привело к началу войны. Польша попала в изоляцию, затертая между двумя злонравными соседями, а довольно беспорядочным попыткам

западных держав воспрепятствовать Гитлеру был положен конец. Поэтому на войне, которая вскоре разразилась, лежало ненавистное клеймо пакта. Пока западные державы вели так называемую странную войну, Польша подверглась вторжению, и ее поделили между собой Москва и Берлин» [2].

Но не все историки на Западе согласны с такой точкой зрения. Так, английский историк А.Тейлор, один из признанных авторитетов исторической науки, считает иначе. В монографии «Вторая мировая война», переведенной на многие языки, он отмечает, что причин войны удивительно много. И далее он перечисляет некоторые из них: острое недовольство итогами Первой мировой войны в Германии, Венгрии, Италии и Японии. Это недовольство усилилось под влиянием мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Япония в этих условиях усилила армию и развязала агрессию в Китае. Но у Германии, связанной Версальским договором, «не было столь простого выхода». Гитлер и Япония были далеки от планирования мировой войны, они были убеждены, что мировая война окажется губительной для них. «И Гитлер, и японцы надеялись получить ряд небольших выгод без войны, без серьезной борьбы» [3]. Последний тезис Тейлора вызвал в свое время острую критику со стороны его коллег, но он остался при своем мнении.

75-летие Великой Победы над фашизмом подтолкнуло историков, и не только их, к анализу причин, породивших войну, и в этом смысле статья Президента Российской Федерации В.В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» занимает особое место. Это в том числе и ответ тем недругам России, кто, ничтоже сумняшеся, ставит знак равенства между нацистской Германией и СССР. Президент, в частности, отмечает глубинные причины войны, уходящие к временам Версаля, печальную судьбу Чехословакии, преданную Великобританией и Францией в 1938 г., неудачный исход англо-франко-советских переговоров в 1939 г., а также позицию Польши. Вот что он пишет: «Свою роль в провале переговоров сыграла Польша, которая не хотела никаких обязательств перед советской стороной. Даже под давлением западных союзников польское руководство отказывалось от

совместных действий с Красной армией в противостоянии вермахту». И далее: «В сложившейся ситуации Советский Союз подписал Договор о ненападении с Германией. Фактически сделал это последним из стран Европы, причем на фоне реальной опасности столкнуться с войной на два фронта – с Германией на западе и с Японией на востоке, где уже шли интенсивные бои на реке Халхин-Гол» [4]. Все так и было, и это подкрепляется архивными документами, в том числе неопубликованными, которые использовал автор настоящей статьи.

В условиях острейшего кризиса, который разразился в Европе после ликвидации Германией Чехословакии 15 марта 1939 г., Польша приобретала особое значение для Великобритании и Франции. Именно ей первой английское правительство Н. Чемберлена предоставило гарантию 31 марта. В декларации, озвученной британским премьером в парламенте, подчеркивалось, что в случае угрозы независимости Польши Великобритания придет к ней на помощь всеми имеющимися в ее распоряжении силами и средствами. Вскоре примеру Англии последовала Франция.

На это решение повлияло несколько факторов. Акция Гитлера по уничтожению Чехословакии создавала реальную угрозу большой войны. В результате аннексии Чехии и превращения Словакии в фашистское государство Германия заметно укрепила свой военно-экономический потенциал и стратегические возможности. По подсчетам военного министерства Великобритании, нацисты захватили оружие и снаряжение в Чехословакии достаточное для оснащения 38 пехотных и 8 мобильных дивизий [5].

С середины марта 1939 г. в Лондон поступали тревожные сведения о скором нападении Германии на Польшу и Румынию. Подчинение этих стран диктату Гитлера привело бы к господству Третьего рейха в Европе и низвело бы Великобританию и Францию до положения второразрядных государств. К тому же не исключалось продвижение Германии на запад с целью захвата Голландии и ликвидации Франции. Черед Великобритании, как сообщил английский посол в Париже Э. Фиппс в Форин оффис со ссылкой на хорошо информированный источник, должен был

наступить в 1940 г. [6]. Следовательно, необходимо было принять превентивные меры, чтобы предотвратить катастрофу.

Действовал еще один фактор – банкротство политики умиротворения. Вот что сообщил советский полпред в Великобритании И.М. Майский в НКВД СССР 20 марта 1939 г.: «Аннексия Чехословакии, несомненно, произвела громадное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее, вплоть до кругов, представляемых «Таймс». Политика «умиротворения» в сознании широчайших масс мертва. Случилось то, чего больше всего старался избежать Чемберлен: между Англией и Германией пролегла глубокая политическая и морально-психологическая борозда, которую заровнять будет нелегко. Какие-либо переговоры между Лондоном и Берлином в ближайшем будущем невозможны» [7].

Англо-французские гарантии Польше (позднее аналогичные гарантии получили Румыния, Греция и Турция) не были «дипломатической революцией» во внешней политике западных держав, как считают некоторые зарубежные историки [8]. Они вкладывают в это понятие отказ от политики умиротворения и переход к противодействию Германии с целью недопущения большой войны. Прояснить существо гарантий позволяют архивные документы из фонда Форин оффис, и в этом смысле ключевым является меморандум английских начальников штабов «Военное значение гарантий Польше и Румынии» от 3 апреля 1939 г. В нем содержался детальный анализ соотношения сил противостоявших сторон. Сухопутная армия Германии оценивалась в 105-110 дивизий, из которых 77-80 признавались пригодными для проведения операций на фронте. Франция могла выставить 86 дивизий в течение месяца с начала войны, не считая 10-ти в Северной Африке и 4-х, полученных в ходе мобилизации, а Великобритания отправить в Европу 2 дивизии в течение трех месяцев.

Вооруженные силы Польши оценивались в 48 пехотных дивизий и 20 кавалерийских бригад, а Румынии – в 22 пехотных, 3 кавалерийских дивизии и 3 горные бригады. Начальники штабов отметили, что «польская армия хорошо оснащена современным

оружием, но у нее слабая артиллерия, а средства ПВО не отвечают современным требованиям». И далее: «Эффективность польской армии не такая высокая, как германской, но поляки будут стойко сражаться за свою территорию». Гораздо менее оптимистичной была оценка боеспособности румынской армии – «у Румынии всего 2 военных завода, и она не в состоянии обеспечить свою армию вооружением». Выводы, к которым пришли начальники штабов, звучали крайне тревожно: «Если Германия предпримет основное наступление на Восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать Румынию, польскую Силезию и «польский коридор» (данцигский. – А.И.). Если она продолжит наступление в Польше, потребуется лишь некоторое время для уничтожения Польши... Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше и в воздухе для противодействия германскому вторжению, Более того, учитывая состояние английских и французских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить Польшу или Румынию вооружениями. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР» [9]. Но сотрудничество с СССР мыслилось не в рамках двусторонних обязательств, а как подключение Советского Союза в качестве поставщика военных материалов для Польши и Румынии.

Публикации последних лет позволяют точно определить позиции великих держав и малых европейских стран, в том числе Польши, в канун Второй мировой войны [10]. Англо-французские гарантии Польше не имели реального содержания, а предназначались для успокоения общественности и должны были служить средством сдерживания Германии. Но последнее было более чем проблематичным; гарантии не подкреплялись военными конвенциями, к тому же без участия СССР ни о каком большом антигерманском союзе не могло быть и речи. Гитлер твердо намеревался напасть на Польшу при первой подходящей возможности и его не могли остановить фактически пустые декларации. 3 апреля 1939 г. фюрер издал директиву о подготовке германских войск к нападению на Польшу, а 11 апреля он подписал план «Вайс» – план военного разгрома Польши.

Английские начальники штабов вольно или невольно преувеличили потенциал и возможности польской армии. Это была

армия старого образца. Пехота составляла 57%, а авиация и танковые войска соответственно 2,5 и 2,3 % [11]. Этот фактор сыграл свою роль в сентябре 1939 г., когда вермахт уничтожил польскую армию в кампании блицкрига.

Но прежде были сложные англо-франко-советские переговоры, которые до сих пор вызывают острые споры среди историков. На Западе многие исследователи считают, что СССР несет ответственность за провал переговоров, так как Сталин давно уже задумал договориться с Гитлером, и подтверждение этого – пакт о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 г. [12]. Отечественные историки полагают иначе, обвиняя во всем Великобританию и Францию, а также Польшу, которые не желали тесно сотрудничать с СССР, и это нежелание явилось главной причиной неудачного исхода переговоров [13].

На наш взгляд, англо-франко-советские переговоры в 1939 г. были обречены на неуспех по целому ряду причин. Одна из главных заключалась в том, что Великобритания не отказалась от политики умиротворения и не осуществила никакой «дипломатической революции». Доказательства этому можно найти в архивном фонде Форин оффис. Так, на заседании кабинета 3 мая 1939 г. лорд Галифакс подчеркнул, что образование антигерманского союза с участием в нем СССР сделает войну неизбежной. Кроме того, Япония, которая только что отклонила предложение Германии об укреплении Антикоминтерновского пакта военным союзом, может передумать и изменить свое решение. Галифакса поддержал министр по делам доминионов Т. Инскип, отметивший негативное отношение Канады и Южно-Африканского Союза к идее открытой ассоциации с Россией.

В то же время лорд Галифакс и другие члены правительства опасались поворота Сталина в сторону Германии, а неудачный ход и исход переговоров мог его спровоцировать. Поэтому кабинет согласился с предложением министра по делам колоний М. Макдональда «продолжать переговоры в течение какого-то времени» [14]. 24 мая на очередном заседании кабинета было высказано мнение, что «когда мы усилим наши позиции посредством заключения соглашения с российским правительством, мы должны выступить с инициативой о

возобновлении политики умиротворения». Таким образом, «у нас появится возможность договариваться (с Германией. – А.И.) с позиции силы и, скорее всего, Германия прислушается к нам». Инициаторы этого предложения лорд Галифакс и Т.Инскип считали, что для успеха переговоров с немцами необходимо заверить их в том, что Англия не собирается осуществлять экономическую блокаду Германии и готова обсуждать с ней «в любое время любые вопросы». Они не исключали, что это предложение может быть отвергнуто немцами, но, если оно будет принято, это послужит важным шагом к умиротворению. «Если наши позиции будут достаточно сильными, мы сможем взять инициативу на себя в подходе к Германии». Чемберлен не отверг этого в принципе, но заметил, что момент для принятия данного предложения «еще не созрел. Необходимо не только оставаться сильным, но добиться того, чтобы другие осознали этот факт. К тому же общественное мнение еще не готово для такого поворота» [15]. Интересно, что Галифакс в беседе с германским послом в Лондоне Г.фон Дирксом 19 мая 1939 г. также затронул тему умиротворения, но предлагал немцам взять инициативу на себя [16].

Между тем обстановка в Европе неудержимо ухудшалась, в столицы европейских стран все чаще поступала информация о военных приготовлениях в Германии. Так, 31 мая в Лондон из Берлина поступило сообщение о том, что Германия будет полностью готова к войне к 1 августа 1939 г. и что Данциг не имеет отношения к ее истинным намерениям [17]. Через месяц также из Берлина была получена информация, что Гитлер «твердо решил начать войну этой осенью». Он убежден в слабости Британской империи; его главная цель – ни Данциг, ни коридор (данцигский. – А.И.), а «разрушение Британской империи». Отмечалось также, что генеральный штаб полностью на стороне Гитлера и уверен в том, что Германия выиграет войну. «Россию они в расчет не берут, а США выступить не посмеют» [18]. Известный английский историк, профессор Кембриджского университета Р.Эванс отмечает в этой связи: «23 мая 1939 года Гитлер сообщил руководителям вермахта..., что «Англия является нашим врагом и война с ней – это вопрос жизни и смерти» [19]. Таким образом, Гитлер, делая ставку

на скоротечную войну против Польши, стремился не допустить ее перерастания в общеевропейскую войну. Что касается задачи уничтожения Британии и ее империи, то она была рассчитана на перспективу. Германия тогда еще не обладала необходимыми ресурсами и возможностями, и ей следовало прежде утвердить свое господство в Европе и лишить Англию ее союзников.

Англо-франко-советские переговоры в 1939 г. не имели шансов на успех еще и потому, что Великобритания не желала связывать себе руки твердыми обязательствами, довольно долго отказывалась предоставить гарантии Прибалтийским странам, как это предлагала Москва, и невысоко оценивала военный потенциал СССР. В качестве иллюстрации обструкционистской позиции Англии (Франция безропотно следовала за ней и не проявляла инициативы) можно сослаться на доклад постоянного заместителя министра иностранных дел А.Кадогана от 19 апреля 1939 г. В нем содержались замечания (согласованные с лордом Галифаксом) по советскому проекту о создании антигерманской коалиции от 17 апреля. СССР предложил Великобритании и Франции заключить соглашение о взаимопомощи сроком на 5-10 лет; оказывать помощь, включая и военную, странам Восточной Европы, расположенным между Черным и Балтийским морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против них; взять обязательство о незаключении сепаратного мира с агрессором. Советское правительство настаивало на том, чтобы политическое соглашение было подписано одновременно с военной конвенцией [20]. При этом условии можно было обеспечить достаточно быструю и эффективную поддержку странам, подвергшимся агрессии.

На взгляд Кадогана, эти предложения были «крайне неудобными» с военной и политической точек зрения. Он невысоко оценил оборонный потенциал СССР, «чья армия подорвана чистками, а военно-воздушные силы... не отвечают современным требованиям». Он был настроен скептически и в отношении поставок советских военных материалов Польше и Румынии из-за «неэффективности транспортной системы» СССР. Еще один аргумент «против» свелся к тому, что «СССР не имеет границы с Германией, а посылать войска через территорию Польши не

сможет, ибо Польша опасается именно этого». Британский дипломат выразил неудовольствие тем обстоятельством, что предложенное соглашение предусматривало оказание помощи Прибалтийским государствам. Он повторил аргументы, выдвигавшиеся ранее Чемберленом (на заседании кабинета 27 марта): союз с СССР подтолкнет страны фашистского блока к разжиганию военной опасности, вызовет недовольство Польши и Румынии и подорвет влияние Великобритании в Испании, Португалии и Югославии. В то же время не исключалась опасность, что СССР, столкнувшись с нежеланием западных держав заключать соглашение с ним, повернет к Германии и нормализует отношения с ней, да и оппозиция в Англии использовала бы отказ правительства от советских предложений для новых нападков на его политику. И все же Кадоган склонился к отказу, поскольку соглашение «оттолкнет от нас наших друзей и усилит пропаганду наших врагов без достаточной компенсации каким-либо реальным материальным вкладом в укрепление фронта» против Германии [21]. В свете данного документа (а он был поддержан правительством) становится понятным неудачный ход и исход переговоров.

И еще один документ из архива Форин оффис – меморандум лорда Галифакса от 22 мая 1939 г. В тот день Германия и Италия оформили военный союз («Стальной пакт»), который усилил напряженность в Европе. Примерно за месяц до этого Гитлер аннулировал два соглашения: польско-германскую декларацию о неприменении силы 1934 г. и англо-германское морское соглашение 1935 г. Таков был его ответ на англо-французские гарантии странам Восточной Европы. Для многих становилось очевидным, что Гитлер может развязать войну в любой момент.

В меморандуме Галифакса был представлен перечень аргументов «за» и «против» союза Англии, Франции и СССР. Последних оказалось гораздо больше: 11 против 5. В сущности, позиция Великобритании осталась прежней, если не считать отдельных нюансов. В числе аргументов «за» были такие:

«Пакт может предотвратить войну; политика гарантий может оказаться более эффективной». Интересным представляется такой абзац (он характеризует сущность британской политики): «Если мы

договоримся с СССР, то получим от него помощь на западе», а с учетом того, что СССР может быть атакован Германией либо через Прибалтику (что маловероятно, по мнению начальников штабов), либо через Польшу и Румынию, которые «не окажут сопротивления», то получается, что «в итоге мы будем в выигрыше». И еще: «В любом случае надо постараться вовлечь СССР в войну (если она случится), чтобы не допустить, что СССР останется невредимым, а Англия и Германия будут в руинах». Было высказано предположение, что «реальная советская политика сводится к тому, чтобы постараться втянуть нас (в вооруженный конфликт. – А.И.), а самим остаться в стороне» [22].

С учетом этих документов совершенно очевидно, что англо-франко-советские переговоры могли в лучшем случае тянуться бесконечно долго без особых шансов на успех. Немалая доля ответственности за их провал лежит на тогдашних руководителях Польши. Они (прежде всего министр иностранных дел Ю. Бек) полагались на собственные силы и поддержку Великобритании и Франции в случае германской агрессии. В начале апреля 1939 г. Бек посетил Лондон и провел переговоры с английским правительством. На них обсуждались вопросы взаимного сотрудничества, привлечения СССР к антигерманскому фронту, а также позиция Польши в случае наступления Германии на Запад. Бек подчеркнул, что его правительство готово улучшить отношения с Советской Россией, но не расширять их, поскольку любой пакт о взаимопомощи с ней вызовет немедленную враждебную реакцию Гитлера и спровоцирует конфликт. Данцигскую проблему (по мнению поляков, англичан и французов, яблоко раздора между Германией и Польшей. – А.И.) польское правительство намеревалось решить путем переговоров с Германией и заключения соглашения, которое обеспечивало бы права местного населения в Данциге [23].

Архив Форин оффис содержит массу свидетельств того, что тогдашнее руководство Польши резко отрицательно относилось к идее сотрудничества с СССР. Причин тому было несколько. Разумеется, сказывался груз старых и недавних обид, не утихли споры из-за Западной Украины и Западной Белоруссии, имел место плохо скрываемый антисоветизм официальной Варшавы. Но были

и другие моменты. Так, английский посол в Польше Г.Кеннард сообщил в телеграмме в Форин оффис 19 апреля 1939 г.: «Польша опасается, что, если СССР станет полноправным участником антигерманской коалиции совместно с Англией и Францией, ценность и значимость Польши уменьшатся в наших (т.е. англичан. – А.И.) глазах» [24]. Отрицательно к идее сотрудничества с СССР относились также Румыния и Прибалтийские страны [25]. Тройственные переговоры натолкнулись на серьезные трудности, преодолеть которые оказалось невозможно.

Между тем обстановка в Европе неудержимо ухудшалась из-за обострения отношений между Германией и Польшей. В Лондон все чаще поступала информация о твердом намерении Гитлера разрешить польский вопрос силою оружия. 27 июня главный дипломатический советник правительства Р.Ванситтарт (он курировал политическую разведку по линии Форин оффис) представил меморандум, в котором со ссылкой на немецкие источники указал, что Германия осуществит вторжение в Польшу не позднее сентября. Оставшееся до этого время Гитлер использует для нагнетания напряженности в Европе и запугивания своих противников. Вермахт планируется привести в состояние полной боеготовности к 27 августа. «Из сказанного выше, - резюмировал Ванситтарт, - очевидно: Гитлер убежден в том, что подчинение Польши может быть достигнуто в лучшем случае при помощи блефа, угроз и демонстрации силы, а в худшем – развязыванием быстротечной войны» [26]. Но в Лондон поступали и другие сообщения, по сути диаметрально противоположные, от активных умиротворителей, таких как английский посол в Германии Н. Гендерсон. Вот что он отметил в докладной записке для постоянного заместителя министра иностранных дел А.Кадогана (документ датирован 29 июня): «Я не верю, что Гитлер уже принял решение, как поступить этой осенью. Он просто выжидает и играет на нервах. Несомненно, он желает получить то, что он хочет при условии, что это случится без войны, и он по-прежнему стремится к взаимопониманию с Англией и не собирается воевать с нами, если только мы не нападем (на Германию – А.И.). Отсюда следует, что, если мы выработаем конструктивную линию, нацеленную на достижение мира, он скорее всего будет готов к диалогу. Но усилия

в этом направлении должны быть такими, которые его устроят, а именно: признание господства Германии на континенте (в Европе. – А.И.), другими словами, признание факта равенства Германии с нами». Гендерсон предлагал отказаться от конфронтации с Германией, как самой сильной державой в Европе и пойти на уступки Гитлеру: «Надо признать пересмотр политической карты Европы, ибо в противном случае неизбежна война. Необходимо уведомить Германию, что, если она готова к переговорам (с Великобританией. – А.И.), а не применению силы, мы готовы обсуждать экономические проблемы, проблемы сырья, разоружения и даже колониальный вопрос» [27].

Но, несмотря на попытки англичан договориться с немцами посредством тайной дипломатии, им не удалось прийти к общему знаменателю. Время Мюнхена давно миновало, и Гитлера не устраивали половинчатые уступки со стороны англичан. Он твердо нацелился на войну против Польши и не верил в англо-французские гарантии ей. 5 мая 1939 г. Гендерсон сообщил в Форин оффис о беседе польского военного атташе в Берлине с адъютантом Г. Геринга генералом К.-Г. Боденшатцем. Тот заявил, что война в Европе в 1939 г. неизбежна, и что он уверен в том, что Англия и Франция не окажут никакой помощи Польше в ее противостоянии Германии [28]. Интересен комментарий к этому донесению одного из ведущих сотрудников Форин оффис А. Киркпатрика: «Если Боденшатц прав, Гитлер решил развязать войну, и ему осталось лишь выждать подходящий момент. Мы не в состоянии предотвратить войну, кроме как принять необходимые меры, чтобы заставить Гитлера отказаться от своих намерений. Боденшатц не считает, что мы будем стоять в стороне, но, согласно многим сообщениям, Риббентроп придерживается противоположного мнения... Я не вижу иных возможностей для предотвращения войны, кроме как капитуляция» [29].

В августе 1939 г. по предложению советского правительства в Москве состоялись переговоры военных миссий Великобритании, Франции и СССР. По мнению некоторых историков, это был последний шанс спасти мир [30]. На наш взгляд, такая оценка не отражает всей сложности ситуации и несходства позиций участников переговоров. СССР предложил развернутый план

военных действий трех великих держав при всех возможных случаях агрессии. План предусматривал подключение к совместным военным операциям вооруженных сил Польши и Румынии [31]. Если бы он был реализован, на пути агрессоров мог быть воздвигнут надежный барьер. Но этого не случилось.

Западные миссии были снабжены инструкциями, которые не позволяли надеяться на успешное завершение переговоров. Так, британской делегации предписывалось «вести переговоры очень медленно, к русским относиться сдержанно» и не передавать им никакой конфиденциальной информации. Предписывалось не брать на себя никаких твердых обязательств и «стремиться к тому, чтобы ограничиваться в военном соглашении возможно более общими формулировками. Что-нибудь вроде согласованной декларации о политике могло бы соответствовать этому» [32]. Понятно, что такой подход (французская миссия была снабжена аналогичной инструкцией) исключал возможность образования антигерманской коалиции.

Свою лепту в неудачный исход московских переговоров внесла Польша. Вопрос о проходе советских войск через территорию Польши (или Румынии) в случае германской агрессии приобрел ключевое значение. Но в этом вопросе позиция польского правительства оставалась неизменной: оно было категорически против прохода советских войск. Вот что телеграфировал английский посол в Варшаве Г. Кеннард лорду Галифаксу 18 августа: Бек считает, что «если Польша согласится на проход русских войск через свою территорию, это приведет к немедленному объявлению войны (Польше. – А.И.) Германией» [33]. 20 августа Бек сообщил в Париж, что недопустимо для держав, участвующих в переговорах в Москве, обсуждать вопрос об использовании территории другого суверенного государства. «Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такие договоры заключать не намеревается». [34]. Эта позиция Бека была предварительно согласована с маршалом Э. Рыдз-Смиглы и президентом Польши И. Мосьцицким. Для англичан и французов становилось очевидным, что им скорее всего не удастся переубедить поляков (а они пытались сделать это) и следует готовиться к худшему, т.е. к

войне. Бек обладал большим влиянием в предвоенной Польше, и его мнение всегда было решающим. О его взглядах на «проблему России» можно судить по его высказываниям в ходе беседы с английским генералом А. Картон де Уиртом во время его визита в Варшаву 1 августа 1939 г. Польский министр иностранных дел заявил, что критический период наступит в последнюю неделю августа и продолжится до середины сентября. Как сообщил Картон де Уирт в своем донесении в военное министерство, «он не верит в успех наших переговоров, военных или политических, с Россией». «Я (т.е. генерал. – А.И.) спросил его, верит ли он в то, что Россия и Германия придут к взаимному согласию?» На это Бек ответил, что полной уверенности в этом у него нет, но «если в ходе войны дела у Германии пойдут очень плохо и она попросит Россию о помощи, то помощь последует» [35].

Провал тройственных переговоров в Москве подтолкнул И.В. Сталина к принятию решения о заключении договора о ненападении с Германией. Это не было спонтанным решением, ибо где-то с середины августа 1939 г. между сторонами имел место интенсивный диалог.

Версию о злонамеренности действий СССР опровергает такой авторитетный историк, как Р. Эванс: «В начале августа 1939 года Риббентроп и Вайцзеккер (статс-секретарь германского МИДа. – А.И.) с одобрения Гитлера подготовили планы совместного раздела Польши с Советским Союзом. Но Сталин все еще колебался. Однако наконец 21 августа он согласился со все более настойчивыми запросами Гитлера о подписании официального пакта» [36]. Советско-германский пакт о ненападении подвел финишную черту под политикой коллективной безопасности, которую до этого отстаивал СССР. По-своему лицемерным являлось заявление В.М. Молотова о том, что «некоторое время спустя, например, через неделю, переговоры с Францией и Англией могли быть продолжены» [37]. Через неделю Европа уже погружалась в хаос войны, а правительства западных держав поспешно и лихорадочно изыскивали подходящие варианты урегулирования польского вопроса.

Интересной представляется реакция министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса на сообщение о том, что Сталин

и Гитлер договорились о подписании пакта. На заседании кабинета 22 августа 1939 г. (англичане уже знали, что это событие вот-вот состоится) он отметил, что «пакт... усилил недоверие Польши по отношению к СССР. По самой своей сути пакт не так уж и важен; но моральный эффект большой» [38].

В самый канун войны западные державы в спешном порядке рассматривали несколько вариантов германо-польского урегулирования: конференция 5 держав (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Польша; предложение Муссолини, своеобразный «второй Мюнхен»), германо-польские переговоры при посредничестве Англии, либо без ее участия. Ни один из них не прошел, да и не мог состояться, ибо противоречия между державами уже давно вышли за пределы допустимого, и их невозможно было разрешить мирными средствами. Германия рано утром 1 сентября 1939 г. напала на Польшу.

И в условиях войны правительства Чемберлена и Даладье не отказались от идеи замирения с Гитлером за счет Польши. Но спорадические попытки урегулировать германо-польские отношения закончились безрезультатно. 3 сентября 1939 г. Великобритания и Франция объявили о состоянии войны с Германией. Так началась Вторая мировая война.

Война Германии против Польши развивалась по сценарию Гитлера и германского генерального штаба. Огромный перевес в силах и средствах, превосходство в подготовленности войск позволили Германии эффективно и эффектно провести кампанию блицкрига против Польши. План «Вайс» предусматривал рассекающие и окружающие удары вермахта с трех сторон в общем направлении на Варшаву. Соотношение сил в сентябре 1939 г. оказалось следующим: 1,6 млн обученных солдат у Германии и 1 млн мобилизованных у Польши, далее – дивизий танковых - 7:0, моторизованных - 4:0, танков – 2800:870 с танкетками, орудий и минометов – 6000:4300, самолетов – 2000:407 [39]. На направлениях главных ударов перевес вермахта над польской армией был еще более внушительным.

В первые дни войны германские войска сумели сломить оборону польской армии на рубежах вдоль границ, рассечь ее фронт и осуществить глубокие обходные маневры на флангах.

Польские войска начали отходить на восток, стремясь уйти от угрозы окружения в западных районах страны [40]. «Наносившая удар группировка немецкой армии, – пишет Р.Эванс, – значительно превосходила силы поляков. Рассчитывая на то, что вмешательство Англии и Франции поможет остановить вторжение, и стремясь ничем не спровоцировать немцев, польское правительство до последней минуты тянуло с мобилизацией вооруженных сил. В результате войска оказались не в состоянии дать отпор внезапному массированному вторжению» [41]. О силе удара немцев свидетельствуют и такие строки: «В течение нескольких дней польские ВВС были разгромлены, а немецкие бомбардировщики, пользуясь полным превосходством в воздухе, бомбили польские военные предприятия, атаковали отступавшие части поляков, наводя ужас на население Варшавы, Лодзи и других городов» [42]. Непосредственный свидетель трагедии Польши и польского народа в 1939 г., полпред СССР в Варшаве Н.И. Шаронов записал в дневнике 7 сентября: «По дороге впечатление полной дезорганизации, растерянности и паники не только среди гражданского населения, но и армии» [43].

6 сентября польское правительство покинуло Варшаву, а с 12 сентября общее руководство вооруженными силами было практически потеряно. 17 сентября правительство Польши переехало в Румынию, и там по требованию Германии было интернировано. На следующий день командование польской армии также оказалось на территории Румынии.

17 сентября по приказу из Кремля советские войска перешли границу с Польшей и в соответствии с секретным дополнительным протоколом к пакту о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. приступили к оккупации восточных районов Польши. Москва обеспечила соответствующее идеологическое обоснование этой акции. 17 сентября послу Польши в СССР В. Гжибовскому была вручена нота советского правительства за подписью В.М. Молотова. В ней, в частности, отмечалось, что «польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство перестали существовать». Подчеркивалось, что

правительство СССР «не может... безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии» [44].

Гжибовский не согласился с такой оценкой, о чем он и заявил заместителю наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкину: «польско-германская война только начинается и... нельзя говорить о распаде польского государства. Основные силы польской армии целы и готовятся к решительному отпору германским армиям. При этих условиях переход Красной Армией польской границы является ничем не вызванным нападением на республику» [45].

История со временем расставила верные акценты. Как справедливо отмечает В.С. Парсаданова, содержащееся в ноте правительства СССР заявление, что польское государство перестало существовать, «противоречило нормам международного права, поскольку временная оккупация территории любого государства или части ее не прекращает его существования как субъекта международного права» [46]. Таким был вывод совместной комиссии ученых СССР и Польши по истории отношений между двумя странами. Президент Российской Федерации В.В. Путин в упомянутой выше статье также затронул эту сложную тему. Вот что он пишет: «трагедия Польши – целиком на совести тогдашнего польского руководства, которое помешало заключению англо-франко-советского союза и понадеялось на помощь западных партнеров. Подставило свой народ под каток гитлеровской машины уничтожения». Далее он приводит весьма интересный факт: «в советскую сферу влияния попадали не только территории, на которых проживало преимущественно украинское и белорусское население, но и исторические польские земли междуречья Буга и Вислы» [47]. И еще один факт. Переводчик И.В. Сталина В.М. Бережков, который в составе советских войск

17 сентября 1939 г. вступил на территорию Польши, свидетельствовал, что части Красной армии заблаговременно получили карты с указанием линии, на которой они должны встретиться с войсками вермахта [48]. Таким образом, Германия и СССР придерживались договоренностей, достигнутых 23 августа 1939 г.

Продвижение советских войск по территории Польши не сопровождалось какими-либо эксцессами. Подавляющее большинство частей регулярной польской армии складывали оружие. Солдаты украинской и белорусской национальностей распускались по домам. Многие солдаты польской национальности вернулись на территории, занятые немцами, чтобы бороться с захватчиками [49]. Тем не менее сотрудничество Германии с СССР стало свершившимся фактом. От акции СССР 17 сентября до подписания советско-германского договора о дружбе и границе 28 сентября 1939 г., который был подкреплён секретными дополнительными протоколами, оставались считанные дни.

Что касается западных держав, то в первые дни войны они были больше озабочены поисками мира, нежели участием в военных действиях против Германии. На западе началась «странная война», т.е. война без военных действий. Она была запрограммирована задолго до сентября 1939 г. Но шансы на восстановление мира с началом войны стремительно таяли, что подтверждают дипломатические документы. Так, 1 сентября от английского посла в Варшаве Г. Кеннарда пришло сообщение в Форин оффис, что, согласно секретной инструкции правительства Франции, французскому послу предписано оказать нажим на Ю. Бека с тем, чтобы тот принял предложение Италии о проведении мирной конференции 5 держав (Великобритании, Франции, Германии, Италии и Польши). Польский министр иностранных дел высказался категорически против и заявил, что говорить надо не о конференции, а о взаимной помощи против германской агрессии [50]. 2 сентября из Рима поступило сообщение от английского посла П. Лорейна, что итальянский министр иностранных дел Г. Чиано по-прежнему настаивает на проведении конференции. Единственное, что требуется от Гитлера, – прекратить военные действия [51]. Англичане и французы были

готовы поддержать идею конференции, но не они диктовали ход войны. Гитлер не собирался отступить от своих решений, а тем более отводить войска на исходные рубежи. «Второй Мюнхен» не состоялся.

Война Германии против Польши развивалась стремительно. К 16 сентября польские вооруженные силы были разгромлены. Отдельные воинские подразделения продолжали оказывать сопротивление противнику до конца сентября, но это ничего уже не решало. Великобритания и Франция пребывали в тревожном ожидании и растерянности – мало кто полагал, что поражение Польши окажется таким быстрым и полным. На западе продолжалась «странная война», которая чем дальше, тем больше становилась все более странной. Пассивность союзнических войск оказалась пагубной не только для Польши, но повлияла отрицательным образом на моральный дух армий, усилила пораженческие настроения в ряде западных стран, в том числе во Франции. Они прежде всего поразили властные эшелоны Третьей Республики. В этой связи весьма характерную (и уничижительную) оценку министру иностранных дел Франции Ж. Бонне дал помощник постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании О. Сарджент в памятной записке от 4 сентября 1939 г.: «Бонне – притягательный пункт пораженческих настроений во Франции» [52]. Эти настроения со временем усилились еще больше и стали одной из главных причин тяжелого поражения Франции в 1940 г.

С тех пор многие историки не единожды задавались вопросом – почему союзники, располагавшие в начале Второй мировой войны подавляющим превосходством над немцами (110 французских и английских дивизий против 23 германских дивизий), практически бездействовали? У. Ширер дает такой ответ: «Тому было много причин: пораженческие настроения французского высшего командования, правительства и народа; память о том, как была обескровлена Франция в Первую мировую войну, и стремление при малейшей возможности не допустить подобной бойни; осознание, что к середине сентября польские армии будут окончательно разгромлены и немцы вскоре смогут перебросить свои превосходящие силы на Запад и остановить первоначальное

продвижение французов; страх перед немецким превосходством в артиллерии и авиации... На вопрос о том, почему Франция не выступила против Германии в сентябре, наиболее обоснованный ответ дал, пожалуй, Черчилль. «Это сражение, – писал он, – было проиграно несколько лет назад» [53].

Действительно, политика умиротворения не прошла бесследно. Она оставила глубокий след в умах и настроении многих, кто до войны полагал, что с агрессорами можно договариваться полюбовно (за счет других) и тем самым избежать повторения трагедии Первой мировой войны. Цена за эти просчеты оказалась непомерно высокой. Только благодаря невероятным усилиям стран-участниц антигитлеровской коалиции и решающему вкладу СССР и его вооруженных сил в общую Победу удалось избавить человечество от нацистского варварства и тирании.

Примечания

1. *Fleming N.* August 1939. The Last Days of Peace. Davies. L., 1979. P.131; *Handel M.I.* The Diplomacy of Surprise: Hitler, Nixon, Sadat. Harvard University Press. – Cambridge, Mass., 1981. – P.4.

2. *Мурхаус Р.* Дьявольский союз. Пакт Гитлера-Сталина 1939–1941. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – С.22.

3. Вторая мировая война: Два взгляда. – М.: Мысль. 1995. – С.381, 382.

4. Российская газета. – 2020. – 19 июня.

5. Public Record Office (Национальный архив). – FO 371/22958. – P. 228. (Далее: PRO).

6. PRO. – FO 371/22968. – P. 24, 54.

7. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (Сентябрь 1938 г. – август 1939 г.): Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1971. – С. 258.

8. *McCauley M.* The Soviet Union since 1917. – Longman. L., 1981. – P. 99; *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement.* Ed. By W. Mommsen, L. Kettenacker. George Allen & Unwin. – L., 1983. – P. 27,87,158,204; *Douglas R.* World Crisis and British Decline, 1929-56. St. Martin's Press. – L., 1986. – P. 88, 261.

9. PRO. – FO 371/22969. – P. 174.

10. Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала. Сб. ст. / *под общей ред. В.Ю.Крашенинниковой; отв. ред. О.Г. Назаров.* – М.: Изд-во «Кучково поле». 2019; На пороге войны. 1939 год / *Ред. Никифоров Ю.А.* – М.: Изд-во Яуза, 2020.

11. *Парсаданова В.С.* Трагедия Польши в 1939г. // Новая и новейшая история. – 1989. – № 5. – С.15.
12. *Lukacz J.* The Last European War. Sept. 1939/Dec. 1941. Doubleday. Garden City (N.Y.). 1976. – P.40; *Douglas R.* The Advent of War 1939-1940. N.Y.: St. Martin's Press. 1979. – P. 42–43.
13. Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала. М.: Изд-во «Кучково поле», 2019.
14. PRO. – FO 371/23065. – P. 122–123.
15. PRO. – FO 371/22973. – P. 134,135.
16. PRO. – FO 371/22972. – P. 73.
17. PRO. – FO 371/22973. – P. 155.
18. Ibid. – P. 62–63.
19. *Эванс Р.* Третий рейх. Дни триумфа: 1933-1939. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2012. – С.747.
20. Документы внешней политики. 1939 год. – Т. XXII. – Кн. 1. – М.: Международные отношения, 1992. – С.284.
21. PRO. – FO 371/22969. – P. 88-91.
22. PRO. – CAB 24/287. – P. 75–76.
23. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Third Ser. L. 1952. Vol. Y. – P. 6,7,10,15,17. (Далее: DBFP); Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937-1939. – М.: Политиздат, 1981. – Т.2. – С.65.
24. PRO. – FO 371/23064. – P. 16.
25. *Иванов А.Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. – М.: Наука. 1993. – С. 169, 174–175.
26. PRO. – FO 371/22974. – P. 247–249.
27. Ibid. – P. 106-107, 110–111.
28. PRO. – FO 371/22972. – P. 100.
29. Ibid. – P. 98.
30. *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии 1939-1941. М.: Высшая школа, 1992. – С. 22.
31. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. – С. 575-577.
32. DBFP. – Third Ser. – London, 1952. – Vol.YI. – P. 763.
33. DBFP. – Second Ser. – London, 1972. – Vol. YII. – P. 39.
34. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Наука. 1973. – Т. VII. – С.107.
35. PRO. – FO 371/22976. – P. 7.
36. *Эванс Р.* Указ. соч. – С. 750.
37. История внешней политики СССР 1917-1945. – М.: Наука. 1986. – Т.1. – С. 386.
38. PRO. – FO 371/23073. – P. 160.

39. История второй мировой войны 1939-1945. – М.: Воениздат? 1974. – Т.3. – С.20.
40. Там же. – С.21.
41. *Эванс Р.* Третий рейх. Дни войны. 1939-1945. М.: Астрель. 2012. – С.10.
42. Там же.
43. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 0122. – Оп. 23. – Д. 7. – П. 183. – Л. 82.
44. Документы внешней политики. 1939 год. – М.: Международные отношения. 1992. – Т. XXII. – Кн. 2. – С. 96.
45. Там же. – С. 94.
46. *Парсаданова В.С.* Указ. соч. – С. 24–25.
47. Российская газета. – 2020. – 19 июня.
48. *Семиряга М.И.* Указ. соч. – С. 90.
49. Там же. С. 90–91.
50. *Иванов А.Г.* Европейский кризис 1939 года и начало Второй мировой войны. М.: Изд-во МГОУ им. В.С.Черномырдина, 2013. – С. 138.
51. PRO. – FO 371/22981. – P. 207.
52. PRO. – FO 371/22982. – P. 206.
53. *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. – М.: Изд-во АСТ, 2014. – С. 667.

Э.Г. Вартаньян

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ЦАРЬ БОРИС III И ПОЗИЦИЯ БОЛГАРИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена позиции Болгарии накануне и в годы Второй мировой войны, роли царя Бориса III во внешнеполитическом курсе страны. В связи с ростом международной напряженности в Европе болгарское правительство пыталось с наименьшими потерями извлечь для Болгарии максимальную выгоду, в частности, в вопросах пересмотра Нейского договора. 15 сентября 1939 г. Болгария заявила о своем нейтралитете официально, но давление на неё со стороны противоборствующих держав продолжалось. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к пакту «Берлин – Рим – Токио», но была единственной участницей Тройственного пакта, которая не отправила войска на Восточный фронт. Болгария в годы войны не объявила войну Советскому Союзу, между

двумя странами продолжали существовать дипломатические отношения. В этом была немалая заслуга царя Бориса.

Ключевые слова: Болгария, международные отношения, Вторая мировая война, царь Борис III, нейтралитет, Нейиский мир, Тройственный пакт.

E.G. Vartanyan
(Krasnodar, Russian Federation)

KING BORIS III AND THE POSITION OF BULGARIA ON THE DAY BEFORE AND IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR

Abstract: The article is devoted to the position of Bulgaria on the eve and during the Second World War, the role of Tsar Boris III in the country's foreign policy. In connection with the growth of international tensions in Europe, the Bulgarian government tried to extract the maximum benefit for Bulgaria with the least losses, in particular, in matters of revising the Neiiisk Treaty. On September 15, 1939, Bulgaria officially declared its neutrality, but the pressure on it from the opposing powers continued. On March 1, 1941, Bulgaria officially joined the Pact «Berlin – Rome – Tokyo», but was the only party to the Triple Pact that did not send troops to the Eastern Front. Bulgaria during the war years did not declare war on the Soviet Union; diplomatic relations continued to exist between the two countries. This was the great merit of Tsar Boris.

Key words: Bulgaria, international relations, World War II, Tsar Boris III, neutrality, Peace of Neujiia, Triple Pact.

Развитие международных отношений во второй половине 1930-х гг. существенно повлияло на внешнюю политику Болгарии. Аншлюс Австрии Германией крайне правыми болгарскими националистическими и фашистскими группировками рассматривался как начало пересмотра положений Версальско-Вашингтонской системы, особенно в части территориальных положений. Эти настроения получили развитие в Болгарии после мюнхенского сговора [1].

До середины 1930-х гг. болгарское правительство старалось выяснить позиции великих держав в отношении утраченных после Первой мировой войны болгарских территорий. В сложившейся ситуации Царь Борис III и болгарское правительство стремились,

воспользовавшись сложившейся ситуацией, решить территориальный вопрос в пользу Болгарии. И если уверенности в том, что Англия и Франция помогут решить этот вопрос в пользу Болгарии не было, то политика Германии её обнадеживала [2].

Перед началом Второй мировой войны царь Борис III и правительство страны старались удержать Болгарию на нейтральных позициях как можно дольше. Царь Борис говорил: «Мои генералы поддерживают германцев, дипломаты – англичан, народ – русских, супруга – итальянцев. Я один нейтрален в этой стране» [3]. Он очень хотел освободить страну от тяжелых условий Нейиского мирного договора 1919 г. [4], но и не хотел втягивать Болгарию в военные действия. Борис III оказался перед сложным выбором, кстати, его называли «мастером стратегии в последнюю минуту» [5]. Но окончательный выбор Болгария сделала в пользу Германии.

15 сентября 1939 г. Болгария официально заявила о своем нейтралитете, но это решение потребовало от страны больших усилий ввиду того, что усилилось давление на нее противоборствующих европейских государств [6].

Правительство Болгарии решило, что наступил удобный момент для постановки вопроса о пересмотре положений Нейиского договора, в частности, возвращения исконно болгарской территории Южной Добруджи, утраченной Болгарией в пользу Румынии в результате второй Балканской войны 1913 г. [7].

Великие державы проявили заинтересованность в решении территориального спора между Болгарией и Румынией. А 7 сентября 1940 г. при посредничестве Германии было подписано соглашение, по которому Болгария получила Южную Добруджу (в границах 1913 г.) [8]. Согласно договору был проведен обмен населения: 76 тыс. болгар из Северной Добруджи переселились в Южную Добруджу на место румынских колонистов, переехавших на родину. Этот договор был признан всеми государствами, в том числе СССР, Англией, Францией. Но правительство Б. Филова заявило, что в решении вопроса о Южной Добрудже Болгария обязана «дружескому посредничеству прежде всего Германии и Италии», хотя СССР поддерживал территориальные требования Болгарии [9].

Для болгарского народа присоединение Южной Добруджи было большой победой. Усилилась популярность царя в массах, его назвали «объединителем» страны [10].

Страны Оси, безусловно, одержали значительную психологическую и дипломатическую победу в этом вопросе. Большинство болгар было убеждено, что присоединение Южной Добруджи к Болгарии – заслуга Третьего рейха [11].

Как отмечает отечественный историк В.В. Лобанова, «исследование действий Бориса III в области внешней политики за десятилетие с 1926 по 1936 гг. позволяет проследить, как монархический институт эволюционировал от представительских функций до ведущего фактора в определении взаимоотношений Болгарии с великими державами и балканскими странами, а также непосредственного и эффективного инструмента их выстраивания. Цели и задачи этой политики зависели от общеевропейских тенденций международных отношений, их понимания болгарским царем и во многом формировались под влиянием его личных качеств. Однако источники как болгарского, так и иностранного происхождения, оценки исследователей позволяют утверждать, что главным направлением для Бориса на протяжении всего периода оставалось обеспечение национальных интересов» [12]. С этим нельзя не согласиться.

Еще в январе 1940 г. английский представитель в Софии Д. Рендел сообщал британскому МИД об англофильских настроениях царя. В его донесениях все чаще появляются замечания о давлении, которому подвергалась Болгария со стороны держав Оси [13].

27 сентября 1940 г. был подписан Тройственный пакт Германии, Италии и Японии. После этого Болгария получила приглашение вступить в Пакт. Царь Борис III написал письмо Гитлеру, в котором старался сохранить позицию нейтралитета своей страны. Болгария не была готова к масштабным военным действиям [14].

Гитлер планировал захват Греции и Югославии, поэтому ему нужна была болгарская территория как плацдарм для нападения. Поэтому болгарский царь стоял перед дилеммой, – подвергнуть страну оккупации или стать союзником и добровольно разрешить ввод гитлеровских войск на территорию Болгарии.

Гитлер заявил, что не требует от Болгарии непосредственного участия в военных действиях, но настаивает на ее вступлении в Тройственный пакт и на прохождении немецких войск через ее территорию. Борис III принял предложение Германии [15].

После этого сложного для себя решения царю Борису пришлось отстаивать свою позицию перед Советским Союзом [16]. Борис III в одной из бесед сказал: «Дилемма одна: Германия или Россия. Вот две державы, которые будут решать судьбу Европы. Чувства Вам говорят – Россия, но если Вы послушаете голос разума, то ответите – Германия!» [17].

В Болгарии в конце 1940 г. началось движение, имеющее целью оказать давление на своё правительство по вопросу о заключении договора с СССР. Это вошло в историю Болгарии под названием «соболевской акции» [18] и привело к ужесточению политического режима в стране.

Болгарский царь выбрал добровольный союз, и 1 марта 1941 г. Болгария официально присоединилась к Берлинскому пакту [19]. В беседе генерального секретаря министерства иностранных дел Болгарии Д. Шишманова с полномочным представителем СССР в Болгарии А.А. Лаврищевым отмечалось: «Сегодня министерский совет решил подписать соглашение о присоединении Болгарии к трехстороннему пакту. Подписание этого соглашения состоится завтра в Германии. Болгарское правительство при подписании этого пакта исходит из того, что пакт является инструментом мира. Болгарское правительство считает, что присоединение к пакту трех не помешает ему поддерживать и развивать хорошие отношения с СССР и соседними странами» [20].

Но царь не очень верил в победу немцев. Дж. Рендел в своих воспоминаниях высказывал это предположение Бориса III [21].

Германские войска начали вступление в Болгарию 1 марта 1941 г. Далее была оккупирована Югославия. Болгарские дивизии должны были вступить в Югославию (Македонию), где заменили гитлеровские части.

После того как капитулировала Греция земли греческой Фракии были переданы под временное административное управление Болгарии. Т.е. Болгария сумела добиться соблюдения условия её присоединения в Тройственному союзу – она не

участвовала в военных действиях, а лишь несла административную службу на захваченных фашистской Германией территориях [22].

Поскольку Болгария была участницей Тройственного пакта, она участвовала и в антисемитских мероприятиях своих союзников. 24 декабря 1940 г. в Болгарии был принят закон о защите нации. Закон встретил резкое осуждение со стороны болгарских политических деятелей, общественных организаций, Святого Синода и др. [23]. Евреи по новому закону были отстранены от занятия государственных и административных должностей, теряли избирательное право, ограничивались их права на получение образования, запрещались смешанные браки болгарского населения с евреями, ущемлялись имущественные права евреев и т.д. С 1943 г., в соответствии с соглашением между Болгарией и Германией, началась депортация евреев в польские гетто.

Царь Борис III пытался помешать депортации евреев из Болгарии под предлогом того, что их труд востребован в стране для возведения объектов [24]. В какой-то степени это ему удалось, но это не значит, что болгарские и добруджанские евреи спаслись от депортации – более 10 000 евреев были выселены из Фракии и Македонии [25]. Однако то, что Борису III удалось спасти от депортации часть еврейского населения, свидетельствует о том, что болгарский царь обладал определенной степенью независимости в решении вопросов.

В марте 1941 г. Великобритания разорвала дипломатические отношения с Болгарией. Царь Борис III потерял контроль над происходящим и пропустил точку невозврата [26].

В декабре 1941 г. Болгария была вынуждена объявить войну Великобритании и США [27].

На предложение Германии в марте 1942 г. разорвать дипломатические отношения с СССР, Борис III ответил отказом [28]. Болгарские войска не участвовали в военных действиях на Восточном фронте. Возможно, в этом была и заслуга царя, который смог противостоять давлению немецкой стороны.

Несмотря на сложную международную обстановку, царь Борис всеми силами старался добиться того, чтобы Болгарию война затронула минимально. И ему это удалось. По этой причине

некоторые исследователи называли политику царя Бориса «болгарофильской» [29].

Характеристика позиции царя Бориса III хорошо продемонстрирована в беседе посла СССР в Турции С. Виноградова с министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу. С. Виноградов сделал вывод о том, что «болгарские руководители хотели бы до конца сыграть двойную роль: с одной стороны, выполнять немецкие требования, с другой – заявлять, что они этого не хотели, их заставили это сделать» [30].

Болгария, являясь союзницей фашистской Германии, поддерживала дипломатические отношения с СССР. В болгарской столице находились посольства всех воюющих между собой стран.

28 августа 1943 г. царь Борис III скончался [31]. Наиболее распространенная версия смерти царя – отравление Бориса III Гитлером. Но в официальном заключении причиной смерти указан сердечный приступ. [32]. Монарху было 49 лет. Миллионы болгар видели в его смерти потерю гаранта будущего страны [33].

Что повлияло на душевное состояние и здоровье Бориса III? По-видимому, осознание неправильности выбора. Как ни старался царь Борис удержать страну в стороне от мирового конфликта, его имя оказалось навсегда связано с союзом с фашистской Германией в период Второй мировой войны.

После его смерти на престол взошел 6-летний сын Бориса III Симеон II. При нем был избран регентский совет [34].

После прихода к власти 9 сентября 1944 г. Отечественного фронта над государственными деятелями и регентами был проведен судебный процесс, в результате которого к высшей мере наказания было приговорено 30 человек. Царской семье было предложено покинуть страну. Симеон II, не отрекшись от престола, с матерью и другими близкими 16 сентября 1946 г. уехал из Болгарии к родственникам в г. Александрию.

Формально монархия просуществовала в Болгарии до конца 1946 г. По результатам общенародного референдума 1947 г. была провозглашена Народная Республика Болгария.

Впервые после изгнания Симеон II приехал в Софию в 1996 г., его встречали тысячи болгар, он был принят президентом Болгарии Желю Желевым. С этого времени царь неоднократно приезжал на

родину с частными визитами. Симеону II было восстановлено болгарское гражданство. В 1998 г. Конституционный суд страны вернул конфискованную царскую собственность – дворец «Врана» с поместьем (90 гектаров парка Враны царь передал муниципалитету, дворец переоборудовал под школу гостиничного бизнеса), дом в горах и в предместье Софии, большое сельскохозяйственное угодье около Пловдива и др. [35].

Анализ деятельности царя Бориса III накануне и в период Второй мировой войны демонстрирует непоследовательность его политики. Борис III колебался, стремился выработать правильное для своей страны решение, вернуть утерянные Болгарией в результате Первой мировой войны территории, с наименьшими потерями выйти из Второй мировой войны. Этим определялся выбор внешнеполитического курса Болгарии накануне и в годы Второй мировой войны. Тот факт, что Борис III переживал о правомерности своего выбора, свидетельствуют его переживания и преждевременная кончина.

Примечания

1. Краткая история Болгарии. – М.: Наука, 1987. – С. 389–390.
2. Там же. С. – 391.
3. *Йовков И.* Царский гамбит в балканской игре // Международная жизнь. – 1992. – № 2. – С. 124.
4. *Генов Г.П.* Ньойский договор и България. – София: Ваньо Недков, 2000. – С. 130–135.
5. *Вознесенский В.Д.* Царь Борис, Гитлер и легионеры // Новая и новейшая история. – 1971. – № 1. – С. 89.
6. *Груев С.* Корона от тръни. – София: Бълг. писател, 1991. – С. 322.
7. *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1944–1999. – София: ТИЛИА, 2000. – С. 16.
8. Из договора между Болгарией и Румынией (7 сентября 1940 г.) // Хрестоматия по истории южных и западных славян. – Минск: Изд-во «Университетское», 1991. – С. 164–165.
9. Болгария в XX веке. Очерки политической истории. – М.: Наука, 2003. – С. 241.
10. *Лобанова В.В.* Роль института монархии в политической системе Болгарии в 1918–1943 гг.: дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – М., 2013. – С. 152.

11. *Груев С.* Указ. соч. – С. 326.
12. *Лобанова В.В.* Указ. соч. – С. 138.
13. Цар Борис III в Британската дипломатическа кореспонденция. В 2 т. – Т. 2. 1934–1941 гг. – София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2007. – С. 287, 324, 331.
14. *Нойков С., Радев В.* Цар Борис III в тайните документи на Третия райх, 1939–1943. – София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски» 1995. – С. 105–107.
15. *Филов Б.* Дневник. – София: Изд-во на Отеч. фронт, 1990. – С. 199; България в ХХ в.... – С. 244.
16. *Груев С.* Указ. соч. – С. 331.
17. *Валева Е.Л.* България в начале второй мировой войны: драма страны и царя Бориса III // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений ХХ в. – СПб.: АТЕЛЕЙЯ, 2002. – С. 303.
18. Краткая история Болгарии. – С. 393.
19. Протокол о присоединении Болгарии к Тройственному пакту (1 марта 1941 г.) // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск: Изд-во «Университетское», 1991. – С. 168.
20. Из записи беседы полномочного представителя СССР в Болгарии А.А. Лаврищева с генеральным секретарем министерства иностранных дел Болгарии Д. Шишмановым (28 февраля 1941 г.) // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск: Университетское, 1991. – С. 167.
21. *Rendel G.* The Sword and the Olive: recollections of diplomacy and the foreign service. 1913–1954. – London: Murray, 1957. – P. 179.
22. *Гришина Р.П.* Царь Борис III. 1894–1943 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть ХХ в.). – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. – С. 28–29.
23. Из закона о защите нации (24 декабря 1940 г.) // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск: Изд-во «Университетское», 1991. – С. 165–166.
24. *Димитров П.* Борис III, цар на българите. Труженик, гражданин, цар. – София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1990. – С. 245.
25. *Лобанова В.В.* Указ. соч. – С.159.
26. Цар Борис III в Британската дипломатическа кореспонденция... – С. 373.
27. *Царица Йоанна.* Спомени. – София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1991. – С. 114.
28. *Татоли Т.В.* К вопросу о внешнеполитической ориентации Бориса III в годы Второй мировой войны // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы.

Харьков: Межреспубликанская научная ассоциация болгаристов, 1995. – Т. 2. – С. 115.

29. *Валева Е.* Болгария в начале второй мировой войны: драма страны и царя Бориса III // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. – СПб., 2002. С. 306; *Татоли Т.В.* К вопросу о внешнеполитической ориентации Бориса III... – С. 116.

30. Документы внешней политики СССР. – Т. 25 (1942 г.). – Кн. 1. – М.: Гриф и К, 2010. – С. 133.

31. *Филов Б.* Указ. соч. – С. 564.

32. *Йовков И.* Царский гамбит ... – С. 126.

33. *Андреев Й.* Българските ханове и царе. – Велико Търново: Държ. изд-во «Д-р Петър Берон», 2001. С. 364.

34. *Вартаньян Э.Г.* Симеон Второй, царь болгарский: возвращение на родину // «Да кто душу положит за други своя...» Материалы II международных Дворянских чтений / Научн. ред. *О.В. Матвеев, Е.М. Сухачёва.* – Краснодар, 2006. – С. 84.

35. *Вартаньян Э.Г.* Симеон Второй, царь болгарский... – С. 86.

В.В. Слободенюк

(г. Краснодар, Российская Федерация)

КОММУНИКАТИВНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ И БЕЛОРУССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Аннотация: В статье анализируется историческая память о Великой Отечественной войне как важнейшей составляющей национального самосознания России и Белоруссии. Показываются особенности проявления компонентов коммуникативной памяти на примере деятельности бывшего фронтовика и его сослуживцев. Проведен анализ корреспонденции, документов ветерана, хранящихся в ГАКК.

Ключевые слова: Коммуникативная память, историческая память, Великая Отечественная война, патриотизм.

V.V. Slobodenyuk
(Krasnodar, Russian Federation)

**COMMUNICATIVE MEMORY OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR IN RUSSIA AND BELARUS (ON THE
MATERIALS OF THE FUNDS OF THE STATE ARCHIVE OF
THE KRASNODAR REGION)**

Abstract: The article analyzes the historical memory of the Great Patriotic War as the most important component of the national identity of Russia and Belarus. Features of manifestation of components of communicative memory on an example of activity of the former veteran and his colleagues are shown. An analysis of correspondence, veteran's documents stored in the State Archives of the Krasnodar Territory.

Key word: Communicative memory, historical memory, the Great Patriotic War, patriotism.

В нынешнем году в России отмечают 75-летие окончания Великой Отечественной войны, занимающей важное место в истории некоторых бывших республик СССР. Особое отношение к данной войне на белорусской земле. Преступления оккупантов по своей массовости и страшной жестокости не знали себе равных в новейшей истории Белоруссии. По оценкам специалистов, Беларусь более чем какая-нибудь другая страна Европы пострадала от этой войны.

Статистика свидетельствует: если до войны в Беларуси в ее нынешних границах проживало 9,2 млн человек, то в конце 1944 г. – 6,3 млн человек. По данным Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, всего на территории БССР убито 2 219 316 человек гражданского населения и военнопленных. Однако впоследствии выяснилось, что сведения о людских потерях по ряду районов были значительно занижены, а также, что данные по некоторым лагерям для военнопленных – неточные. В эту цифру также не включены пропавшие без вести или попавшие в плен и погибшие там бойцы Красной Армии из числа белорусских жителей. Не учтены также вывезенные в Германию и погибшие там мирные жители. В настоящее время в белорусской историографии

ведется спор о реальном количестве жертв фашистского режима [1].

В современной Белоруссии особое отношение к памяти войны. Несмотря на тяжелые эпидемиологические условия весны 2020 г., руководство страны приняло решение о проведении парада в честь 75-летия окончания Великой Отечественной войны. Данное мероприятие было единственным на постсоветском пространстве. А.Г. Лукашенко заявил: «Память о Великой Отечественной войне для нас незыблема и свята. Да, наша история началась более тысячи лет назад, но она вполне могла бы закончиться в 40-е годы прошлого века, если бы не героизм нашего советского народа» [2].

Великая Отечественная война занимает важное место в истории XX века, как Белоруссии, так и ряда стран, пострадавших от нацистского режима. Особенно актуально сегодня стоят вопросы о том, что мы знаем о войне, что помним, какие чувства испытываем, вспоминая трагический, но и героический период развития страны. Эти знания, оценки и эмоциональный фон составляют неотъемлемый ресурс патриотического и гражданского развития.

Тема исторической памяти в последнее время достаточно популярна, проводятся коллективные исследования, открываются институты, уделяющие внимание этому феномену. Еще недавно считалось, что споры и конфликты по поводу памяти данной войны, Холокоста будут затихать по мере вымирания тех поколений, которым довелось пережить эти события на собственном опыте. Но вопреки прогнозам в большинстве стран подобные споры, наоборот, становятся лишь более интенсивными. Еще одной особенностью изучения феномена войны является то, что все более заметной становится разница между публичной культурой памяти, создаваемой органами государственной власти, международной политикой, и личной памятью, сохраняемой в семьях, когда в центре внимания стоят человеческие страдания, связанные с бомбежками, тяжелыми буднями военной жизни. В этой связи особый интерес представляют воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, непосредственных участников тех событий.

Историческая память о Великой Отечественной войне – это процесс организации, сохранения и воспроизводства прошлого

опыта народа, страны, государства, связанного с событиями Великой Отечественной войны и для возвращения его влияния в сферу общественного сознания с целью формирования патриотизма, гражданского самосознания и единения нации. Историческая память о Великой Отечественной войне выступает фактором мобилизации нации на выдвижение позитивного, конструктивного сценария будущего развития страны [3].

В современной науке существует огромное разнообразие теоретических подходов к анализу исторической памяти. Один из них социально-культурный, является весьма актуальным, так как изучение феномена памяти связано с тем, что память рассматривается сегодня не только как характеристика прошлого, но и как системообразующий вектор, направленный в будущее. В рамках изучаемого подхода целесообразно выделить и рассмотреть коммуникативную память. Открывателем «коммуникативной» социальной памяти может считаться Морис Хальбвакс.

В 1920-е гг. французский социолог Морис Хальбвакс разработал понятие «*memoire collective*», которое он раскрывает главным образом в трех книгах: «*Les cadres sociaux de la memoire*» (1925); «*La topographie legendaire des evangiles en terre sainte. Etude de memoire collective*» (1941) и «*La memoire collective*» (1950, посмертно опубликованная работа, написанная в основном в 30-е годы) [4].

Работы М. Хальбвакса имеют больше социологический характер, не всегда отражая исторический контекст. Не умаляя его заслуги, стоит отметить, что его концепция носит упрощенный и не раз подвергающийся критике характер. Глобальные социальные и политические трансформации XX – начала XXI вв. требуют новой, более релевантной современности концепции памяти. С нашей точки зрения, соответствовать новой действительности может концепция Яна Ассмана, изложенная в книге «*Культурная история*» [5]. Теоретико-методологическая база опирается преимущественно на социологические методы, однако работа носит междисциплинарный характер.

Рассматривая коммуникативную память, следует понимать, что это не просто передача памяти благодаря свидетелям событий. Это такие события и связанные с ними стратегии

воспоминаний, на основе которых коллективы объединяются в сложном процессе выработки дискурсивных стратегий. Коллективы, о которых идет речь, – семьи, социальные группы, партии или даже нации, но и некоторые группы с определенным опытом коллективного страдания, преследования, стигматизации и т.д.

По мнению Я. Ассмана, коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай – память поколения, которую группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями [6]. Однако коммуникативная память постепенно уходит вместе с носителями воспоминаний людей, переживших непосредственно те или иные исторические события. Примером могут служить ужасы Великой Отечественной войны. Со временем уйдет то поколение, для которого события являются примером личного травматического опыта. То, что сегодня является живым воспоминанием, завтра будет лишь репрезентацией в СМИ, кинематографе, литературе. Этот переход выражается уже сегодня в усилении письменной работы над воспоминаниями ветеранов, а также в собирательской деятельности архивистов.

Важным компонентом коммуникативной памяти является ее эмоциональный компонент, который характеризует факт психологического переживания, отношения к событиям Великой Отечественной войны. Мы все дальше уходим от того времени, все меньше чувствуем и понимаем то, что происходило. Современные фильмы, литературные произведения не наполнены внутренним трагизмом, пропуская эмоции через себя. Именно поэтому так важно сохранить память ветеранов, которых становится с каждым годом меньше.

В статье использованы личные архивы ветерана Великой Отечественной войны, Пешкова Евгения Степановича, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края. Ветеран имел активную жизненную позицию: вел переписку со школьниками и сослуживцами, принимал личное участие в памятных

мероприятиях городов России, Украины и Белоруссии, оказывал помощь в издании мемуаров других участников войны, способствовал патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Пешков Евгений Степанович родился 17 ноября 1926 г. в г. Краснодар. 23 апреля 1943 г. призван в Красную армию. После обучения в 10-м запасном Кавказском полку в январе 1944 г. прибыл в 3-й гвардейский Кавказский корпус в составе которого с боями дошел до Эльбы. С декабря 1943 по 22 января 1945 гг. был в составе 65-го кавалерийского полка, 32-й Смоленской кавалерийской дивизии в должности ПНШ-2 и позже командиром первого эскадрона. Принимал участие в боях за освобождение Белоруссии, Польши и в разгроме фашистской армии в Восточной Пруссии. После войны работал на заводе ЗИП, окончил вечернее отделение юридического института и с 1962 по 1983 год служил в органах внутренних дел края. Был Председателем Совета Краснодарской краевой группы ветеранов 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, членом редколлегии Краснодарской краевой Книги Памяти.

В работе использованы материалы фонда Р-807 Государственного архива Краснодарского края, оставленные ветераном Великой Отечественной войны, Пешковым Евгением Степановичем. В изучаемом фонде содержатся письма 1980-х, 1990-х, 2000-х гг. Анализируя данные источники, можно проследить некоторые тенденции в развитии Белоруссии, как и всего постсоветского пространства. Активная переписка ветерана и школьников относится к 1980-м гг., когда прослеживается четкая гражданская позиция, поисковый интерес ребят, описание массы мероприятий, проводимых коллективами образовательных учреждений и ответной реакцией ребят. Писем, написанных школьниками в позже, в фонде не имеется. К более позднему периоду относится переписка ветерана с сослуживцами, проживающими в России, на Украине и в Белоруссии.

Особую роль ветераны отводили воспитанию подрастающего поколения. В архиве Е.С. Пешкова есть папка документов, содержащих информацию по взаимодействию образовательных учреждений России и Белоруссии. Составлен список школ, которые

интересовались и занимались историей корпуса. Связь с различными организациями осуществлялась через Краснодарский Краевой Совет ветеранов 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. В г. Краснодаре активное сотрудничество было с МОУ СОШ № 5. Взаимодействовали со школами городов РФ – Москвы, Смоленска, Котовска, Ростова-на-Дону, Волгограда, школами Украины, Молдавии. Однако для исследования представляет особый интерес работа со школьниками Белоруссии. В списке значится 9 школ, находящихся в Гродненском районе и Минской области. При некоторых образовательных учреждениях работали группы «Поиск», имелись комнаты боевой славы, музеи, посвященные героям ВОВ.

В фонде есть большой объем писем, которые белорусские школьники присылали Е.С. Пешкову, по переписке видно, что она была достаточно интенсивной, ветеран отвечал, несмотря на то, что писем было большое количество. Переписка показывает неподдельный интерес школьников к памяти войны. Многие состояли в группах «Поиск», стремились получить как можно больше информации о боевом пути ветерана и его сослуживцев, указывали на то, что ведут переписку и с другими участниками ВОВ. В одном письме содержится целая анкета, которую школьник просит ветерана заполнить (год и место рождения, призвание в армию, воинское звание, ранения, награды). Особый интерес для школьников представляет информация об их родных местах, с которыми был связан ветеран: «Уважаемый Евгений Степанович! Может Вы смогли бы вспомнить наш край Лидчину, о том, как брали г. Лиду, как форсировали р. Неман...» [7].

Известно, что Е.С. Пешков пополнял коллекции музеев фотографиями, копиями документов, книгами о сослуживцах, за что неоднократно получал слова благодарности. Он посещал отдельные школы Белоруссии, выступал на торжественных собраниях образовательных учреждений. В частности, в фонде есть благодарственное письмо от коллектива Тарновской средней школы Лидского района Гродненской области за участие ветерана в празднованиях по случаю 40-летия освобождения БССР от немецкого фашизма.

По переписке можно судить о деятельности, которую вели школьники – организовывали комнаты боевой славы, музеи, поисковые экспедиции. Школьница Даниленко Светлана пишет: «Сейчас мы проводим большую работу. В четвертых и пятых классах мы провели встречи с ветеранами нашего микрорайона. Также провели экскурсии и беседы в младших классах. 7 мая у нас открылся мемориал вашему командиру Труханову и другим бойцам, освобождавшим наш город...» [8]. Особый интерес ветерана вызывал его родной 3-тий гвардейский кавалерийский корпус, историей которого занимались и ребята. Ими писались доклады о 32-й Смоленской дивизии, оформлялся альбом о 3-м ГСК,

Отношение детей к участникам Великой Отечественной войны почтительное, в письмах звучат слова благодарности. Школьница Сипливеия Жанна пишет: «Каждый из нас всегда должен помнить о том, что вот уже более сорока лет назад гремела грозная война, помнить тех, кто освобождал нашу Родину, защищал нашу родную страну, чтобы мы сегодня могли так счастливо жить. Все они не жалели жизни – самого дорогого у человека» [9].

В фонде содержатся письма от ветеранов, служивших в 3-м кавалерийском корпусе, прямое отношение к которому имел сам Е.С. Пешков. Истории данного корпуса уделено особое внимание в деятельности Евгения Степановича и его сослуживцев.

Приказом НКО № 366 от 25 декабря 1941 г. 5-й кавалерийский корпус был преобразован в 3-й гвардейский кавалерийский корпус. В корпус входили части: 5-я гвардейская кавалерийская дивизия, 6-я гвардейская кавалерийская дивизия, 32-я кавалерийская дивизия, 1814-й самоходно-артиллерийский полк. Командирами корпуса были Крюченкин Василий Дмитриевич, Плиев Исса Александрович, Осликовский Николай Сергеевич. 27 июля 1944 г. корпус получил почетное наименование Гродненский, также награжден Орденом Ленина и Орденом Красного Знамени. В период Великой Отечественной войны 3-й гвардейский Гродненский ордена Ленина Краснознаменный кавалерийский корпус прошел с боями на 12 фронтах свыше 10 тысяч км. Его солдатам и офицерам вручено 42680 боевых орденов и медалей

Советского Союза, 51 американский и английский орден, 184 ордена Народной Польши [10].

Отдельной страницей истории корпуса станет героическое участие в Белорусской операции, в частности большую роль принимала 32-я кавалерийская Смоленская Краснознаменная, ордена Суворова дивизия.

Отношение ветеранов к своему корпусу особое, ведя переписку, они пытаются вспомнить и оставить в памяти потомков информацию о тех, кто не вернулся, кто жив, но в силу возраста и болезней находится в тяжелом состоянии. Нужно отметить, что у людей, переживших трагизм войны, послевоенного восстановления, особое отношение к жизни во всех ее проявлениях.

Примером такой переписки может послужить общение Пешкова Евгения Степановича с сослуживцем Водзинским Домиником Ивановичем. Известно, что родился он в 1921 г. на Украине. К началу войны работал учителем истории в с. Великие Юначки Красиловского района Хмельницкой области Украины.

В июне 1941 г., Д.И. Водзинский отправился в мобилизационный пункт, мечтая попасть на фронт. Однако в военкомате ему сообщили, что никаких указаний насчет допризывников его года рождения не поступало и, следовательно, мобилизации он не подлежит. Доминик Иванович вспоминал: «Лейтенант! – крикнул военком капитан Привалов. – Вот тебе помощник, разворачивай с ним мобилизационный пункт. Будет политинформатором. Парень грамотный, учителем истории работает, в институте учится. Загрузи на всю катушку» [11]. В скором времени мобилизационный пункт был закрыт и тогда Доминик Иванович стал вновь искать возможность попасть на фронт. Он вспоминал: «Я поспешил в Малую Салиху, где жили родители и сестра. Первым же эшелонам мы отправились на восток. Много дней был в пути наш эшелон. Попадали под бомбежку вражеских самолетов. Так я оказался на Ставрополье в Ипатовском районе. Но и здесь меня сразу не мобилизовали на фронт. И я решил пойти в райком партии. Первый секретарь выслушал меня и помог» [12]. Сначала Д.И. Водзинского

направили в запасной кавалерийский полк, затем в основной состав, где он служил наводчиком.

Доминик Иванович принимал участие во многих боях и операциях. Это Харьковское сражение, Смоленская битва, прошел почти всю Беларусь, воевал на польской земле, в Восточной Пруссии, участвовал во взятии Кёнигсберга, в Берлинской операции с выходом на Эльбу. После увольнения из армии работал директором школы в родных местах на Украине и заканчивал учебу в институте. В 1959 г. в Институте теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР защитил кандидатскую диссертацию. Работал в Черновицком университете, заведующим кафедрой педагогики в Винницком педагогическом институте. В 1971 г. в НИИ общей педагогики АПН СССР защитил докторскую диссертацию, стал доктором педагогических наук, профессором.

По приглашению Минского государственного педагогического института им. А.М. Горького переехал в Республику Беларусь. С 1976 г. – профессор, заведующий кафедрой педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. Действительный член двух Академий – Белорусской Академии образования и Международной Академии акмеологических наук. Д.И. Водзинский подготовил 53 кандидата и 4 доктора педагогических наук. Его перу принадлежит 306 публикаций, в том числе 33 монографии и учебные пособия для вузов [13]. Книги и статьи издавались в странах СНГ и дальнего зарубежья на разных языках. Отличник высшей школы СССР, Отличник просвещения СССР, Белорусской, Украинской и Узбекской ССР. Награжден Грамотой Верховного Совета БССР.

Д.И. Водзинский в послевоенный период вел активную педагогическую деятельность, занимался патриотическим воспитанием молодежи. Им изданы книги, статьи по формированию гражданской позиции молодого поколения, семейных ценностей. Сами за себя говорят названия его работ: «Научные основы нравственного воспитания школьников», «Идейно-нравственное воспитание учащихся в процессе обучения», «Воспитание интереса к знаниям у подростков» и др.

Главным трудом его жизни является работа «На рубеже атаки: [Воспоминания рядового 24-го полка 3-го гвард. кавалерийск. корпуса]», изданная в 1983 г. в Минске [14], рассказывающая о боевом пути и славных страницах истории кавалерии. Из переписки Е.С. Пешкова и Д.И. Водзинского можно сделать вывод о значимости книги для ветерана. В одном из писем он пишет о том, что оплатил издание книги из личных средств, уплатив 18 млн рублей [15]. Переписка приходится на тяжелое время перемен после распада СССР, когда не хватало средств к существованию, а хотелось сохранить память, собрать по крупицам информацию и передать потомкам. Анализируя мысли ветеранов тех лет, видна их боль за страну, особенно это чувствуется у российских граждан. Белорусский ветеран пишет о том, что на президента А.Г. Лукашенко обрушилась лавина вранья со стороны печати и телевидения Москвы, что он выступает против новых реформ, ввел в конституцию русский язык [16].

В силу изменений в жизни стран СНГ, задача защиты социальных прав ветеранов стояла достаточно остро. По-новому обозначилась проблема патриотического и нравственного воспитания молодого поколения. Именно бывшие участники войны становились инициаторами создания советов, организаций, которые занимались бы воспитанием молодого поколения. Когда шла трансформация ценностных ориентиров, часто ветераны были живым примером другой жизни, основанной на чести и достоинстве.

Изучение военного прошлого – дело сложное, требующее кропотливой работы исследователя по обработке множества доступных источников. В современной историографии обозначился интерес к проблеме человека в истории, так называемой истории повседневности. Картина войны, основанная только на скрупулезном перечислении происходивших событий, будет неполна без оценок, воспоминаний и интерпретаций определенных событий Великой Отечественной войны самими их участниками и очевидцами.

В 2020 г. широко отмечается 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Сохранение, изучение и популяризация

наследия войны является одной из актуальных задач современного развития. Это связано, в первую очередь, с попытками политиков и историков отдельных стран переписать весь ход Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, пересмотреть их итоги, принизить роль Советского Союза в победе над фашизмом, скрыть правду об огромной жизненной силе советского народа, внесшего решающий вклад в Победу. А значит исследование воспоминаний фронтовиков, людей, переживших войну как исторического источника – важно и актуально в современной историографии.

Примечания

1. *Литвин А.* О людских потерях в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны// Наука и инновации, 2015 <https://cyberleninka.ru/article/n/o-lyudskih-poteryah-belarusi-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения 26.07.2020).

2. *Лукашенко:* Память о Великой Отечественной войне для нас незыблема и свята// <https://mir24.tv/index.php/news/16357608/lukashenko-ramyat-o-velikoi-otechestvennoi-voine-dlya-nas-nezyblema-i-svyata> (дата обращения 26.07.2020).

3. *Проказина Н.В.* Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне // Казанская наука. – 2014. – № 7. – С. 202.

5. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2 // <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-ramyat.html> (дата обращения 26.07.2020)

6. *Ассман Ян.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

7. Там же. – С. 54.

8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-807. - Д. 209. – Оп. 1. – Л. 79.

9. Там же. – Л. 68.

10. ГАКК. – Ф. Р-807. – Д. 209. – Оп. 1. – Л. 17.

11. ГАКК. – Ф. Р-807. Д. 189. Оп. 1. Л. 1.

12. *Ратько А.Ф., Рогова Ю.В.* Доминик Иванович Водзинский – человек, воин, педагог// <https://fhist.bspu.by/dominik-ivanovich-vodzinskii---chelovek-voin-pedagog> (дата обращения 26.07.2020).

13. Там же.

14. Там же.
15. На рубеже атаки: [Воспоминания рядового 24-го полка 3-го гвард. кавалерийск. корпуса]. Минск: Беларусь, 1983. 144 с.
16. ГАКК. – Ф. Р-807. – Д. 200. – Оп. 1. – Л. 6.
17. Там же. – Л. 6 об.

А.В. Баранов
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПОСТМАЙДАННОЙ УКРАИНЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: Автор статьи оценивает фальсификации истории Великой Отечественной войны на постмайданной Украине (2014–2020 гг.) в качестве проявления исторической политики. Определены основные направления фальсификации истории Великой Отечественной войны, дана их критика. Показано, что память населения Украины о войне, вопреки идеологическим воздействиям, сохраняет позитивный потенциал, особенно – на Востоке и Юге страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история, фальсификации, историческая политика, народная память.

A.V. Baranov

(Krasnodar, Russian Federation)

FAISIFICATIONS OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN POST-MAIDAN UKRAINE: HISTORICAL POLICY AGAINST PEOPLE'S MEMORY

Abstract: The author of the article assesses falsifications of the history of the Great Patriotic war in post-Maidan Ukraine (2014–2020) as a manifestation of historical policy. The main directions of falsification of the history of the Great Patriotic war are defined and their criticism is given. The memory of the Ukrainian population about the war, despite ideological influences, retains a positive potential, especially in the East and South of the country.

Key words: Great Patriotic war, history, falsification, historical policy, the people's memory.

Историческая память о Великой Отечественной войне стала объектом информационной войны, противоборства тенденций патриотизма и национального нигилизма в общественном мнении. Значение памяти о Великой Отечественной войне определяется тем, что Победа 1945 г. – бесспорный символ исторической гордости и сплочения общества, «стержень» его положительной самооценки. Политические противники России делают ставку на дискредитацию и забвение Победы над нацизмом, рассчитывая «перепрограммировать» цивилизационное и политическое самосознание россиян, как это во многом удалось сделать на Украине.

Цель статьи – выявить направления и методы фальсификации истории Великой Отечественной войны на постмайданной Украине (2014–2020 гг.).

Работа основана на социально-конструктивистском подходе. Историческая память не возникает стихийно, а целенаправленно создаётся и направляется акторами политики. Память развивается на взаимосвязанных уровнях: эмпирическом (в виде семейных преданий, повседневных практик коммеморации) и теоретическом (в форме научных или идеологических текстов, истолкований прошлого) (работы П. Нора [1], А. Ассман [2], М. Хальбвакса [3]).

Тема исследована в теоретическом аспекте Г.В. Касьяновым и А.И. Миллером [4, с. 275–305], А.В. Ставицким [5]. Но тенденции развития постсоветской украинской историографии Великой Отечественной войны [6; 7], закономерности исторической политики на постмайданной Украине [8] только начинают изучаться.

В числе историографических источников проанализированы: учебник для вузов «Политическая история Украины» [9, с. 359–384], статьи Ф. Гольчевского [10] и Т. Пентер [11], сборник тестовых заданий по истории Украины для старшеклассников [12], учебный атлас по истории Украины [13], а также ряд номеров журналов националистического направления – «Український тиждень», «Фокус», «Корреспондент», «Комментарии.UA». Для сравнения изучены объективные оценки истории Великой

Отечественной войны в монографии под редакцией П.П. Толочко [14, с. 337–380], пророссийском журнале «Новая земля».

Определим значение термина «историческая политика». Он означает систему направлений, методов и технологий деятельности органов государственной власти, масс-медиа, учреждений образования и культуры, которые формируют и поддерживают желаемое состояние исторического самосознания; создают ценности и ориентации общества, солидарность и чувство причастности к истории, к символам исторической гордости. В разработке и реализации политики участвуют партии, экспертно-аналитические сообщества, СМИ. Историческая политика представляет целенаправленно формируемое отношение к истории страны, её цивилизационному и геополитическому «ядру ценностей», важнейшим событиям прошлого [15, с. 7–28]. Историческая политика выражается в выборе и трактовке памятных дат, топонимике, практиках коммеморации, музейной и образовательной политике. Важной частью политики выступает борьба за символическое пространство: утверждение в обществе «правильной», «своей» трактовки прошлого и вытеснение трактовок «чужих», недопустимых.

Украинские националисты тратят немалые ресурсы на уничтожение памяти о Великой Отечественной войне. Эта активность направлена на перекодировку сознания. Действия масс-медиа и политиков соответствуют логике информационной войны - противоборства, в котором задача нанести противнику поражение решается посредством навязывания превратно трактуемых и мифологичных оценок событий, дискредитации ценностной системы, исторических символов гордости, раскола общества.

Можно выделить основные мифы, формируемые акторами исторической политики на Украине [9, с. 359–384; 6; 7]:

- подмена понятий: запрет либо дискредитация терминов «Великая Отечественная война», «освобождение», «партизаны»;
- мнимая равнозначность «двух тоталитарных режимов» - нацистского и коммунистического, их равная ответственность и соучастие в развязывании Великой Отечественной войны;
- умолчание об усилиях транснационального капитала, Британской империи и США по приведению нацистов к власти,

финансированию нацистской Германии, её подталкиванию к агрессии на Восток;

- изображение стран Восточной Европы как «жертв советской агрессии», замалчивание того, что они имели профашистские режимы в 1930-х гг. и несут долю ответственности за развязывание войны;

- игнорирование геноцида славянских народов со стороны нацистской Германии и её сателлитов, попытка переложить вину за массовую гибель советских военнопленных и мирного населения на «сталинский режим»;

- миф о «превентивной войне», которую СССР якобы собирался вести против Германии в 1941 г. (копирование геббельсовской пропаганды);

- принижение эффективности военных действий Красной армии (завышение её потерь, концентрация внимания на её поражениях в 1941–1942 гг., фальсификация фактов – утверждения о победе Германии в Курской битве и т.п.);

- дискредитация героев и символов гордости советского народа;

- противопоставление и сраживание между собой народов СССР (миф об «украинцах, освободивших Освенцим»);

- изображение освободительного похода Красной армии в Европу 1944–1945 гг. как тоталитарной оккупации, что облегчает преувеличение роли второго фронта в Западной Европе;

- навязывание мнения о том, что война – это исключительно зло, насилие, смерть, а поэтому надо отказаться от «милитаризованного сознания» и «покаяться».

В странах Восточной Европы созданы хорошо финансируемые Институты национальной памяти, которые не только «продвигают» в общественном мнении превратную оценку событий 1939–1945 гг., а имеют правовые полномочия преследовать пророссийские точки зрения [16]. Идея подобного учреждения разработана в ФРГ и насаждена в Восточной Европе, включая Украину. К функциям ИНП относятся расследование и разоблачение преступлений против мира, человечности и военных преступлений, причём «коммунистические» и «нацистские» преступления рассматриваются наравне. ИНП имеет хорошо оборудованные

музеи, ведёт активную и агрессивную пропаганду в СМИ и системе образования, дискредитируя лиц, причастных к коммунистическому режиму и органам безопасности, обеспечивая их люстрацию [17].

Методы информационных атак против памяти о Великой Отечественной войне. Обобщённые нами в итоге анализа публицистики и историографии, включают в себя [12; 18; 19]:

- навязывание фальсифицированных оценок истории со стороны институций власти в масс-медиа;

- включение фальсифицированных оценок истории в учебную литературу, в программы деятельности музеев, выставок, учреждений культуры;

- непосредственную или завуалированную дезинформацию;

- пропаганду;

- клевету и ложь;

- сокрытие существенной информации (посредством закрытия или ограничения доступа к источникам нелояльным историкам или, напротив, предоставления привилегий историкам лояльным);

- подмену понятий (термина «пособник нацистов», «изменник» на внешне нейтральное «коллаборант»);

- отвлечение внимания на второстепенные события и личности;

- информационное табу (замалчивание неудобных событий – поддержки Красной армии украинцами, широкомасштабной экономической помощи СССР странам Восточной Европы).

Методы фальсификации истории войны включают в себя ряд технологических приёмов [12; 20; 21]:

- «утвердительные заявления» – обвинения в адрес СССР (должны действовать благодаря многократному стандартному повторению);

- «ссылки на авторитеты» (известных историков, политиков, деятелей культуры);

- «изоляция» (противопоставление СССР и России «всему человечеству», «свободному миру»);

- «наклеивание ярлыков» (мифы о несоразмерных жертвах Красной армии, о мародёрстве и насилии в Восточной Европе);

- «перетасовка фактов»;

- «формирование ложного контекста» факта для снижения или, напротив, увеличения степени доверия к нему (на примере оценки пакта Молотова – Р;

- «общественное одобрение» – использование социологических опросов, интервью (в случаях сноса памятников советским полководцам и воинам, переименования улиц);

- ссылка на «очевидцев событий» с целью создать эффект личного сопереживания и доверия (интервью с «ветеранами»-бандеровцами).

В то же время, анализ результатов социологических опросов на Украине подтверждает, что значительная часть общества не приемлет переписывание истории и сохраняет положительное восприятие Великой Отечественной войны.

В 2010 г. Украинский центр экономических и политических исследований имени А. Разумкова провёл опрос 2009 чел. старше 18 лет, выяснивший, что 69,2% респондентов предпочитают термин «Великая Отечественная война», 24,7% – «Вторая мировая война» и лишь 1,7% – советско-германской войной [22]. Понятно, что эти термины отражают полярно противоположные идеологемы восприятия войны. После праворадикального переворота в феврале 2014 г. состояние исторической памяти не изменилось. Так, анкетный опрос в конце 2014 – начале 2015 гг. доказал, что 84% респондентов положительно оценивают победу СССР в войне и считают, что Победа сплачивает украинское общество. Опрос был проведён фордом «Демократические инициативы имени Илька Кучерива» совместно с “UkrainianSociologicalService” по заказу Международного центра перспективных исследований. Выборка составляла 4413 чел. в 11 регионах страны [21].

Однако массивная антироссийская пропаганда постепенно ослабляет данный консенсус. Опрос, организованный Киевским международным институтом социологии в мае 2020 г. (выборка 2000 чел.), дал уже иные, более тревожные итоги: 78% респондентов считают День Победы святым, особенным для себя праздником. Для 52% День Победы – по-прежнему праздник Победы СССР в Великой Отечественной войне, но для 32% – уже день «победы антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне и вклада в неё украинского народа» [23; 24].

Под воздействием антироссийской пропаганды уже 56,1% опрошенных полагают, что СССР разделяет с нацистской Германией ответственность за начало Второй мировой войны (таких 63% – на западе Украины, 43,7% – на востоке, молодежь – 58%, пенсионеры – 47,7%). Не согласны с этим 23,7%, еще 20,2% затруднились ответить. Среди опрошенных 44% считают, что нужно отмечать День Победы 9 мая; 17% – что надо отмечать День памяти и примирения 8 мая (как в Европе); 34% – готовы отмечать оба праздника. С директором Института национальной памяти Украины А.Дробовичем, который заявил, что во время Второй мировой войны украинцы вынуждены были воевать за чужие интересы, согласились 23% респондентов, а 62% – отвергли такое суждение. Считают создание Украинской повстанческой армии положительным событием истории уже 44% опрошенных, а негативным – лишь 22% [23; 24]. Трактовка Победы разделяет украинское общество как географически (по оси «запад – восток»), так и по поколениям. Наиболее податливо на антироссийское внушение молодое поколение.

Таким образом, фальсификации истории Великой Отечественной войны на Украине не только создают ложный образ исторических событий, но и «отрывают» украинский народ от общей истории с российским обществом, формируют образ врага в лице России. Этому необходимо противодействовать, причём последовательно и эффективно.

Российская историческая политика должна быть зеркально противоположной Западу и украинским националистам по ценностям, но симметричной по привлекаемым ресурсам и полномочиям институтов, проводящих воздействие на общественное мнение. 15 мая 2009 г. была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, она существовала при Президенте РФ до 2012 г. Но о бюджете, штатах и медийных ресурсах этой комиссии в сравнении с восточноевропейскими ИИП говорить невыигрышно. Не могут в нынешнем статусе выполнить такие функции и общественные объединения – Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество. Необходим федеральный орган исполнительной власти, наделённый широкими

полномочиями в сфере проведения российской концепции истории, противодействия идеологическим противникам.

В российском законодательстве есть нормы, установившие уголовную ответственность за пропаганду нацизма и его символики. Но очень редко мы слышим об уголовном наказании авторов текстов, редакторов интернет-сайтов или телерадиоканалов, печатных СМИ, авторов учебной литературы, которые фальсифицируют факты Великой Отечественной войны, дискредитируют подвиги советского народа и Красной армии. Правоприменение требует и последовательной политической воли, и профессиональной нормативно-правовой базы.

Методы исторической политики России должны быть качественно усовершенствованы. Основное внимание надо уделить финансированию создания онлайн-ресурсов, ориентированных на молодёжь. Государственная помощь созданию кино- и телефильмов должна стать адресной, оказываться тем творческим коллективам, которые формируют положительный образ советских воинов. Полезно активизировать информационную политику в отношении адресных групп, которые связаны с патриотическими ценностями: военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, казаков, курсантов военных училищ.

Необходимо создать в системе органов власти РФ влиятельный орган, который бы на постоянной и профессиональной основе координировал историческую политику. Он призван координировать усилия вузов и академических институтов, СМИ, музеев, архивов по созданию положительного образа Великой Отечественной войны, по разоблачению фальсификаций прошлого. Нуждается в кардинальном совершенствовании и законодательство, которое сейчас с трудом применяется по делам о разоблачении исторических фальсификаций.

Особенно важное направление исторической политики – поддержка издания учебной и просветительской литературы для средней и высшей школы, которая должна стать последовательно патриотической и профессиональной, ярко и интересно оформленной. Такие издания будут полезны при условии, если кардинально увеличатся нормы времени на освоение обязательной дисциплины «История России» в школах и вузах.

Примечания

1. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память / *П.Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок.* – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17–50.
2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
3. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас.* – 2005. № 2–3 (40–41). – С. 8–27.
4. *Касьянов Г.В., Миллер А.И.* Россия – Украина: как пишется история. Диалоги – лекции – статьи. – М.: РГГУ, 2011. – 306 с.
5. *Ставицкий А.В.* Национально-исторический миф Украины. – Севастополь: Рибест, 2015. – 748 с.
6. *Дьякова Е.В.* Современная украинская историография Второй мировой войны: проблемы, подходы, тенденции // *Наследие веков.* – 2020. – № 2 (22). – С. 24–30.
7. *Безугольный А.Ю.* Военная история Украины XX века в современной украинской историографии (1990–2010-е гг.) // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки.* – Симферополь, 2018. – Т. 4 (70), № 2. – С. 3–15.
8. *Каревин А.С.* Сумерки невежества. Технология лжи, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины. – М.: Центрполиграф, 2016. – 415 с.
9. *Політична історія України: Навчальний посібник.* 3-ге вид., доп. / під ред. *В.І. Танцюри.* – Київ: Академвидав, 2014. – 552 с.
10. *Гольчевські Ф.* Суперечливі традиції: ОУН/УПА та націотворення // *Україна: процес націотворення.* – Київ: – К.І. – С., 2011. – С. 307–320.
11. *Пентер Т.* Українці та «Велика вітчизняна війна»: комплексність воєнних біографій // *Україна: процес націотворення.* – Київ: К.І.С., 2011. – С. 321–336.
12. *Коніщева С.Є.* Історія України. Тренінг до тестування на сертифікат УЦОЯО. – Київ: МАЙСТЕР-КЛАС, 2014. 80 с.
13. *Атлас з історії України (1939-1991 рр.).* 10 клас. – Київ: Інститут передових технологій, 2015. 18 с.
14. *История Украины. VI – XXI вв.* / под общ. ред. *П.П. Толочко.* 2-е изд., испр. и доп. – Киев; Москва; Киевская Русь; Кучково поле, 2018. – 472 с.
15. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // *Историческая политика в XXI веке.* – М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.

16. *Дюков А., Колтакиди А.* Чем заняты Институты национальной памяти в Восточной Европе. Режим доступа: <https://politobzor.net/167741-chem-zanyaty-instituty-nacionalnoy-pamyati-v-vostochnoy-evrope.html>(дата обращения: 27.08.2020).

17. *Гребенник Г.П.* Политика памяти в Украине: критические заметки. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oukumena/krug/politika_pamati_v_ukraine_kriticheskiye_zametki_2013-12-05.htm(дата обращения: 27.08.2020).

18. *Лосев І.* Заручники великої несправди. Чому лідери «Батьківщини» й УДАРу святкують українську трагедію? // Український тиждень. – Київ. 2013. – № 19 (287). 17–23.05. – С. 18–20.

19. *Гриневич В.* Між молотом і ковадлом // Український тиждень. – Київ. 2013. – № 6 (274). – 8–14.02. – С. 38–41.

20. *Боровик М.* Визволителі очима визволених // Український тиждень. – Київ. – 2013. – № 6 (274). – 8–14.02. – С. 42–44.

21. *Якубин А.* «Борьба с прошлым» как способ сохранения власти на Украине. Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/17072015-jakubin/#t20c> (дата обращения: 27.08.2020).

22. 70% украинцев предпочитают называть войну против фашизма Великой Отечественной. Режим доступа: <https://ukranews.com/news/39187-70-ukraincev-predpochyayut-nazyvat-voynu-protyv-fashyzma-velykoj-otechestvennoj>(дата обращения: 27.08.2020).

23. *Медведева Н.* Воевали за чужие интересы? Украинцы высказались о Дне Победы – опрос КМИС. 20.05.2020. Режим доступа: <https://news.liga.net/society/news/voevali-za-chujie-interesy-ukraintsy-vyskazalis-o-dne-pobedy-opros>(дата обращения: 27.08.2020).

24. *Смирнов Ю.* «Войну развязали СССР и Германия». Как День Победы теряет популярность в Украине. 09.05.2020. Режим доступа: <https://www.liga.net/society/articles/voynu-razvyazali-sssr-i-germaniya-kak-den-pobedy-teryayet-populyarnost-v-ukraine>(дата обращения: 27.08.2020).

А.А. Базай

(г. Краснодар, Российская Федерация)

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ БОЙЦОВ ОУН-УПА В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Аннотация: В статье делается попытка проследить политико-правовую эволюцию отношения официальных властей Украины к Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. На материалах законодательных актов, учебной литературы и официального мемориального пространства анализируется позиция Верховной рады и Президента Украины в вопросах пересмотра советского нарратива Победы и перехода от декриминализации к чествованию «героев национально-освободительной борьбы украинского народа».

Ключевые слова: мемориализация, ОУН-УПА, историческая политика, национализм.

A.A. Bazai
(Krasnodar, Russian Federation)

MEMORIALIZATION OF OUN-UPA FIGHTERS IN THE LEGAL SPACE OF MODERN UKRAINE.

Abstract: The article makes an attempt to trace the political and legal evolution of the attitude of the official authorities of Ukraine towards the Organization of Ukrainian Nationalists and the Ukrainian Insurgent Army. The position of the Verkhovna Rada and the President of Ukraine on the revision of the Soviet narrative of Victory and the transition from decriminalization to honoring the "heroes of the national liberation struggle of the Ukrainian people" is analyzed on the materials of legislative acts, educational literature and the official memorial space.

Key words: memorialization, OUN-UPA, historical politics, nationalism.

Вторая мировая война – событие, определяющее фундаментальные основы мироустройства и по сей день. Став причиной коллективной травмы у миллионов людей, она так же разительным образом повлияла на пересмотр и инновацию героического дискурса во многих странах, в том числе и проигравших в этой войне. И хотя Украина, как в прошлом часть Советского Союза, принадлежит к блоку победителей, в 1990 г., с крушением этого государственного образования, начался, неоднородный по своей сущности, но от этого и не менее неотвратимый, процесс пересмотра событий этой минувшей войны [1].

До 1990 г. существовало два принципиально противоположных взгляда на роль Украины и украинского народа в событиях Второй мировой.

Первый – официальный взгляд, господствовавший в советском историческом нарративе, говорил о том, что Украина – участница Великой Отечественной войны, наравне с другими республиками Советского Союза подверглась агрессии со стороны нацистской Германии. Поэтому в данном конфликте существует лишь две противоборствующие стороны – это «советский народ» (в т.ч. и украинцы) и нацисты со своими пособниками. Война для украинцев началась, как и для всех жителей СССР 22 июня 1941 г. [2]

Второй взгляд, запрещенный в самой Украине, все эти годы исповедовался в украинской диаспоре, в основном в странах Запада. Суть этого подхода заключается в том, что украинцы вступили во Вторую мировую войну одновременно со всем остальным миром 1 сентября 1939 г., когда Польша, в составе которой находились Западноукраинские земли, подверглась нападению со стороны Третьего Рейха [3]. В этом конфликте участвовали 3 стороны: нацистские агрессоры на Западе, «большевистские агрессоры» на Востоке (которые со времен Гражданской войны осуществляют агрессию против большей части Украины, а 17 сентября 1939 г. напали на её западные остатки) и, собственно, украинский народ, зажатый в тисках между двумя агрессорами [4]. Согласно этому подходу, украинцы участвовали в этой войне как самостоятельная сила, организованная первоначально в отряды Организации украинских националистов (ОУН), а затем с 1943 г. в Украинскую повстанческую армию (ОУН-УПА).

В отличие от многих других событий XX в., ключевых для различных национальных историй, историография УПА не писалась «по горячим следам». Во-первых, многим участникам националистического подполья ещё до 1947 г. удавалось продолжать вести боевые действия на уже освобожденных советскими войсками территориях. Во-вторых, после того, как им удалось прорваться через Чехословакию в западные зоны оккупации, многим бойцам ОУН-УПА пришлось пройти через

лагеря или длительную обработку западными спецслужбами [5]. Да и в принципе, до того, как холодная война окончательно укоренилась в сознании Западного мира, беглые бойцы УПА в основном считались нацистскими пособниками.

Первые полноценные работы по данной проблематике выходят в эмиграции только к началу 1950 г., когда Центральное разведывательное управление США (ЦРУ) совместно с Секретной разведывательной службой Великобритании (МИ-6) взяли за осуществление операции «Аэродайнемик», а украинская диаспора стала высоко востребованной. Наибольшей активностью будут отличаться издательские центры в Торонто, Виннипеге и организация «Пролог» [6], действующая на территории США.

Советская же историография рассматривала деятельность ОУН-УПА только в ключе гитлеровских пособников, описывая их партизанскую и полицейскую деятельность [7]. Украинская государственная историография, подходя к 1990 г., была не готова ответить на многие запретные до этого вопросы, поэтому пальма первенства сразу же была перехвачена эмигрантской литературой и местными авторами [8], чаще всего и не историками по образованию, которые до этого занимали маргинальное положение в официальной исторической науке.

Молодое независимое государство в первые годы старалось всячески открещиваться от подобного наследия. Для этого существовал ряд причин. Во-первых, несмотря на то, что этот миф был однозначно удобен в полемике с оппозицией КПУ, он одновременно с тем мог и отпугнуть большинство избирателей, т.к. большинство населения, было воспитанно в рамках советского нарратива, и поэтому, однозначно ассоциировало миф Великой Отечественной войны, как свой. Бойцы же УПА («бандеровцы»), воспринимались в строго негативном ключе практически по всей территории Украины. Исключением были западные области страны, где националистическое подполье в годы войны было наиболее сильным. Поэтому, на данном этапе можно говорить о присутствии географического детерминизма мифа Второй мировой.

Во-вторых, сами политики, пришедшие к власти в первые годы независимости, так же еще не воспринимали миф УПА, как свой, а значит, не могли служить его проводниками в массы [1].

Несмотря на это, уже в 1992 г. часть националистически настроенных депутатов Верховной Рады делают первые шаги к актуализации проблемы УПА в медийном и политическом пространстве. 14 октября 1992 г. (в годовщину образования ОУН-УПА) Президиум Верховной Рады Украины выпустил постановление «К вопросу о проверке деятельности организаций ОУН-УПА», которое призывало предметные парламентские комиссии заняться вопросами изучения деятельности УПА [9]. Уже 1 февраля 1993 г. Президиум выносит новое постановление, которое подключает к проблеме новые структуры, а именно поручить «Министерству юстиции Украины, Академии наук Украины, Министерству иностранных дел Украины, Министерству внутренних дел Украины, Службе безопасности Украины, Генеральной прокуратуре Украины, Верховному Суду Украины с соответствующими государственными учреждениями, общественными организациями, международными организациями провести проверку и изучение этого вопроса и представить Президиума Верховной Рады Украины юридически и исторически обоснованные выводы» [10]. 19 апреля 1993 г. новое постановление призывает к возвращению архивных материалов, касающихся ОУН-УПА, из Центрального архива внутренних войск МВД Российской Федерации в архив внутренних войск МВД Украины [11]. Несмотря на кажущуюся активность парламентариев, в президентство Л. Кравчука процесс пересмотра роли УПА во Второй мировой войне, в государственных структурах был почти полностью проигнорирован, т.к. Президенту удавалось крайне удачно лавировать, не поддерживая, не отвергая ни одну из региональных точек зрения [12]. В попытке изменить ситуацию, 12 сентября 1997 г. выносится очередное постановление, которое более детально призывает к созданию межведомственных и правительственных комиссии по изучению деятельности ОУН-УПА [13]. Но и это не приносит должного результата, 23 апреля 1999 г. Президиум просит в кратчайшие сроки предоставить отчет о проделанной работе [14], который так и не был сделан.

Политика, проводимая администрацией Л. Кучмы, носила более активный, но от этого не менее деструктивный характер. Если до этого раскол присутствовал только на политическом

уровне, то недалёковидное поочередное апеллирование этими двумя непримиримыми концепциями только усугубило его и вывело на новый территориально-идеологический уровень. Именно в этот период формируется т.н. концепция «Двух Украин» [15], непримиримых друг другу. Формируются и научные центры, обслуживающие эти трактовки. Львов, Ивано-Франковск – для националистов. Донецк, Харьков, Днепропетровск – для сторонников советского нарратива.

Отсутствие жесткого государственного регулирования привело к тому, что в издательском деле царил плюрализм. На полках книжных магазинов массово стали появляться научные, околонучные и откровенно пропагандистские книги, описывающие деятельность УПА в сугубо положительном свете.

Параллельно с этим рождается новая трактовка событий Второй мировой, которую можно считать следствием развития национально-государственной историографии. Появляются работы, пытающиеся рассмотреть роль украинцев во Второй мировой, не концентрируясь на позиции какой-то одной стороне конфликта. Предпринимается попытка написать историю именно украинцев, вписанную в рамки войны [16]. Причем, в данном подходе анализируется участие этнических украинцев не только в рамках двух противоборствующих армий (нацисты и их пособники и Красная Армия), а антагонистических блоков – армиях Стран Оси, национальных военформированиях (ОУН-УПА, Полесская Сечь и т.п.), Красной Армии и, что не маловажно, армиях стран Союзников. Но на данном этапе данная инициатива проигрывает по своей актуальности, так как примирительный формат подобных одиноких исследований звучит неубедительно на фоне молчания официальных политических институтов и полном отсутствии на данном этапе продуманной политики памяти.

Перелом, в этой, казалось бы, стабильной ситуации замороженного конфликта случился в 2005 г. с приходом на пост президента человека, имевшего личные симпатии к одной из его сторон. Именно при В. Ющенко начинается активная компания по увековечиванию в коммеморативных практиках украинцев деятельности УПА. В 2006 г. создается уже упоминавшаяся ранее, крайне одиозная в наши дни, структура – Украинский институт

национальной памяти. Несмотря на то, что в те годы он еще не обладал теперешней политической властью, с момента своего появления он обретает в основном не научно-исследовательские, а политические цели и функции. Созданный по образцу польского Института национальной памяти [17], который в момент своего создания носил более красноречивое название Комиссия по расследованию преступлений тоталитарных режимов против польского народа, он должен был стать одновременно и инструментом новой государственной пропаганды, и аппаратом по проведению люстрации (что на данном этапе осуществить не удалось).

Не отставало от УИМП и Министерство образования Украины. В учебной литературе так же наметился отход от плюралистского рассмотрения событий Второй мировой. Во-первых, из учебников для 11 класса окончательно исчез оборот «Великая Отечественная война», который теперь упоминается как идеологизированная конструкция, придуманная советскими историками [18]. Начинается построение «мифа УПА», как единственного освободительного движения украинцев годы Второй мировой. В учебнике для 11 класса О. Струкевича теме националистического движения посвящена большая часть параграфа о движении Сопротивления (при этом «красным партизанам» отдан только один маленький пункт) [19].

Наиболее важными вехами в огосударствлении мифа УПА стали массовые чествования, проводимые уже на государственном уровне. Часто, данные мероприятия посещали не только представители маргинальных ультранационалистических партий, но и крупные политики из ВР и правительства. Кульминацией этих событий стало награждение почетным званием Герой Украины двух крупнейших деятелей националистов Р. Шухевича [20] и С. Бандеры [21].

14 октября 2006 г. В. Ющенко подписал указ «О всестороннем изучении и объективном освещении деятельности украинского освободительного движения и содействии процессу национального примирения» [22], в котором дал указание правительству разработать законопроект о придании особого статуса ветеранам ОУН-УПА, а Министерству образования и науки —

популяризировать историю УПА как украинского национально-освободительного движения, организовать выпуск литературы, научно-популярных фильмов и передач об участии украинцев во Второй мировой войне, «всесторонне и объективно освещать в учебно-воспитательном процессе» [22] деятельность таких организаций, как ОУН-УПА, Украинская освободительная организация и других.

Нельзя сказать, что подобные демонстративные акции не встречали совсем никакого сопротивления. Противники мемориализации культа УПА из юго-восточных областей Украины наиболее жестко реагировали на подобные инициативы официального Киева. Так, в 2007 г. в Симферополе местными коммунистами был установлен монумент в память о советских гражданах, погибших от рук украинских националистов «Выстрел в спину» [23], что вызвало рост поддержки среди простого населения. А 3 декабря 2007 г. Харьковский областной совет, где Партия регионов (политические оппоненты Президента) традиционно составляли большинство, принял заявление о том, что «на территории Харьковской области ОУН-УПА была воюющей стороной на стороне фашистской Германии», и дал характеристику УПА как «формирования, которые подчинялись командованию фашистской Германии и использовались им во время Второй мировой войны против Советского Союза и государств антигитлеровской коалиции» [24]. Депутаты раскритиковали действия Президента, увидев в них «попытку навязать украинскому обществу видение событий в годы Великой Отечественной войны с точки зрения ограниченной группы лиц, которые виновны в совершении самых ужасных преступлений против мира и человечества». Также они заявили о том, что «попытки реабилитации коллаборационизма и предательства ведут к раздору, угрожают будущему Украины» [24]. Харьковский облсовет призвал «не допускать героизации ОУН-УПА» и предложил местным органам власти на территории области «демонтировать в случае наличия любые памятные знаки, установленные в честь ОУН-УПА или их боевиков» [24].

Вопрос УПА превратился в разменную монету в противостоянии между Западом, под контролем которого теперь

находился Киев, и Востоком. И наиболее ярким подтверждением этого служит тот факт, что большинство памятников жертвам националистов было установлено на Востоке именно в период правления В. Ющенко [25].

При всей массовости мероприятий, проводимых официальными властями, всё ещё нельзя говорить о системном характере исторической политики, т.к. во многом она ещё носит сиюминутный, инструментальный характер, подчиненный внешнеполитической конъюнктуре.

Активизация чувствований бойцов УПА являлась важным рычагом давления в украино-российских отношениях, каждый новый акт мемориализации вызывал оживленный протест со стороны РФ. При этом, как ни странно, в фокус внимания исследователей редко попадает другой внешнеполитический аспект, реакция других соседей Украины: Польши, Белоруссии и Румынии, которые более всего пострадали от деятельности оуновцев.

В конечном счете, все эти радикалистские меры пересмотра исторической памяти привели к росту популярности консервативно-советского прочтения мифа Второй мировой и роли в ней украинцев. Итогом стало углубление территориального раскола страны и победа на выборах 2010 г. В.Ф. Януковича, поддержанного юго-востоком Украины. Но и здесь В. Ющенко не упустил возможности оставить своему сменщику ещё более расколотую страну. 29 января 2010 г. президентским указом бойцы Украинской повстанческой армии были признаны борцами за независимость Украины [26].

С этого момента начинается кардинальный пересмотр предшествовавшего исторического дискурса. Учебная литература, до этого являвшаяся одним из самых действенных способов продвижения Западной концепции Второй мировой, постепенно возвращается на дипломатические позиции периода Кучмы. Реформы, инициированные министром образования О. Табачником, вызвали бурю негодования на западе страны и в среде националистических политиков и СМИ. В учебниках для 11 класса был радикально пересмотрен раздел, посвященный Второй мировой. Во-первых, был опять возвращен термин Великая

Отечественная война [27]. Во-вторых, хоть тема УПА и не исчезла полностью из учебного пространства, но была радикально сокращена. Деятельность националистов освещена только двумя небольшими абзацами [28].

Но, в конечном счете, нельзя говорить о каком-то магистральном направлении в исторической политике периода Януковича. Параллельно с открытием в г. Луганск скульптурной композиции «Памятник жителям Луганщины, павшим от рук карателей-националистов из ОУН-УПА» [29], на Западе продолжался выпуск альтернативных работ и самые настоящие политические демарши [30], а также сам Президент не нашел в себе политической воли, чтобы отменить особенно идеологизированные постановления своего предшественника.

В стране нарастал политический и, что для нас более важно, идеологический раскол. Несмотря на, казалось бы, равенство сил, в этом историософском конфликте, позиции консервативно-советского нарратива находились на более шатких позициях. Он поддерживался все меньшим количеством людей, т.к. к этому времени заметную роль стал играть не только географический, но и демографический фактор. Подросло уже новое поколение, воспитанное в новых мировоззренческих реалиях, для которых Вторая мировая война была десакрализована ввиду постоянных пертурбаций и конъюнктурности её трактовок при разных администрациях. К тому же, извечный конфликт поколений и методологическая заостренность советского нарратива так же отталкивали молодежь от него. В конечном итоге в обществе назрел запрос на еще более кардинальный пересмотр официальной исторической концепции с целью создания более устойчивой идеологической базы, для стабилизации самого этого общества. Т.к. этот запрос был проигнорирован администрацией В. Януковича, это привело к тому, что политический и идеологический протестный потенциал наложились друг на друга.

Именно поэтому, события того же самого Евромайдана и последовавшей за ней так называемой «Революции Достоинства» нельзя рассматривать только как социальную и политическую манифестацию, но и как практическую демонстрацию коммеморативной политики новых, постреволюционных властей.

Конечно, под этим мы подразумеваем Факельные шествия и активное использование символики ООН и УПА в среде протестующих [31]. Но далеко не все люди на площадях стояли под красно-черными знаменами с портретами деятелей этих националистических организаций, далеко не все люди разделяли эти идеи. Главным здесь остается факт «протестности» мифа УПА, который был применен политическими оппонентами В. Януковича.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что с победой этой самой оппозиции, националистический дискурс широкими мазками стал насаждаться в историческом поле Украины.

Наибольшую активность в этом направлении проявил уже упоминавшийся ранее УИМП, который возглавил активный участник Евромайдана, львовский историк Вячеслав Вятрович. Сферой его научных интересов как раз является Национально-освободительное движение, а кандидатская диссертация защищена по теме «Зарубежные рейды УПА в контексте реализации антитоталитарной национально-демократической революции народов Центрально-Восточной Европы». Все президентство В. Ющенко он был одним из самых рьяных пропагандистов, работая в сотрудничестве не только с УИМП, но Службой безопасности Украины и Институтом украиноведения НАН. С приходом В. Януковича, он на время уходит в тень, не занимая важных постов.

С победой Революции 2014 г., он как один из активных ее деятелей был назначен на пост главы УИМП [32], где и развернул свою реформаторскую деятельность на общегосударственном уровне. В кратчайшие сроки из исследовательской организации, на манер российского общества «Мемориал», УИМП превратился в главный идеологический орган современной Украины, с рекомендаций которого начался качественно новый виток в украинской исторической политике. Началась ее унификация и, выражаясь словами Г. Касьянова, «национализация» [1], принимающая на данный момент карательный характер. Многие видные ученые-украинисты называют подобную деятельность наступлением на научную свободу слова [33], т.к. процесс индоктринации носит монистический характер, не допускающий противоречий. Поэтому в дальнейшем по этому периоду, если в

тексте упоминается какое-то решение Рады или Президента, то оно было однозначно либо разработано, либо одобрено УИМП.

Итак, какие же шаги предприняла новая власть на поприще исторической политики в отношении мифа УПА?

Во-первых, День Защитника Украины был перенесен с 23 февраля на 14 октября, день Покрова Пресвятой Богородицы в которой в 1943 г. была образована УПА [34].

Во-вторых, было дано распоряжение МОН о пересмотре школьной программы и учебной литературы по истории [35].

В-третьих, были организованы новые конференции, круглые столы и исследовательские гранты, направленные на изучение истории украинского освободительного движения, в особенности в лице Украинской повстанческой армии.

В-четвертых, шествия националистов, в т.ч. факельные, посвященные деятельности УПА, были санкционированы местными органами власти не только во Львове, но Киеве и даже Харькове [36].

В-пятых, в рамках принятого Верховной Радой Украины Закона о декоммунизации, и начатого, в связи с этим процесса массового переименования городов и улиц, Украинская повстанческая армия и её участники попали в список дозволенной альтернативы. В связи с чем, на карте Украины массово стали появляться новые «национализированные» названия [37].

И наконец, в-шестых, 9 апреля 2015 г. Верховная Рада Украины приняла закон «О правовом статусе борцов за независимость Украины», автором которого был сын Главнокомандующего Украинской повстанческой армией Б. Шухевича – восьмидесятидвухлетний депутат Юрий Шухевич. В этом законе указан перечень организаций, признанных борцами за независимость Украины. Среди них есть и ОУН-УПА [38].

В конечном счёте, можно говорить о том, что на теперешнем этапе развития исторической политики в Украине, «миф УПА», перестал быть временным медийным сюжетом. Законодательное закрепление статуса бойцов УПА и запрет на их критику в рамках декоммунизационных законов окончательно вытеснили этот сюжет из публичного дискурса в самой Украине и перевели его в статус международной проблемы. Не только официальная Москва

выразила недовольство ревизионистскими действиями Украины. Израильские [39] и польские власти [40] так же высказали свою обеспокоенность начавшимся процессом «обеления» пособников нацистов.

Хронологически, практикоприменимость данного мифа прошла на данный момент три стадии:

1. Предполитический (1991–2005), когда тематика УПА являлась актуальной только для «волонтеров» западных областей, а официальные власти практически её игнорировали, ввиду как собственного неприятия, так и осуждения со стороны большей части граждан страны.

2. Политико-инструментальный (2005–2014 гг.), который имеет внутреннее деление на националистический (2005–2010 гг.) и консервативно-советский (2010–2014 гг.) подпериоды. Внутренне это период был противоречив. С одной стороны, мифология УПА перестаёт быть негласно табуированной темой для как политической, так и исторической дискуссии. Но с другой стороны, непримиримость противоборствующих элит, придерживавшихся той или иной стороны, мешала объективной проработке проблемы. Более того, из поля научной дискуссии данная тема радикально вошла в политику и углубила раскол украинского общества.

3. Политико-идеологический (2014 г. – наст. вр.). Этот период наиболее значим для исследования, так как именно в рамках него мы впервые встречаем в Украине организованную и институционализированную историческую политику. Здесь «миф УПА», из ситуационного инструмента превращается в одно из ведущих орудий новой формирующейся идеологии украинского государства. Миф окончательно срастается с официальной позицией властей, препятствующей его открытой критике [41].

Примечания

1. *Касьянов Г.* «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке. – М., 2012. – С. 227, 226, 219.

2. *Кульчицкий С.В., Лебедева Ю.Г.* Історія України: підруч. для 11 кл. – К., 2011. С. 29.

3. Методичні рекомендації до відзначення Дня пам'яті та примирення і дня перемоги над нацизмом (8–9 травня) // Офіційний веб-сайт УІНП.

URL: <http://www.memory.gov.ua/methodicmaterial/metodichni-rekomendatsii-do-vidznachennya-dnya-pam-yati-ta-primirennya-i-dnya-perem> (дата обращения: 18.03.2020).

4. См.: Рада приняла Декларацию памяти и солидарности трех парламентов по Второй мировой войне. 20.10.2016. URL: <https://112.ua/glavnye-novosti/rada-prinyala-deklaraciyu-pamyati-i-solidarnosti-treh-parlamentov-po-vtoroy-mirovoy-voyne-347158.html> (дата обращения: 18.04.2020).

5. *Breitman R.* Hitler's Shadow. Nazi War Criminals, U.S.Intelligence, and the Cold War. – Cambridge University Press, 2005. – P. 78.

6. *Камінський А.* «Пролог» у Холодній війні проти Москви. Продовження в извольної боротьби із-за кордону. – Гадяч, 2009.

7. История Украинской ССР: В 10 т. – К., 1984. – Т. 8.; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг.: В 3 т. – К., 1975.; *Чередниченко В.П.* Анатомия предательства: Украинский буржуазный национализм – орудие антисоветской политики империализма. – К., 1983.; *Ржезач Т., Цуркан В.* Разыскиваются... – М., 1988.

8. *Кричевський Р.* ОУН в Україні – ОУНЗ і ЗЧ ОУН. Причиною до історії українськогонаціоналістичногоруху. Львів, 1991; *Чайковський А.С.* Невідома війна. Партизанський рух в Україні 1941-1944 рр. мовою документів, очима історика. – К., 1994.

9. До питання про перевірку діяльності організацій ОУН – УПА: Постанова Президії Верховної ради України від 14 жовтня 1992 р. № 2677-ХІІ. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2677-12?test=4/UMfPEGznhhESp.Ziy0Y.YNHI42gs80msh8Ie6> (дата обращения: 5.04.2020).

10. До питання про перевірку діяльності ОУН-УПА: Постанова Президії Верховної ради України від 1 лютого 1993 р. № 2964-ХІІ. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2964-12> (дата обращения: 05.04.2020).

11. Про повернення архівних матеріалів, щостосуються ОУН-УПА, з Центрального архіву внутрішніх військ МЦС Російської Федерації до архіву внутрішніх військ МВС України: Постанова Президії Верховної ради України від 19 квітня 1993 р. № 3108-ХІІ. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/3108-12?test=dCCMfOm7xBWMESpEZiy0Y.YNHI42gs80msh8Ie6> (дата обращения: 05.04.2020).

12. *Химка Дж.-П.* Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в XXI веке. – М., 2012. С. 431.

13. Про Урядову комісію з вивчення діяльності ОУН-УПА: Постанова Верховної ради України від 12 вересня 1997 р. № 1004. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1004-97-p> (дата обращения: 05.04.2020).

14. Про інформацію Кабінету Міністрів України щодо вивчення діяльності ОУН – УПА: Постанова Верховної ради України від 23 квітня 1999 р. № 615-XIV. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/615-14?test=XX7MfyrCSgkyESpIZiy0Y.YNHI42gs80msh8Ie6> (дата обращения: 05.07.2020).

15. *Рябчук М.Ю.* Дві України: реальні межі, віртуальні ігри. – К., 2003.

16. *Муковський І.Т., Лисенко О.Є.* Звитяга і жертвність: Українці на фронтах другої світової війни. – К., 1996.

17. *Миллер А.* Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. – М., 2012. – С. 15.

18. *Зінченко О., В'ятрович В., Майоров М.* Війна і міф. Невідома Друга світова. – Харків, 2016. – С. 13.

19. *Струкевич О.К., Романюк І.М., Дровозюк С.І.* Історія України: підруч. для 11 кл. – К., 2011. – С. 43-45.

20. Ющенко присвоил звание Герой Украины одному из главарей УПА Шухевичу // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/politics/20071014/83847440.html> (дата обращения: 10.04.2020).

21. Про присвоєння С. Бандері звання Герой України: Указ Президента України від 20 січня 2010 р. № 46/2010. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/46/2010> (дата обращения: 10.04.2017).

22. Про всебічне вивчення та об'єктивне висвітлення діяльності українського визвольного руху та сприяння процесу національного примирення: Указ Президента України від 14 жовтня 2006 р. № 879/2006. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/8792006-4950> (дата обращения: 11.04.2017).

23. Коммунисты открыли в Крыму памятник «жертвам ОУН-УПА» // Інформаційна агенція УНІАН, 24.09.2007. URL: <https://www.unian.net/common/64616-kommunistyi-otkryili-v-kryimu-ramyatnik-jertvam-oun-upa.html> (дата обращения: 11.04.2020).

24. Харьковский облсовет признал ОУН-УПА фашистской организацией // Правда.Ру, 3.12.2012. URL: <http://web.archive.org/web/20071206074147/http://news.mail.ru:80/politics/1509036/> (дата обращения: 11.04.2020).

25. В Одессе появится памятный знак жертвам ОУН-УПА // РИА Новый день, 1.10.2008. URL: <https://newdaynews.ru/odessa/198827.html> (дата обращения: 11.04.2017).; В Украине открыли памятник «жертвам ОУН-УПА». 29.06.2008. URL: <http://ru.delfi.lt/archive/v-ukraine-otkryli-ramyatnik-zhertvam-oun-upa.d?id=17551798> (дата обращения 11.04.2017).; Сумщина

проти́в «бандеровцев» // Рабочая газета: електрон. версія газ. 2001. № 196. 4 нояб. URL: <http://rg.kiev.ua/page5/article16364/> (дата обращения: 1.04.2017).

26. Про вшанування учасників боротьби за незалежність України у ХХ столітті: Указ Президента України від 28 січня 2010 р. № 75/2010. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/752010-9991> (дата обращения: 11.04.2020).

27. Великую Отечественную войну вернули в учебник истории Украины // Lenta.ru, 31.03.2011. URL: <https://lenta.ru/news/2011/03/31/ukrhistory/> (дата обращения: 11.04.2020).

28. Кульчицький С.В. Історія України: підруч. для 11 кл. – К., 2011. С. 49.

29. В Луганске открыли памятник жертвам ОУН-УПА. 9.05.2010. URL: <http://news.liga.net/news/society/486640-v-luganske-otkryli-pamyatnik-zhertvam-oun-upa.htm> (дата обращения 11.04.2020).

30. Львівська обласна рада оголосила 2012 роком УПА // Український тиждень: електрон. версія журн. URL: <http://tyzhden.ua/News/38148> (дата обращения: 11.04.2020).

31. У Києві на факельний марш на честь Бандері прийшли близько 10 тисяч людей // Інформаційна агенція УНІАН, 1.01.2014. URL: <https://www.unian.ua/politics/869274-u-kievi-na-fakelny-marsh-na-chest-banderi-priyshli-blizko-10-tisyach-lyudey.html> (дата обращения: 11.04.2020).

32. Про призначення В'ятровича В. М. директором Українського інституту національної пам'яті: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 25 березня 2014 р. № 264-р. URL: <http://www.kmu.gov.ua/control/ru/cardnpd?docid=247146029> (дата обращения: 12.04.2020).

33. Медведчук: декомунізація - наступлення на демократическіє свободи // РІА Новости, 23.05.2015. URL: <https://ria.ru/world/20150523/1066091188.html> (дата обращения: 12.04.2020).

34. Про День захисника України: Указ Президента України від 14 жовтня 2014 р. № 806/2014. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/806/2014> (дата обращения: 12.04.2020).

35. З цього навчального року старшокласники навчатимуться за новими програмами з Історії України // Офіційний веб-сайт УІНП. URL: <http://www.memory.gov.ua/news/z-tsogo-navchalnogo-roku-starshoklasniki-navchatimutsya-za-novimi-programami-z-istorii-ukraini> (дата обращения: 12.04.2020).

36. В Харькове прошло факельное шествие // Корреспондент.net, 29.01.2016. URL: <http://korrespondent.net/city/kharkov/3622351-v-kharkove-proshlo-fakelnoe-shestviye> (дата обращения: 12.04.2020).

37. Звіт Українського інституту національної пам'яті з реалізації державної політики у сфері відновлення і збереження національної пам'яті у 2016 році // Офіційний веб-сайт УІНП. URL: <http://memory.gov.ua/page/zvit-ukrainskogo-institutu-natsionalnoi-pam-yati-z-realizatsii-derzhavnoi-politiki-u-sferi-vidn> (дата обращения: 12.04.2020).
38. Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у ХХ столітті: Закон України від 09 квітня 2015 р. № 314-VII // Відомості Верховної Ради (ВВР). 2015. № 25. С. 190.
39. Президент Ізраїля напав на Раде о деяниях українских националистов // РИА Новости, 27.09.2016. URL: <https://ria.ru/world/20160927/1477986885.html> (дата обращения: 12.04.2020).
40. Сейм Польши признал Вольнскую трагедию геноцидом // Інформаційна агенція УНІАН, 22.07.2016. URL: <https://www.unian.net/politics/1431747-seym-polshi-priznal-volyinskuyu-tragediyu-genotsidom.html> (дата обращения: 12.04.2020).; Президент Польши осудил героизацию УПА на Украине. 23.04.2015. URL: <https://life.ru/t/новости/152944> (дата обращения: 12.04.2020).
41. Порошенко подписал закон о декоммунизации // Інформаційна агенція УНІАН, 15.05.2015. URL: <https://www.unian.net/politics/1078599-poroshenko-podpisal-zakon-o-dekommunizatsii.html> (дата обращения: 12.04.2020).

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

О.В. Валецкий, Н.Ю. Лучич

(г. Москва, г. Краснодар, Российская Федерация)

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ЧЕРНОГОРЦЕВ ПРОТИВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Аннотация: Конец XVIII века в истории Балкан – время войн за национальную независимость. Фактически вся территория Османской империи тогда представляла собой поле то разгоравшихся, то затухавших конфликтов.

Ключевые слова: Австрия, Россия, Черногория, национальная автономия.

O.V. Valecky, N.Y. Luchich

(Moscow, Krasnodar, Russian Federation)

THE ARMED STRUGGLE OF MONTENEGRINS AGAINST THE OTTOMAN EMPIRE IN THE LATE 18th CENTURY

Abstract: The end of the 18th century in the history of the Balkan wars for national independence. In fact, the whole territory of the Ottoman Empire was a field it flared, then saruhashi conflicts.

Keywords: Austria, Russia, Montenegro, national autonomy.

Скадарский санджак граничил с Венецианской республикой (Albania Veneta), в его состав входила часть территории современных северной Албании, Косово, Македонии и Черногории. Одной из самых влиятельных семей была семья Бушатли. Один из ее членов, Махмут-паша Бушатли, в 90-х гг. XVIII в. являлся, как пишет Бранко Павичевич, полновластным феодалом и самостоятельно назначал наместников в своем санджаке [1].

В 1787 г. Махмут-паша Бушатли разбил посланные против него войска султана и решил создать собственную державу, которая бы охватывала район Бырда, целую Старую Черногорию, «Млетачку

Албанию» и южную часть Далмации вплоть до Дубровника. В выполнении этих планов он решил опереться на помощь Франции. В 1795 г. эскадра французского флота подошла к Скадру. С нее высадились несколько французских офицеров и инженеров, которые получили приказ помочь Махмут-паше создать фортификации. В июле 1796 г. из Франции семь галер доставили Махмуту-паше Бушатли продукты питания и боеприпасы [2].

Весной 1796 г. обострились отношения Махмута-паши Бушатли с сербскими племенами Пиперов и Белопавловичей, которые стремились к объединению с Черногорией. Махмут-паша послал письмо владыке Петру I Негошу о том, что его враги – племена Белопавловичи и Пиперы, а не Черногория. Владыка же ответил ему, что «бырджане» – его братья и он их не оставит в беде. В конце июня 1796 г. армия паши двинулась по дороге на Подгорицу, и представители племен Белопавловичи и Пиперы, прибыв к владыке, попросили помощи у него. Владыка собрал Сабор (Сбор) черногорских племен в Цетинье 20 июня (1 июля), на котором представители племен проголосовали за следующие решения: «Хотим все вместе против общего христианского врага идти за православную веру и закон» и за «нашу дорогую свободу и вольность», за «любезное отечество, за церкви и монастыри», за «жен и детей наших воевать и трудиться всей силою, дабы избежать ярма агарянского» [3].

Владыка Петр Первый Негош считал, что Махмут-паша Бушатли готовит удар по Дубровнику и потому не хотел оставлять у себя в тылу противника. Собрав войска в Северной Албании, Махмут-паша со своими основными силами двинулся к Спужу. Здесь, у горы Высочицы, его войска заняли позиции, а с другой стороны находились силы «бырджан» и черногорцев [4]. Владыка Петр I к тому времени собрал на Цетинье войска и отправил письмо племени Гырблян, в котором писал: «Братья, знайте, мы не собираем войска ни ради Бырда, ни ради нас, а за большее. Сейчас, братья, мы все пойдем пролить кровь нашу за правую веру христианскую» [5]. Прибыв в район Слатины, владыка Петр I, по данным тогдашнего летописца дьякона Алексия, имел под началом 9863 человека. Данные же по «туркам» у тогдашних летописцев отличаются в количестве. Дьякон Алексей и другой летописец, архимандрит

Вучетич, пишут о 34860 «турках», а сам владыка указывает о 27 тыс. «турок» [6]. Битва длилась шесть дней с 2 (13) июля по 11 (22) июля 1796 г. Турки бежали через Скадарское озеро, переправившись на лодках, тогда как черногорцы и «бырджане», потеряв 23 убитыми, захватили большие трофеи. Эта победа получила большой резонанс в Европе.

После битвы у Мартиновичей среди черногорцев произошел рост боевого духа, и на волне этого роста владыка Петр I создал народный сбор – «Скупштину» в Цетинье, на котором была принята присяга – «Стега». В ней, призывая «Господа Вседержителя в помощь», и, поклявшись, что нас не предадут и не обманут друг друга, черногорцы так же клялись, что «один второму будет помощь давать» и что «они будут за благочестивую веру нашу христианскую сражаться и кровь проливать» там, где бы «враг напал на них или на их братьев-«бырджан» [7]. Тот же, кто предал бы, должен был быть проклят и отречен от общества. По сообщению венецианского вице-консула в Скадре Джакома Сума, в сентябре 1796 г. войска Махмут-паши Бушатли, численностью в 20 тысяч человек, выступили через Подгорицу к Цетинье [8]. При этом 2 тысячи своих солдат он направил против племен Белопавловичей и Пиперов. Сам визирь Махмут-паша Бушатли занял позиции у села Круси, где его силы, согласно сведениям летописца архимандрита Вучетича, насчитывали 24 тысячи пеших и конных солдат, тогда как летописец дьякон Алексей сообщал о 34860 человек. У владыки же Петра I, как писал дьякон Алексей, под командованием находилось 17460 черногорцев и «бырджан», с тем, что в начале боя у него было 6590 человек [9, 10]. Сражение началось 22 сентября (3 октября) 1796 г. переходом «турок» через реку Ситницу. Главные силы Махмут-паши составляли албанские горцы – «бырджане» северной Албании. После первоначального успеха турок против отрядов Лешан и Катунян, к черногорцам подошли новые силы под командованием владыки Петра I, и турки были отброшены от села Круси. Затем основная масса турецких войск начала нападение на главные позиции черногорских сил, и на высотах над Ситницей противники сошлись в рукопашном бою, длившемся три часа. Когда передние ряды «турок» начали колебаться, перенося панику на остальных, то Махмут-паша решил на коне повести войско в бой и был сражен пулей.

В турецких рядах началась паника, и турки бежали, оставив на поле боя 3400 погибших по одним данным, а по другим данным – 2 тысячи. Эта победа ознаменовалась торжественным возвращением 28 сентября (9 октября) в Цетинье. Данная победа получила большой резонанс в Европе. Однако новый Ибрахим-паша, брат погибшего визиря, избегал конфликтов с Черногорией, которая, объединившись с Бырдо, стала фактически независимым государством. Порта, как пишет Павичевич, тогда планировала разделить Скадарский санджак на две провинции с пашами во главе, которые бы подчинялись или румелийскому беглебергу, или боснийскому визирю [11]. Однако осуществление этого плана Ибрахим-паша сумел подкупом и связями в Стамбуле предотвратить.

Россия и Австрия во второй половине XVIII в. были близкими союзниками в борьбе против Порты. Императрица Екатерина II планировала полностью разгромить Турцию и разделить ее с Австрией. Эти планы закрепили договором между Екатериной II и австрийским императором Иосифом II в апреле-мае 1781 г. Далее был подготовлен проект по разделу Турции. Как пишет Михайло Войводич в своей работе «Восточный вопрос в конце XVIII века», по этому плану Австрия бы присоединила земли Османской империей к западу от линии Белград – устье реки Дрима [12]. После ряда уточнений на переговорах, вся Сербия вошла в австрийскую зону влияния с тем, чтобы признать интересы России в Черногории. На европейской территории Османской империи на тот момент, кроме Черногории, никаких самостоятельных политических сил не существовало, и потому совершенно закономерно, что, планируя деление земель своего общего врага, ни Россия, ни Австрия не думали об интересах местного населения, которое турецкий султан считал своими рабами. Эти факты необходимо знать потому, что во второй половине XX в. в Югославии возникли теории о том, что якобы Австрия захватывала сербские земли у сербского народа, следуя идее «Дранг нах Остен».

Сербский народ не был тогда значительным политическим фактором, чтобы с ним считались Петербург и Вена, тем более, что собственником земли, на которой жили сербы, были уже не они, а турецкий султан. Сербы, конечно, присоединялись вооруженными отрядами к австрийским войскам, прорывавшимся вглубь владений

Османской империи, но это было формой борьбы самих сербов за собственные права. Сейчас абсурдно звучат обвинения югославских и сербских историков в адрес Австрии, обвиняя их в предательстве интересов сербского народа. В войнах против турок все право командования войсками принадлежало Австрии, сербы же присоединялись к ним, исходя из собственных интересов, ибо власть турок несла сербам полное исчезновение их как христианского народа. Австрия имела все права вести войны против Порты, ибо именно турецкие войска дошли до Вены, где их разбили австрийские и польские войска. Для австрийского императора сербы занимали важное место, ибо давали опору действиям его войск на территории Османской империи. Но в данной ситуации не сербы, а именно австрийцы являлись теми, кто определял ход ведения боевых действий. Они же, как и любая другая армия, при опасности поражения имела полное право отступить, или заключить мир. Австрия, таким образом, вполне справедливо играла ключевую роль в войне против Османской империи на Балканах в XVI–XVII вв., ибо эту роль ей обеспечивали собственные возможности.

Сама Черногория разделилась в начале XVI в. на семь нахий – племенных областей. В период правления владыки Петра I Негоша она делилась на четыре нахии: Катунская нахия, Риечка нахия, Цырмничка нахия и Лешанска нахия. Территория Бырдо включала семь областей племен Белопавичи, Пиперы, Кучи, Братоножичи, Ровцы, Морача и Васоевичи. На территории черногорской Герцеговины проживали племена Никшичи, Риджани, Граховляни, Баняни, Пивляни и Дробняки. Приморье было разделено между Венецией, которой принадлежали Котор, Гырбаль, Будва, область племени Паштровичи, Герцог-Нови и Рисан. Османской империи принадлежали Ульцинь, Бар, а одно время и Херцег-Нови и Рисан [13].

Хотя в конце XV – начале XVI вв. Черногория, при Скандер-беге Цырноевиче, существовала как отдельный санджак, однако почти весь XVI и XVII вв. она находилась под властью Скадарского санджак-бега. Вместе с тем, черногорцы имели автономию, подтвержденную султанским бератом, и в рамках этой автономии существовал «Общий черногорский сбор», в котором принимать участие имел право любой совершеннолетний черногорец [14]. Здесь

же находился «Главарски сбор», составленный из глав племен. Во время австрийско-турецкой войны (1593–1606) началось восстание племен Бырда и Восточной Герцеговины, которых поддержали черногорские племена. В Кандийской (1649–1669) и в Морейской (1683–1699) войнах черногорцы в большом количестве участвовали в боевых действиях на стороне Венеции против турок. Венецианцы установили в Черногории должность гувернадура. Черногорским владыкам венецианцами было дозволено управление подвластными Венеции православными сербами Приморья. В итоге, один из черногорских владык, Мардарий, в 1640 г. принял унию с Ватиканом.

Владыки были полновластными правителями Черногории, и как раз владыкам из династии Петровичи принадлежат заслуги в том, что Черногория с конца XVII в. стала самостоятельной.

Вероятно, не будь столь сильного стремления черногорцев к независимости, Петербург бы согласился с тем, чтобы Черногория также вошла в зону австрийских интересов, ибо Россия до этого уже согласилась, чтобы в эту зону вошли Босния, Герцеговина и Сербия. В данном случае, Черногория во многом осложнила планы Австрии, за которыми стоял Ватикан, которая имела свои претензии на эти земли. В случае, если бы процесс освобождения сербских земель исходил из Черногории, то это еще значительно разрушило бы планы Ватикана и Вены. Поэтому Австрия, осуществляя помощь как албанским католикам, так и Порте, оказывала давление на Черногорию. Одновременно Вена контролировала процесс сербского освобождения, начавшийся в Шумадии через Нови Сад, который являлся главным сербским культурным центром первой половины XIX в.

Владыка Петр I был не только митрополитом, но и полководцем, который участвовал в боях, и также поступали и другие черногорские священники, которых сан священника не освобождал от исполнения обязанностей перед своим племенем. Сами владыки, как народные вожди, выбирались на «Общечерногорском саборе», а как духовные лица – назначались сначала сербскими патриархами, а затем это подтверждалось Священным Синодом. Согласно Радое Пайовичу, их церковные полномочия распространялись на территорию Черногории, Бырда, Скендерии (Северная Албания), Зеты и на черногорское Приморье. В 1820 г. турки предпринимали

поход на область Морача [15]. Владыка Петр I считал, что победа Порты над Махмут-пашой поможет Черногории в получении большей самостоятельности, и в данном случае политика черногорцев не очень отличалась от политики сербов-шумадийцев.

После победы над Мартиничами и Крусами, Петр I Негош открыто призвал создать Славяно-Сербскую державу, в состав которой были бы включены Черногория, Зета (с городами Скадар, Подгорица, Спуж, Жабляк), Бырдо, Герцеговина (с городами Колашин, Никшич, Требинье, Мостар и рядом других), Черногорское Приморье, Дубровническая республика, Старая Рашка (с городами Нови Пазар, Печ, Призрен и рядом других) и Моравская Сербия [16]. Во главе этой державы, по предложению Петра I, встал бы представитель династии Романовых, заместителем которого был бы черногорский митрополит. Если бы создание такой державы стало бы приоритетным в российской политике, то, делая вывод с сегодняшней перспективы, это могло бы нанести мощный удар по Османской империи и поставило бы преграду попыткам Австрии воспользоваться результатами побед российского оружия над Портой в XIX в.

Вообще совершенно ошибочно считать, что христиане, находившиеся под власть Порты, находились в полностью бесправном положении, ибо, при внимательном изучении, становится очевидным, что в составе османских войск, совершавших походы в Европу, было немало и христиан, подданных Порты. В битве под Мартиничами участвовало около 3 тысяч черногорцев (из нахий Катуньской и Риекской) и 5–6 тыс. «бырджан» (из племен Белопавличи, Пиперы и, вероятно, Ровцы и Морача). Черногорцы «бырджане» и герцеговинцы, помимо того, что воевали против турок, точнее, против сербов, принявших ислам, еще и нападали друг на друга, и потому в этой среде кровная месть была распространенной. Из-за постоянных междоусобиц и убийств эти племена были не способны к какому-то большому совместному делу [17].

Турки и венецианцы умело подстрекали их к взаимным распрям, и в то же время никогда серьезно не рассматривали их в своих политических планах. Территория этих племен была полем для выяснения взаимоотношений между Портой и Ватиканом.

Лишь с появлением России у местных племен появилась возможность стать серьезным политическим фактором.

Примечания

1. *Бранко Павичевић*. Историјска прекретница. Народна књига, Будва, 2004. – С. 28.
2. *Миомир Дашић*. Племена Бырда у вријеме бојева на Мартиничима и Крусима 1776 године. – Лагуна, Подгорица, 1999. – С. 32–49.
3. *Бранко Павичевић*. Указ. соч. – С. 48.
4. Битка за Црну гору. Мартинићи – Круси 1796–1996. Зборник радова са научног скупа. Историјски институт Републике Црне Горе. «Културно-просвјетно заједница Подгорице». Подгорица, 1997. – С.160–171.
5. Там же. – С. 163.
6. Там же.
7. *Радован Јовановић*. Битка на Мартинићима и Бјелопавићи. Бој на Мартиничима 22 јула 1796 године. – ЦИД, Подгорица, 1996. – С. 293–299.
8. *Бранко Павичевић*. Указ. соч. – С. 38.
9. *Лука Кукчевић*. Битка на Крусима 1796 године по предању. URL: Сайт Портал ИН4С <https://www.in4s.net/>
10. *Радован Јовановић*. Указ. соч. – С. 293–299.
11. *Бранко Павичевић*. Указ. соч. – С. 39.
12. Сайт Центра стратегических оценок и прогнозов/ URL: <http://csef.ru/ru/articles/print/8347/>
13. Колетији. А.Ђика. Дубровник 12/23 VII. 1795.
14. *Миомир Дашић*. Указ. соч. – С. 32–49.
15. *Радое Пайович*. Однос цркве и државе у доба Петра I. Светигора, – Цетинье, 1996. С.14–75.
16. Сайт Боевой заряд. <https://warhead.su/2019/10/25/slavyanskaya-sparta-kak-malenkaya-chnogoriya-stala-gosudarstvom>.
17. *Бранко Павичевић*. Указ. соч. – С. 44.

С.А. Манько
(г. Краснодар, Российская Федерация)

РОЛЬ ГАЛИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ЮЗЕФА ПИЛСУДСКОГО

Аннотация: В данной статье представлен взгляд автора на процесс формирования политических планов Юзефа Пилсудского, «начальника государства Польского», через призму Галиции, провинции Австро-Венгерской империи.

Как показывает исследуемый материал, именно в этом регионе формировались государственные основы второй Речи Посполитой в первой трети XX столетия, традиции которой несет в себе современный польский политический класс.

Ключевые слова: Галиция, Речь Посполитая, концепция колонизации, прометеизм, Талергоф, Австро-Венгерская империя, Первая мировая война, Магдебургское право, пакт о ненападении, «свободное вето».

S.A. Manko
(Krasnodar, Russian Federation)

THE ROLE OF GALICIA IN J. PILSUDSKI'S POLITICAL PLANS

Abstract: The article gives the analysis of the process of forming Jozef Pilsudski's political plans, "the head of the Polish State", in terms of Galicia (the province of the Austro-Hungarian Empire). The research material shows the emergence of the second Polish-Lithuanian Commonwealth in the region in the first third of the XX century. The current Polish political system includes the traditions of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Keywords: Galicia, the Polish-Lithuanian Commonwealth, concept of colonization, prometheism, Thalerhof, the Austro-Hungarian Empire, World War I, Magdeburg Law, non-aggression pact, Liberum veto.

Погружение в историческую ретроспективу предоставляет возможность разобраться в мотивах поведения лидеров государств и составить целостное представление о фатальных событиях 30-х гг. XX в. в Европе. Одну из ключевых и негативных ролей в них сыграла Польша под руководством «начальника государства» Ю. Пилсудского, проводившая, после прихода Гитлера к власти, активную политику сближения с Германией. Кто же он такой,

авторитарный политический деятель Польши, заложивший основы современного государства? Ю. Пилсудский (псевдоним Зюк, Виктор, Мечислав), родился 5 декабря 1867 г. в родовом имении Зулов Виленской губернии, политик государственный деятель, польский маршал с 1920 г., с 1893 г. – в Польской социалистической партии (ПСП), редактор газеты «Robotnik». В 1906 г. – организатор ПСП – революционная фракция «фраки», командир полка, первой бригады польского легиона. В период с 1918 по 1922 гг. – начальник государства, верховный главнокомандующий во время польско-большевистской войны 1919–1922 гг. (победитель в Варшавской битве). В 1926 г. совершил государственный переворот (майский переворот, в ходе которого погибло 379 чел.), в 1926–1928 гг. и 1930 г. – премьер-министр, с 1926 г. – министр по делам войск и генеральный инспектор вооруженных сил, фактически осуществлял власть в Польше.

Его биографы сообщают, что в юношеские годы большое влияние на молодого Юзефа оказал старший брат Бронислав. Следуя его примеру, Пилсудский-младший примкнул к «террористической фракции» организации «Народная воля». Являясь её членом, он оказывал содействие в подготовке неудавшегося покушения на императора Александра III. Как известно, по решению суда за участие в заговоре к смертной казни были приговорены Александр Ульянов и Бронислав Пилсудский. В отношении первого приговор был приведен в исполнение, а второго император помиловал, заменив смертную казнь 15 годами каторги на Сахалине. Юзеф же за незначительную роль в теракте в 1887 г. был арестован и получил 5 лет ссылки в Сибирь. После отбытия наказания в 1892 г. он вернулся на родину в Вильно (поселение в университетских городах было запрещено). Свою политическую деятельность недоучившийся студент Харьковского университета Ю. Пилсудский начал со вступления в литовскую секцию создававшейся Польской социалистической партии (ППС), где быстро приобрел большое влияние. Его политическим кредо на этом этапе стал симбиоз социализма и польского национализма, что было характерно для большинства молодых польских революционеров того периода, связанных политическими взглядами с российскими революционерами. Под псевдонимами

«Зюк», «Мечислав», «товарищ Виктор» Ю. Пилсудский приступил к формированию различных парамилитарных структур из числа своих сторонников на территории Галиции, вошедшей в 1772 г. после первого раздела Польши в состав Австрийской империи.

Его понимание будущего развития Польши основывалось на концепции «федерации Польши, Литвы и Белоруссии на Восточных кресах» (Восточные Кресы (Kresy Wschodnie) – окраины Второй Речи Посполитой на востоке, населенные белорусами, литовцами и украинцами, куда за двадцать межвоенных лет были переселены из этнических польских территорий сотни тысяч отставных колонистов «осадников»). Она была разработана его сподвижником, недоучившимся студентом двух университетов: Львовского и Пражского Леоном Василевским (1870–1936), польским политическим деятелем и публицистом.

Концепция подразумевала мягкую полонизацию населения данных территорий, а также военно-политический союз с Украиной против России. Позже эта идея стала приписываться самому Пилсудскому. Правда, после Рижского мирного договора 1921 г., Л. Василевский в ней разочаровался и выступил за политику государственной ассимиляции русинов, украинцев и белорусов.

В последнее время в некоторых аспектах эта «концепция» вновь поднимается «на щит» в Польше и Украине. Её адепты преследуют цель поиска основы для консолидации двух стран в условиях серьезных исторических противоречий. Следует отметить, что самим Ю. Пилсудским она вряд ли серьезно рассматривалась на длительную перспективу, а была использована его партией на определенном этапе с целью популизма и привлечения сторонников в условиях роста национализма. Впрочем, от неё, как и от социалистических идей, он быстро отказался, когда, придя к власти, заявил, что сошел «с красного вагона».

Первым звонком осознания утопичности идеи федерации для Пилсудского стал военный поход на Киев весной 1920 г. По мере продвижения польской армии по Украине, он все больше убеждался в том, что местное население не воспринимало её как своих союзников, а более того – считало оккупантом и врагом. В исторической памяти украинского народа были живы страшные

картины господства первой Речи Посполитой на этих землях вплоть до конца XVIII в. К своему удивлению, Юзеф обнаружил, что и польской элите, несколько месяцев назад освобожденной от австрийского, немецкого и российского господства, претило видеть в украинцах равных себе партнеров. Такое же отношение «шляхетство» демонстрировало к литовцам и белорусам.

Все эти факторы в купе с обстоятельствами, исходящими из исторического развития самой Польши, вызвали крах концепции. Разочарование в неосуществленных амбициях по созданию под польской эгидой конфедерации «Междуморья» было у Пилсудского настолько велико, что послужило одной из основных причин его ухода в 1922 г. с поста главы государства. С доктринальной точки зрения в этот момент закончился социалист «товарищ Виктор», а начал формироваться шовинист и один из первых диктаторов Европы пан Юзеф Пилсудский.

Следует отметить, что за основу в реализации государственной внешней политики Пилсудский взял ягеллонскую идею. Её составной частью являлся прометеизм, цель которого — «распарывание России по национальным швам» через поддержку любых оппозиционных движений на всей её территории.

Анализ обеих концепций, точнее идей — федерализма и прометеизма, свидетельствуют об их схожести между собой. Базовым фундаментом обоих является историческое соперничество с Россией за влияние в Восточной Европе. Основа — русофобия и национально-культурное превосходство. Нынешнее руководство Польши, заявляющее о преемственности межвоенного курса 20–30-х гг. XX в., исходит из этих обанкротившихся установок, и рискует привести страну к повторению национальной трагедии.

Ю. Пилсудский стал одним из первых диктаторов в Европе в первой трети XX в. Однако его единовластие имело выраженную польскую историческую традицию. В более жестком варианте (немецком) диктатуру с поддержкой подавляющей части граждан в Польше осуществить было невозможно. Тем не менее, польский авторитаризм проявил себя, получив поддержку как со стороны значительной части населения, так и в лице соседней Германии после прихода к власти А. Гитлера. Речь идет о майском государственном перевороте 1926 г. в Варшаве, в результате

которого в стране утвердился режим Ю. Пилсудского. При этом автор и идеолог насильственной смены власти «остался в тени», назначив себя на скромную должность генерального инспектора вооруженных сил, в то время как формальным главой государства – Президентом, стал подконтрольный ему Игнаций Мосьцицкий (1867–1946 гг.), польский государственный деятель, ученый-химик.

Касаясь Галиции (с середины XIV в. по 1772 г. *Województwo Ruskie* (Русское воеводство), с 1772 г. до 1918 г. *Królestwo Galicji i Lodomerii* (Kongreich Galien und Lodomerien), следует отметить, что она являлась важнейшим элементом польской политики первой половины XX в. Ее демографический состав был весьма пестрым. Основным населением западной части провинции являлись поляки, в то время как в восточной – большинство составляли русины, ставшие после насильственной политики украинизации – украинцами. Территория этого края в период со второй половины XIX в. и до начала Первой мировой войны (1914 г.) служила базой сосредоточения польской оппозиции. Это объяснялось тем, что после активных вооруженных антиавстрийских выступлений середины XIX в., поляки Галиции, на протяжении столетий владевшие этими землями, добились включения в Конституцию Австро-Венгрии 1867 г. целого ряда уступок в свою пользу, получив автономию в рамках монархии. В частности, им разрешалось пользоваться польским языком в школах, университетах, в официальной переписке и судопроизводстве, а также создавать национальные организации. На учебу, в расположенные на территории Галиции Львовский и Краковский университеты, приезжало много студентов польского происхождения из Российской империи.

Поляки в Галиции, издавна считавшиеся здесь господствующей нацией, в отличие от местных русин, при австрийцах сохранили лидирующие позиции в социально-экономической и политико-культурной жизни региона. К примеру, во второй половине XIX в. из 475 магнатов, владевших 37% всех земель, большинство составляли поляки. Практически все наместники этой провинции, назначаемые австрийским императором, принадлежали к польской аристократии. На выборах в Венский рейхсрат в 1907 г. польская фракция от Галиции насчитывала 48 депутатов, а бывший ее

губернатор польский граф К. Бадени был даже некоторое время главой австрийского правительства (Цислейтании – австрийской части Австро-Венгерской империи).

Сложнейшее межнациональное напряжение в «лоскутной империи», выливавшееся в перманентные восстания в той или иной её части, заставляло императорский двор маневрировать, опираясь на наиболее лояльные национальные группы, к которым, безусловно, следует отнести поляков Галиции. К тому же польские участники первой русской революции 1905–1907 гг., враждебно относившиеся к России, как правило, находили прибежище в этом крае. Данное обстоятельство играло на руку австрийской элите, готовившейся к большому конфликту с Петербургом.

Противоположным образом австрийская оккупационная администрация относилась к русинам, коренному населению Восточной Галиции. Зловещие механизмы осуществления этой политики были подмечены Ю. Пилсудским и применены им в последующей деятельности. Накануне Первой мировой войны против русинов, замеченных в симпатиях к России, повсеместно начались репрессии и карательные акции австрийской императорской армии. Свирепствовали полевые трибуналы. Поощрялось доноительство. Тариф на донос о проживающих соседях – русинах колебался от 50 до 500 австрийских крон, в зависимости от социального положения жертвы: крестьянин, учитель, священник – на каждого была своя цена. Особое усердие в этом проявляли не только адепты украинофильства – «мазепинцы», но и местные польские шовинисты, сподвижники «Зюка», стремившиеся уничтожить в Галиции всех, кто проявлял симпатии к русскому языку, культуре и православной вере. Спустя несколько лет Ю. Пилсудский поступит таким же образом в отношении своих бывших союзников – украинофилов, развязав против провозглашенной ими 13 ноября 1918 г. Западноукраинской Народной Республики (ЗУНР) кровопролитную польско-украинскую войну 1918–1919 гг.

Окончательно русинский вопрос был решен австрийцами через создание первых концентрационных лагерей в Европе. Наиболее известные из них Терезин и Талергоф. Точное число погибших установить невозможно, поскольку в современной Украине,

Польше или Австрии нет интереса к этой теме. Так, «просвещённая и добрая европейская» Австрия решала русский вопрос. Эта «инициатива» не только была взята на вооружение будущими германскими фашистами, но и нашла живой отклик у пилсудчиков. Так, в 1934 г. в г. Береза-Картузская Западной Белоруссии (сейчас Брестская область) они построили первый польский концентрационный лагерь, в который по примеру старших «австрийских наставников» бросали противников Ю. Пилсудского, ставшего диктатором после майского переворота 1926 г. Именно тогда в Польше установился авторитарный режим, известный как санация «sanacja». Повсеместно сокращались демократические права и свободы, проводились репрессии против противников режима и национальных меньшинств.

Возвращаемся к проблеме Ю. Пилсудского. На том историческом этапе он понимал необходимость использования Австро-Венгрии как самого слабого звена из трех государств, разделивших Польшу. С её помощью и при поддержке родственной и союзной Германии у поляков появлялась возможность одержать победу над Российской империей. Затем с помощью Франции перейти на сторону Антанты (которая, даже без России оставалась в экономическом и военном плане сильнее двух немецких государств) и привлечь её капитал для построения Великой Польши.

В период с 1908 по 1909 гг. Ю. Пилсудский провел в Галиции, где совместно с представителями австрийской разведки разрабатывал секретный план Учетного отдела Генштаба австро-венгерской армии по привлечению представителей революционного движения в Царстве Польском к разведывательной и диверсионной деятельности против Российской империи. К этой работе им была подключена и новая организации польских оппозиционеров – Союз активной борьбы.

Итогом галицийской активности Ю. Пилсудского стало создание польских парамилитарных организаций, так называемых «стрелковых союзов, дружин и офицерских курсов». Для членов организаций водились воинские звания, регулярно проводились учения, объявлялась допризывная подготовка молодежи.

Фактически территория австрийской Галиции была полностью использована для создания основы будущей польской армии.

Признание властями военизированных структур, объединявших в своих рядах борцов за независимость Царства Польского, позволяло австрийским военным оказывать им легальную помощь.

Очевидно, что Австро-Венгерская монархия в преддверии надвигающегося крупного военного столкновения в Европе заранее готовила и вооружала польские отряды для военных действий против России. С самого начала Первой мировой войны польские легионы Ю. Пилсудского вступили в сражения на Восточном фронте на стороне Австро-Венгрии и Германии против России. Впоследствии из этих легионов была создана бригада, принесшая присягу на верность австрийскому престолу. В её рядах проявил себя и будущий министр иностранных дел Юзеф Бек. 3 августа 1914 г. Пилсудским была сформирована первая кадровая рота из бойцов стрелецкого союза, а уже 12 августа 1914 г. они в составе австро-венгерских войск вторглись на территорию Царства Польского. Одновременно с этим его сторонники предприняли попытку вооруженного восстания, но она не возымела успеха, поскольку не была поддержана населением.

За спиной Австро-Венгрии всегда стояла Германия, имевшая огромное влияние на империю Габсбургов. «Drang nach Osten» было вожделенной мечтой обоих немецких государств. 5 июля 1914 г. кайзер Германии Вильгельм II пригласил австрийского посла на завтрак, в ходе которого настаивал на принятии Веней скорейших мер против Сербии. 6 июля 1914 г. этот призыв активно поддержал рейхсканцлер Германии Бетман-Гольвег. 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, несмотря на примирительные сигналы со стороны Белграда, готового согласиться на невыгодные для себя условия.

Анализ ситуации свидетельствует о неформальном образовании военно-политического треугольника – Германия, Австро-Венгрия и формирующиеся под их эгидой вооруженные польские легионы Ю. Пилсудского, открыто выступившие на стороне немецких государств. В 1915 г. русская императорская армия отступила от Вислы, оставив Варшаву, а затем и всю

территорию Польши под немецкой оккупацией. 5 ноября 1916 г. австро-венгерский генерал-губернатор в Люблине фон Кук и германский генерал-губернатор в Варшаве фон Базелер от имени своих императоров опубликовали декларацию о создании Королевства Польского. Руководство военными вопросами было поручено Ю. Пилсудскому за помощь, оказываемую им австрийцам в борьбе с Россией.

С точки зрения официальной польской историографии дальнейшие события разворачивались следующим образом. Ю. Пилсудский осознав, что немцы приступили к реализации плана полного подчинения формирующихся вооруженных сил Королевства Польского германскому императору, в июле 1917 г. в знак протеста подал в отставку и призывал своих галицийских легионеров отказаться от принесения присяги, носящей явно пронемецкий характер.

После капитуляции Германии и Австро-Венгрии в Первой мировой войне 14 ноября 1918 г. власть в Польше согласно решению Регентского Совета (был создан 12 сентября 1917 г. после отставки Временного Государственного Совета 25 августа 1917 г.) перешла к Ю. Пилсудскому. Он был провозглашен первым Начальником Государства Польского. В этой ситуации можно лишь предполагать, что здесь больше сработало: тонкий расчет «Зюка» на близкое и неминуемое поражение немецких держав или же выверенная с перспективой на будущее стратегия их разведслужб. Скорее всего, и то и другое. Сотрудничество со спецслужбами Австрии, Германии и Японии не прошло для Ю. Пилсудского даром. С их помощью в Польше быстро была создана мощная служба контрразведки и разведки, шифровального подразделения, сыгравшего одну из ключевых ролей в польско-советской войне (апрель – октябрь 1920 г.).

Вторжение польских войск на территорию России, захват Киева в мае 1920 г., переправа через Днепр и дальнейшие практические действия по воссозданию Речи Посполитой в границах 1772 г. – служат убедительным подтверждением его геополитических планов. Стоит обратить внимание, что вместе с польскими войсками Киев брали и украинские отряды С.В. Петлюры. За эту поддержку Ю. Пилсудский в соответствии с

договором от 21 апреля и военной конвенцией от 24 апреля 1920 г., заключенными с С. Петлюрой, рассчитывал вернуть Польше Галицию и пять уездов Волынской губернии. В наши дни на этой основе отмечается попытка формирования нового польско-украинского союза.

Целью всех шести войн и конфликтов, развязанных начальником государства Польского, являлось создание Речи Посполитой «от моря до моря» (*od morza do morza*) за счет присоединения литовских, белорусских и украинских земель.

Расхожее в европейских СМИ клише о «беззащитной и доброй» Польше, обиженной диктаторами как с Запада, так и с Востока в 30-е годы XX в., культивируемое сегодня в натовских странах, не выдерживает критики, поскольку не рассматривает эту страну с учетом исторической ретроспективы. Выстраивая подобные умозрительные и поверхностные схемы, их апологеты совершенно далеки от польской истории. Однако она может рассказать о многом.

Начавшийся в XVIII в. затяжной политический кризис в Речи Посполитой на фоне усиливающейся мощи соседних государств (Австрии, Пруссии и России) неумолимо вел страну к национальной катастрофе. Причина состояла в том, что Польша в предыдущие XVI–XVII столетия не вступила в фазу абсолютистского государства, оставаясь сословной монархией со слабой королевской властью. Ни магнаты, ни шляхта не были заинтересованы в централизации государственного управления и усилении власти короля. Этому способствовали огромные богатства, текущие мимо казны с бескрайних русских территорий Речи Посполитой, ранее входивших в состав Великого княжества Литовского. Например, магнаты Вишневецкие владели всей Заднепровщиной (в XVII в. на них батрачило 230 тыс. крепостных), Конецпольским баснословные барыши приносили около 19 тыс. хозяйств. Замойские, Потоцкие и Синявские владели Брацлавщиной [1] (в руках 7% магнатов было сосредоточено 80% земли огромного воеводства), Калиновские – Южной Киевщиной и т.д. Польский историк М. Сивицкий пишет по этому поводу: «Неисчислимые тысячи тонн пшеницы, стада крупного рогатого скота и лошадей, поташ, шкуры и пушнина – все шло через Гданьск

и другие балтийские порты за границу. За счет природных богатств Украины накапливался капитал, развивалась торговля и промышленность, концентрируясь главным образом в таких больших городах, как Варшава, Краков, Львов, Вильно и т.д. ...Вся Речь Посполита была покрыта чудесными костелами, монастырями, палацами и особыми культурными ценностями, как библиотека Оссолинских во Львове» [2]. С Варшавой считались. Она играла серьезную роль в европейской политике.

Однако на фоне энергичных преобразований в соседних государствах Польша все больше превращалась в «больного человека» Восточной Европы. Беспрецедентная и исключительная роль шляхты в принятии государственных решений подрывала устои Речи Посполитой. Властные институты активно деградировали, экономика стагнировала, внешняя политика носила маловыразительный характер. Соседние монархии, переживавшие период абсолютизма и вытекающий из этого исторического этапа период расширения своих территорий, все меньше считались с Варшавой. Внутриполитическое устройство Речи Посполитой накануне вступления на трон в 1764 г. последнего короля и великого князя литовского Станислава II Августа Понятовского (1772–1798 гг.) уже не отвечало требованиям времени. Финансы окончательно пришли в упадок. Шляхта, являющаяся правящим военным сословием, существовала исключительно за счет эксплуатации крепостного населения и имела абсолютные права в государстве. В тот исторический период магнато-шляхетское сословие исповедовало идеологию сарматизма, возводившее их к древним сарматам, в то время как славяне и литовцы относились к простолюдинам – быдлу.

Города не могли составить ей противовес на государственном уровне, поскольку в Сейме не было «третьего сословия», представляющего ремесленников и купечество, а также владельцев мануфактур. К тому же эти сферы деятельности были, как правило, в руках немцев и евреев, активно использовавших так называемое Магдебургское право.

Отсутствие государственных и общественных факторов и противовесов, способных сдерживать и нивелировать монопольное

положение шляхты, позволяло ей верить в свою исключительность и независимость даже от короля, за пределами завешать самооценку, не считаясь с требованиями общественного блага. Король избирался послами в сейме, а шляхта выбирала послов (депутатов) на провинциальных сеймиках и давала им наказания. По возвращении эти депутаты должны были отчитаться перед своими избирателями. Сеймы собирались каждые два года. Решения на них принимались исключительно при полном единогласии, т.е. практически любой посол мог просто сорвать жизненно важный закон страны, наложив на него право вето (*liberum veto*) либо «соста актавиратэм» (приостанавливаю деятельность). Попытки короля усилить свою роль, в том числе по вопросу уравнивания в правах католиков и диссидентов (православных и представителей других конфессий) [3] привели к кровопролитной гражданской войне с Барской конфедерацией 1768–1772 гг.

После возвращения независимости в результате Первой мировой войны, историческое небытие длиной в 120 лет, сильно раздражало польскую элиту, формировало в ней чувство ущемленной национальной гордости «*honoга*», особенно среди польского магнато-шляхетского класса. Считалось, что виной этой трагедии была Россия, которая не только лишила Польшу самого лакомого куса на востоке Европы, но захватила больше, чем на столетие наиболее «культурный, образованный и достойный на великую историю славянский народ Европы». С этой мыслью жили и умирали поколения польской интеллигенции и всего «передового класса». Можно было даже договориться с немцами, не замечать чехов, литовцев, украинцев или белорусов, но терпеть существование «России и россиян» – это не укладывалось в голове любого польского шовиниста. Будь он консерватор, либерал и даже социалист, как Юзеф Пилсудский, все эти политические предпочтения были лишь средством для достижения главной цели – уничтожения самого опасного врага – России, в каком бы качестве она не существовала (империя, СССР или РФ). Речь, конечно, идет не о простом польском народе, заботившемся о хлебе насущном, а о его политическом классе.

После 1926 г. претензии Второй Речи Посполитой на роль влиятельной европейской только усиливались. В октябре 1930 г. из

различных организаций, под тесным кураторством польских военных, в Польше была образована Морская и Колониальная лига «Liga Morska i Kolonialna» – МКЛ. Немецкие дипломаты докладывали в Берлин, что поляки претендовали на 9% бывших германских колоний (Того и Камеруна). Также рассматривались для освоения территории Анголы, Либерии, Мозамбика и даже Антарктиды. Особенно следует сказать о Мадагаскаре в связи с планами переселения польских евреев на этот остров. В 1937 г. французский министр заморских территорий Морис Моте выказывался относительно теоретической возможности передачи Мадагаскара под опеку Польши. При его согласии по заданию министра Польши Ю. Бека туда была направлена комиссия, которая в течение 10 недель изучала возможность колонизации и переселения этого народа. Однако этим планам помешала Вторая мировая война.

Заключительную точку поставили британцы, исключив из перечня тем для обсуждения при подготовке визита Ю. Бека в Лондон вопрос о колониях, заявив, что «между Польшей и Великобританией нет колониальных проблем и обсуждать нечего» [4].

Если в начале 1930-х гг. Ю. Пилсудский тактически выжидал каким образом и с чьей помощью идти к вожделенной мечте – воссозданию Речи Посполитой, ещё более мощной, чем в XVIII в., то после прихода А. Гитлера к власти партнер определился. Неформальный лидер польского государства стал предпринимать активные шаги по сближению с Берлином. Развитие такого тандема в перспективе значительно способствовало бы успеху в расширении Речи Посполитой на Восток, поскольку на Западе такие пространства и возможности отсутствовали.

В этой связи польскому диктатору нужны были лишь те союзы или соглашения, которые способствовали бы осуществлению его планов. Выстраиваемая огромными усилиями европейских государств система коллективной безопасности польскую элиту не устраивала и даже мешала. Эту мысль подтверждает польский историк М. Волос. Он считает, что Ю. Пилсудский не был сторонником коллективной безопасности и не верил в эффективность Лиги Наций. В 1933 г. Польша стала первым

государством, установившим с нацистами дружественные отношения сразу же после прихода их к власти. Уже в начале мая 1933 г. Гитлер принял польского посла Альфреда Высоцкого и обсуждал с ним перспективы сотрудничества. После выхода Берлина из Лиги Наций 19 октября 1933 г., находившегося там всего 7 лет, польская дипломатия добровольно взяла на себя защиту германских интересов в этой организации. В этот исторический момент министр иностранных дел Польши Юзеф Липский начал с немцами переговоры о тексте совместной декларации. 26 января 1934 г. Польша первой в Европе подписала с фашистской Германией декларацию о ненасилии (Deklaracja onistosowaniuprzemocą z Niemcami). Учитывая политическую ситуацию, сложившуюся в Европе, Варшава не могла назвать этот документ по-иному, не раскрыв свои истинные намерения. Этот документ свидетельствует об установлении прямого общения, избегая обращения к международной системе договоров, сложившейся на тот момент в Европе. «При решении споров стороны не прибегнут к насилию» (термин упомянут лишь один раз). «Плодотворное развитие» отношений между странами «приведет к установлению добрососедской жизни» [5]. Декларация заключалась на 10 лет с последующей пролонгацией. В различных источниках сообщается, что секретной частью договоренностей предполагалось разделение сфер влияния (речь шла о вольном городе Данциге, Литве, Белоруссии и Украине).

С точки зрения международных норм, смысла и стилистики изложения к документу больше подходит другое название, ближе к основам установления дружеских и добрососедских отношений. С учетом даты его заключения (26 января 1934 г.), предварительного проведения большого количества консультаций и согласований, работа над соглашением началась сторонами в середине 1933 г., т.е. сразу после прихода А. Гитлера к власти [6].

С целью как можно быстрее подвинуть фашистскую Германию к его заключению, а также взять передышку на восточном фланге и «умиротворить» СССР, ещё 25 июля 1932 г. Ю. Пилсудский заключает классический договор о ненападении с СССР. Все его статьи направлены на исключение агрессивных действий, войны, актов насилия и нападений одной страны на другую (эти понятия

упомянуты 10 раз). Важным являлся посыл в статье 2 «не оказывать ни прямо, ни косвенно, помощи и поддержки нападающему государству в продолжении всего конфликта» [7]. Предусматривалось денонсирование договора, если другая сторона предпримет агрессию против третьего государства. В условиях изоляции СССР в тот исторический момент и отсутствия у него союзников нетрудно догадаться, кого касалась эта норма. Москва же была вынуждена прибегнуть к ней в период начала польской агрессии против Литвы в 1938 г.

Стоит обратить внимание на то, что в данном договоре в отличие от вышеупомянутой польско-германской декларации не упоминаются ни «установление добрососедских отношений», ни «плодотворное развитие политических, экономических, культурных связей на основе взаимных интересов» и прочее. К тому же он заключался всего лишь на три года с последующей пролонгацией еще на два. Таким образом, к моменту Мюнхенского соглашения 1938 г. и захвата Польшей части Чехословакии СССР мог считать себя свободным от обязательств по его выполнению, поскольку Польша нарушила ст. 2 часть 2 «совершив агрессию против третьего государства».

Между тем Варшава и Берлин наращивали интенсивность контактов. 15 июня 1934 г. через пять месяцев после подписания декларации Ю. Пилсудский с королевским размахом принимал германского министра пропаганды Йозефа Геббельса. В конце января 1935 г. Ю. Пилсудский, несмотря на тяжелую болезнь, пригласил на охоту в Беловежскую пушу нациста номер два Германа Геринга, который продолжил туда приезжать и после его смерти. И даже прилетал на церемонию прощания с Пилсудским в Краков. Его партнером, как правило, был Ю. Бек. После смерти польского диктатора в 1935 г. внешняя политика Варшавы окончательно приняла явную прогерманскую направленность. Источники сообщают, что в Берлине Гитлер устроил символические похороны Пилсудского. В соборе святой Ядвиги был установлен покрытый польским флагом пустой гроб, а вокруг на скамьях разместились вся фашистская верхушка во главе с фюрером. Небольшим тиражом были изданы мемуары

Ю. Пилсудского в бархатном переплете. Этот подарочный вариант получали видные деятели Третьего рейха.

Изложенный материал позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, очевидна ключевая роль Ю. Пилсудского в исторических событиях 20–30-х гг. XX в. в Польше и вокруг неё, приведшая страну к тяжелым последствиям во Второй мировой войне. Во-вторых, обращает на себя внимание противоречивость самой личности начальника Польского государства. Она проявлялась в постоянном изменении его философско-мировоззренческих и политических взглядов от борца с царской монархией, социалиста в молодые годы до диктатора и убежденного русофоба, сторонника возрождения великой Речи Посполитой к концу его жизненного пути. Но это общее впечатление. На самом деле не могли же польские националисты бороться против имперской России, будучи монархистами. Их революционная деятельность зарождалась, как правило, в недрах различного толка социал-демократических движений вместе с русскими революционерами. В дальнейшем социалистические взгляды уступали дорогу главной цели всего польского политического класса – вековой шляхетской мечте о «Междуморье». Это роковая для истории Польши линия развития стала все более проявлять себя и в последние годы. В-третьих, спираль политической карьеры «товарища Виктора», началась в Галиции. Именно там, в «подбрюшье», самой слабой части разделенной Польши, были заложены основы нового польского государства. Создан фундамент будущих вооруженных сил и команда единомышленников, сформированы идейно-политические доктрины и установлены необходимые связи с потенциальными противниками России. Отбрасывая с годами социалистический налет, Ю. Пилсудский, его многочисленные и не всегда дальновидные сторонники (Ю. Бек, Эдвард Рыдз – Смиглы, Игнаций Мосьцицкий и др.), окрыленные быстрой победой с помощью Запада над растерзанной гражданской войной Россией в 1920 г., задумали сыграть на противоречиях между германскими государствами и странами Западной Европы. Используя антибольшевистские настроения в этих государствах, попеременно переходя на ту или иную сторону, они стремились не просто к

возрождению польской государственности, но к созданию одного из полюсов силы в Европе за счет приращивания евразийских просторов России. В-четвертых, логика развития событий подталкивала новое «польское шляхетство» к установлению более тесных отношений с нацистской Германией. Это связано с очевидной выгодой от взаимной поддержки друг друга: Чехословакия, Литва, предложения Гитлера не мешать Варшаве на Украине и возможные в перспективе колониальные приобретения. Однако переоценка своих возможностей (шляхетский гонор, высокомерие) и роли, а также попытка только что возродившейся страны стать одним из акторов в европейской политики, закончилась для Польши национальной катастрофой и очередной потерей независимости.

Анализ приведенных в работе общеизвестных исторических фактов показывает, как смешны и жалки потуги современных западных идеологов представить миру «добрую и беззащитную» Польшу, якобы, оказавшейся между двух диктаторов с Запада и Востока. В нынешний год 75-летия Победы во Второй мировой войне, когда в Европе идет беззастенчивый процесс переписывания истории с целью воспитания поколения манкуртов, очень важно знать роль каждого государства. Особенно тех, кто её подталкивал с целью решения своих узких интересов.

Примечания

1. Очерки по истории Украины / *под ред. П.П. Толочко*. – Киев, 2010. – С. 292.
2. Австро-Венгрия. Военная подготовка населения: сборник Главного управления Генерального штаба. – СПб, 1914. – Вып. 62. – С. 44–45.
3. *Wstęp Zbigniewa Wójcika do Eryka Lassoty i Wilhelma Beaplana opisy Ukrainy*. – Warszawa, 1972. – Р. 33.
4. *Сівицькій М.* История польско-українских конфліктів. – Т. 1. – Киев, 2005. – С. 21.
5. *Гаврилов И.* «Речь Посполитая от океана до океана». Польские колониальные амбиции в 1939-е годы. 6 сентября 2009. URL: <https://regnum.ru/news/polit/12022970.html>.
6. Deklaracja o nistosowaniu przemocy pomiędzy Polską a Niemcami, podpisana w Berlinie dnia 26 stycznia 1934 r. Oświadczenie Rządowe z dnia 24

lutego 1934 r. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Deklaracja_polsko-niemiecka_o_niestosowaniu_przemocy_z_26_stycznia_1934.

7. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой. 25 июля 1932 г. Воспроизводится по: Документы внешней политики СССР. М., 1969. URL: https://runivers.ru/doc/d2php?CENTER_ELEMENT_ID=1476636.html.

А.Г. Иванов

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ИМЕЛИСЬ ЛИ ШАНСЫ СПАСТИ ЧЕХОСЛОВАКИЮ В 1938 Г.?

Аннотация: В статье дан анализ чехословацкого кризиса. Архивные документы, использованные автором, позволяют оценить возможности образования антигерманского союза в 1938 г.

Ключевые слова: кризис, правительство, Судетская область, дивизия, Чехословакия, западные державы, Германия.

A.G. Ivanov

(Krasnodar, Russian Federation)

WERE THERE ANY CHANCES TO SAVE CZECHOSLOVAKIA IN 1938.?

Abstract: An analysis of the Czechoslovak crisis is presented in the article. Archival documents used by the author make it real to evaluate possibilities of forming an anti-German alliance in 1938.

Key words: crisis, government, Sudetenland, division, Czechoslovakia, western powers, Germany.

История чехословацкого кризиса и Мюнхенского соглашения 1938 г., его последствий хорошо известна [1]. В то же время имеются неопубликованные архивные документы, которые позволяют расширить наши представления о драматических событиях в центре Европы в канун Второй мировой войны. В настоящей статье автор использует документы Форин оффис

(Национальный архив, Лондон), который активно способствовал решению проблемы судетских немцев и расчленению Чехословакии.

В историографии присутствуют разные, подчас диаметрально противоположные, точки зрения относительно чехословацкого кризиса и ответственности держав, таких как Великобритания, Франция и СССР. На Западе расхожим был и остается тезис, будто решения участников Мюнхенской конференции явились «трагической необходимостью» [2]. Тем самым с руководителей Великобритании и Франции Н.Чемберлена и Э.Даладье снимается историческая ответственность за расчленение Чехословакии и ее последующую ликвидацию Третьим рейхом 15 марта 1939 г. Что касается СССР, который был связан с Чехословакией и Францией пактами о взаимопомощи, то его позиция изображается как неискренняя, и это, как полагают западные историки, вполне вписывается в уже упомянутую концепцию Мюнхена как «трагической необходимости» [3]. В отечественной историографии Мюнхена и мюнхенской политики доминирует концепция сговора и предательства западных держав, стремления правительств Чемберлена и Даладье договориться полюбовно с Гитлером за счет Чехословакии и канализировать агрессию нацистской Германии на Восток, против СССР [4]. Данная концепция присутствует и в статье Президента Российской Федерации В.В.Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». В ней, в частности, подчеркивается: «Раздел Чехословакии был жестоким и циничным. Мюнхен обрушил даже те формальные, хрупкие гарантии, которые оставались на континенте. Показал, что взаимные договоренности ничего не стоят. Именно Мюнхенский сговор послужил тем «спусковым крючком», после которого большая война в Европе стала неизбежной» [5].

Документы архива Форин оффис свидетельствуют, что чехословацкий кризис начался буквально на следующий день после аннексии Австрии Третьим рейхом. Так, в меморандуме помощника постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании О.Сарджента от 13 марта 1938 г. констатировалось, что захват Австрии Германией namного

увеличил опасность войны в ближайшие два-три года. И далее: «Если мы будем бездействовать, то для нас и для Франции будет потеряна вся Центральная Европа». Он предложил принять ряд превентивных мер по укреплению связей с Францией и Бельгией (штабные переговоры), а также с Турцией и Грецией, осуществить зондаж позиции Польши и России, но не как возможных союзников, а нейтральных государств, а также «развивать отношения с США» [6]. 17 марта руководитель Центрального департамента Форин оффис У.Стрэнг предложил поддержать обязательства Франции по договору о взаимопомощи с Чехословакией [7]. Но этот вариант практически сразу был отвергнут и в Форин оффис, и правительством. 18 марта министр иностранных дел лорд Галифакс представил свой меморандум, в котором рассмотрел три возможных варианта действий:

Большой союз против агрессоров с участием Франции и других стран (предложение У.Черчилля в палате общин парламента 14 марта).

Новое обязательство по отношению к Франции, т.е. косвенная помощь Чехословакии.

Никаких новых обязательств в отношении Франции.

Галифакс склонился к третьему варианту: не принимать обязательств по отношению к Чехословакии, убедить ее и Францию в том, что наилучшим исходом было бы достижение соглашения с Германией по вопросу о немцах, проживавших в Судетской области [8]. Но такой вариант, не случайно охарактеризованный министром как «негативный», скорее всего, привел бы к полному подчинению Чехословакии диктату Гитлера.

Собственно, все так в конечном счете и произошло, хотя дорога к Мюнхену оказалась долгой и непростой.

На протяжении всего кризиса Великобритания играла главную роль в решении проблемы судетских немцев. Все варианты такого решения исходили из Лондона. В конце мая 1938 г. в Судетской области участились провокации, организованные судето-немецкой партией К. Генлейна по указанию из Берлина, а Германия придвинула войска к границе с Чехословакией. Возникла реальная угроза войны, которую в Лондоне желали всячески избежать. И тогда в Форин оффис разработали вариант

нейтрализации Чехословакии, т.е. превращения ее в нейтральное государство типа Швейцарии. Но уже вскоре, поразмыслив, англичане пришли к выводу о неприемлемости плана нейтрализации, поскольку, в случае его реализации (т.е. избавления Чехословакии от пактов с Францией и СССР), возникли бы нежелательные для Англии международные гарантии чехословацких границ, и одним из гарантов становилась Великобритания, а это ее никак не устраивало.

Второй вариант – организация плебисцита в Судетской области по вопросу ее статуса. Он зародился в Форин оффис в июне 1938 г. и был предложен президенту Чехословакии Э. Бенешу. Тот его отверг, ибо проведение плебисцита в Судетской области, населенной преимущественно пронацистски настроенными немцами, неизбежно нарушило бы территориальную целостность и суверенитет Чехословакии.

Между тем кризис продолжался и усиливался под влиянием множества факторов, главным из которых была экспансионистская политика Гитлера и его единомышленников. Чехословакия оказалась в тяжелом положении, выхода из которого практически не было. Надежды президента Бенеша на Францию не оправдались, ибо она уже давно стратегически зависела от Великобритании и придавала отношениям с ней гораздо большее значение, чем отношениям со странами Малой Антанты. Правда, правительство Э.Даладье изредка пыталось слабо возражать англичанам, которые фактически слепо следовали политике умиротворения, т.е. замирения с Гитлером (и Муссолини) посредством уступок им в сферах, где не затрагивались интересы Великобритании (причем, уступок односторонних) в надежде (пустой, как оказалось), что в отношениях с ними наступят мир и согласие. Но это был мираж, который то появлялся, то исчезал за горизонтом. В Лондоне далеко не сразу осознали это, цепляясь за политику умиротворения, как утопающий цепляется за соломинку. Гитлер (как и Муссолини) не замедлил воспользоваться этим, а в случае с Чехословакией получил то, что хотел – Судетскую область, что означало разрушение Чехословакии.

Но прежде была еще миссия лорда Ренсимена в Прагу в августе-сентябре 1938 г. Он прибыл туда с целью посредничества

на сложных (по сути, бесперспективных) переговорах между правительством Чехословакии и партией Генлейна. Судетские немцы, следуя указаниям из Берлина, торпедировали переговоры, выдвигая неприемлемые требования. Интересно, что миссия Ренсимена никак не была согласована с чехами, они были поставлены в известность, когда решение было уже принято правительством Чемберлена [9].

Как и ожидалось, миссия Ренсимена закончилась безрезультатно. В Форин оффис предвидели это. Так, английский посол в Германии Н.Гендерсон (один из наиболее активных сторонников политики умиротворения) в письме в Лондон от 21 июля 1938 г. (т.е. еще до отъезда Ренсимена в Прагу) предложил, в случае неудачи миссии, провести конференцию по чехословацкому вопросу с участием Великобритании, Франции, Германии и Италии [10]. Так зародилась идея печально известной Мюнхенской конференции, решившей судьбу Чехословакии.

Одним из важных факторов, определивших капитулянтскую позицию правительств Чемберлена и Даладье, явилась неверная оценка соотношения вооруженных сил возможных участников конфликта. В меморандуме английских начальников штабов от 21 марта 1938 г. указывалось: «Никакое давление с нашей стороны и со стороны наших союзников не в состоянии помешать Германии вторгнуться в Богемию...и нанести решающее поражение чехословацкой армии. Поэтому предстоит долгая борьба за восстановление Чехословакии. В настоящей ситуации более чем очевидно: Италия и Япония воспользуются обстановкой, чтобы вмешаться и осуществить свои цели и намерения» [11].

Но начальники штабов преувеличивали возможности Германии, недооценивая одновременно потенциал Чехословакии и Франции. По их расчетам, Германия могла выставить на фронт 57 дивизий. У нее имелись еще 24 дивизии ландвера, но они были пригодны только к несению охранной службы. Что касается 9 бывших австрийских дивизий, то их планировалось ввести в действие лишь через три месяца с начала войны.

Численность чехословацкой армии определялась по масштабам мирного времени – 17 пехотных и 4 кавалерийские дивизии [12]. Таким образом, мобилизационные возможности Чехословакии не

учитывались. Между тем английский военный атташе в Праге подполковник Г.Стронге в донесении в Лондон от 5 апреля 1938 г. констатировал: в случае германо-чехословацкого конфликта армия Чехословакии «удивит всех своей способностью обороняться» [13].

Начальники штабов недооценили и потенциал французской армии. В меморандуме отмечалось: «Хотя Франция может мобилизовать 53 дивизии, это возможно провести лишь за счет промышленности и сельского хозяйства, и она (Франция) будет не в состоянии обеспечить (военным снаряжением. – А.И.) такое количество дивизий на фронте», а «сможет поддерживать от 30 до 40 дивизий». Пессимистичными были и оценки французских ВВС, а также состояния промышленности, «географическое положение которой делает ее уязвимой для ударов» (люфтваффе. – А.И.) [14].

Вооруженные силы СССР – союзника Чехословакии – вообще не принимались в расчет британскими военными руководителями, что, конечно, не было случайным: сталинские репрессии командного состава Красной армии нанесли тяжелый удар по советскому оборонному потенциалу, значительно снизили ее наступательные возможности. Но имелась и политическая подоплека. В Лондоне категорически не желали допускать вмешательства СССР в дела Центральной Европы, учитывая тем более то обстоятельство, что СССР был связан пактом о взаимопомощи с Францией. На заседании английского кабинета 22 марта 1938 г. отмечалось, что «начальники штабов были проинструктированы не принимать в расчет военный потенциал России» [15]. Интересно, что члены правительства признали, что «начальники штабов, возможно, недооценили слабости Германии» [16]. Впрочем, оценка меморандума в целом была пессимистичной: «в высшей степени меланхолический документ, который ни одно правительство не может игнорировать» [17]. Собственно, уже тогда была выработана линия поведения официального Лондона в сложном и запутанном (в том числе искусственно) судетском вопросе. Она отражена в высказываниях министра иностранных дел лорда Галифакса и премьер-министра Чемберлена. Первый предложил следующее: «Мы должны заставить правительство Чехословакии заключить прямое соглашение с судетскими немцами», а также «убедить французов использовать свое влияние

(в Праге. – А.И.) для обеспечения такого соглашения». И далее: «Надо дать понять французам, что мы не можем взять на себя какие-либо новые обязательства и оставить вопрос о войне и мире в их руках» [18]. Чемберлен выразил согласие с докладом военных и подчеркнул, что «для Англии и Франции практически невозможно не допустить захвата Чехословакии Германией» [19].

На самом деле ситуация выглядела не столь уж бесперспективной. Гитлер действовал очень рискованно, фактически он играл ва-банк, ибо нападение на Чехословакию было сопряжено с риском войны на два фронта, а к ней Германия была не готова. Чехословакия могла выставить после мобилизации более 40, а Франция – до 100 дивизий [20]. Неблагоприятное для Германии соотношение сил, а также благосклонность к ней со стороны западных держав подсказывали руководству рейха курс на мирное поглощение Чехословакии.

Отдельного внимания заслуживает позиция Франции. Она была связана с Чехословакией договором 1924 г. о союзе и дружбе и пактом 1925 г. о взаимных гарантиях, хотя подлинные намерения правительства Э.Даладье были далеки от публичных деклараций. Наиболее влиятельные круги во Франции стремились избавиться от обременительных для них обязательств. К сторонникам такого курса относился бывший премьер-министр П. Фланден. В беседе с английским послом в Париже Э.Фиппсом 27 марта 1938 г. он сказал: «Защитить Чехословакию невозможно, и было бы глупо пытаться сделать это» [21]. Что касается правительства Даладье (он стал премьер-министром в апреле 1938 г.), то в его состав в своем большинстве входили политики, которым претила сама мысль о войне с Германией, т.е. люди, которые больше заботились не о безопасности страны, а о сиюминутных, зачастую корыстных интересах. В этой связи нелюбезную оценку своим коллегам дал министр колоний Ж. Мандель в беседе с советником полпредства СССР в Париже Е.Гиршфельдом 4 июня 1938 г.: «Беда в том, что во главе правительства во Франции стоят люди, которые не верят в проводимую им политику, навязанную им фактически извне. Бонне (министр иностранных дел. – А.И.) за соглашение с Германией, но основное его желание – остаться у власти, и как умный человек, он понимает, что нужно проводить политику

нынешнего большинства Палаты. Шотан (вице-премьер. – А.И.) также стоит за соглашение с Германией, но он не пользуется большим влиянием в кабинете из-за личной вражды с Даладье». О последнем Мандель отозвался так: «Даладье не имеет определенной политики, но на него можно влиять, и он будет с большинством» [22]. Разумеется, англичане знали это и успешно склоняли премьер-министра Франции к предательству Чехословакии.

В сентябре 1938 г. чехословацкий кризис достиг своей кульминации. Германия начала стягивать войска к границе. По сведениям, поступившим в Лондон и Париж, германское командование сосредоточило против Чехословакии 22 дивизии, имея 18 в резерве [23]. 12 сентября Гитлер на съезде нацистской партии в Нюрнберге обрушился с нападка на Чехословакию, обвиняя чехословацкое правительство в «преследовании» судетских немцев и угрожая разрешить вопрос о немецком национальном меньшинстве силою оружия. Гневные тирады Гитлера в адрес Чехословакии произвели соответствующий эффект в столицах западных держав. 13 сентября Чемберлен уведомил фюрера о готовности посетить его на следующий день. Это решение с одобрением было встречено правительством Франции [24].

Французы приняли ряд превентивных мер, но они были недостаточные и предназначались, скорее для того, чтобы «спасти лицо». По информации английского посла в Париже Э.Фиппса от 22 сентября, французское командование придвинуло к границе с Германией 6 пехотных и 1 легкую механизированную дивизию [25].

А вот как оценивал обстановку тех дней английский военный атташе во Франции, полковник У. Фрэйзер в донесении в Форин оффис от 21 сентября: «Французы считают, и это подтверждается нашими разведданными, что Гитлер может нажать на курок в любой момент...и, если он это сделает, он не успокоится с захватом Судетской области, но оккупирует всю Чехословакию» [26]. О напряженности обстановки тех дней свидетельствует еще одно донесение Фрэйзера от 23 сентября со ссылкой на хорошо информированный источник во французском генеральном штабе:

«Германские войска оккупируют Чехословакию 24 сентября. Первоначальная дата была 28 сентября, но по требованию Гитлера военные ускорили приготовления на 4 дня». И далее источник (один из французских генералов) заявил, что «когда Чемберлен прибудет в Годесберг, он обнаружит, что судетский вопрос больше не является главным, а ему, в дополнение ко всему, будет предъявлено требование передачи Польше и Венгрии районов, населенных национальными меньшинствами. В Богемии будет создано нейтральное чешское государство, и оно будет демилитаризовано, а словацкое государство будет расположено в восточной части страны». Фрэйзер задал вопрос: «Так вы что, не собираетесь сражаться?» На это информатор ответил: «Французские города будут в руинах, т.к. отсутствует система ПВО». Далее Фрэйзер добавил, что он остался под впечатлением, что «французы не собираются воевать, считая... аннексию Чехословакии Германией свершившимся фактом» [27]. Комментарий к этому донесению одного из ведущих сотрудников Форин оффис Ф.Робертса весьма симптоматичен: «Немцы совершенно уверены, что большой войны не будет, отсюда тот факт, что на границе с Францией у них только 9 дивизий» [28].

Итак, к тому времени Даладьё, а также министр иностранных дел Франции Боннеуже склонились к принятию любого английского варианта решения судетского вопроса, который по сути должен был стать вариантом Гитлера. О настроении, царившем во французских политических и дипломатических кругах, можно судить по высказываниям посла Франции в Германии А. Франсуа-Понсэ в беседе с первым секретарем полпредства СССР в Берлине Г.А. Астаховым 13 сентября: «Не исключено, что Гитлер бравирует в расчете запугать, но на этот раз зашел слишком далеко. Он не остановится перед любой провокацией, чтобы создать повод вторжения, и они могут подстроить любое убийство – хотя бы самого Генлейна». Франсуа-Понсэ выразил сомнение в возможности оказания СССР помощи Чехословакии: «Как придут в Чехословакию ваши войска? Немцы построили исключительно сильные укрепления на французской границе, они, правда, не вполне готовы, но уже достаточно мощны... Прорваться через них трудно. Авиация? Да, конечно,

немцам не будет приятно, если начнут бомбардировать их города... Англия, вероятно, ограничится участием в блокаде, которая будет для Германии достаточно чувствительна, что бы ни говорил Геринг... Позиция Польши не изменилась. Липский (польский посол в Германии. – А.И.) по-прежнему готов лизать руки немцам, это означает, что Бек (министр иностранных дел Польши. – А.И.) своей позиции менять не собирается. Чехословакия нужна Германии не сама по себе, но как этап на пути захвата Румынии. Последняя составляет очередную цель Гитлера (нефть, зерно)» [29]. В целом эта оценка представлялась довольно мрачной, хотя и не отражала реального положения дел. Франсуа-Понсэ (кстати, один из самых информированных дипломатов), сам того не желая, преувеличил мощь «линии Зигфрида» и недооценил способности чехов дать отпор агрессору. Но главное, чего недоставало политикам на Западе, – это готовности противостоять Германии, экспансионистским устремлениям ее руководства. В высшей степени это относится к Чемберлену, взявшего в руки инициативу по урегулированию судетского вопроса.

Архивные документы позволяют произвести своеобразную анатомию чехословацкого кризиса и осуществить корректировку некоторых важных моментов. Автономия Судетской области, о чем поначалу шла речь на переговорах заинтересованных сторон, была лишь ширмой для прикрытия, намеченной нацистами аннексии Судет. Положение Чехословакии резко осложнилось после аншлюса Австрии, но все же соотношение сил было не в пользу Германии. Это подтверждают архивные документы. Так, накануне Мюнхенской конференции, 25 сентября 1938 г. состоялось заседание английского кабинета, на котором обсуждались итоги визита Чемберлена к Гитлеру в Бад-Годесберг, где тот предъявил ультиматум о передаче всей Судетской области Германии (неделей ранее стороны договорились о передаче рейху районов Судет с преобладающим немецким населением). Настроение некоторых членов правительства, в частности президента Торговой палаты О. Стэнли, было подавленным. Он заявил о невозможности доверять Гитлеру, который так часто нарушает данное им слово: «Если Чехословакия отвергнет новые германские требования, а Франция придет к ней на помощь, то Англии следует поддержать Францию».

Лорд Галифакс выразил похожее мнение: «Пока существует нацизм, мир не может быть прочным. По этой причине я чувствую, что было бы неверным оказывать давление на Чехословакию. Они сами должны решать. Если они отвергнут ультиматум (Гитлера. – А.И.), думаю, что Франция вмешается, а вместе с ней должны вмешаться и мы». Правда, он тут же заметил, что не считает такое свое мнение окончательным. В защиту линии на соглашение с агрессором решительно выступил лорд-канцлер Моэм. С его слов получалась мрачная картина возможного столкновения с Германией: «Если Чехословакия спросит нашего совета, ей нужно сказать, что Франция, Россия и Англия не могут предотвратить ее захвата и разрушения. Россия беспомощна как союзник; состояние французской авиации внушает тревогу; Италия и, вероятно, Япония выступят против нас». Правительство должно убедить чехов принять все германские требования.

В свете этих высказываний небезынтересным представляется мнение министра по координации обороны Т. Инскипа: «Мы, если будем воевать, одержим победу, но это будет стоить очень дорого. С точки зрения наших интересов, нам не следует ввязываться в войну». Его поддержали министр авиации К.Вуд и канцлер казначейства Дж. Саймон. Чемберлен подвел черту под дискуссией прямо-таки убийственной фразой: «Строго говоря, мы не оказывали никакого давления на чехов; вот если бы мы угрожали им войной в случае непринятия условий Гитлера, – это было бы давление». Кабинет принял решение воздержаться от объявления войны Германии, даже если чехословацкое правительство отвергнет годесбергский ультиматум Гитлера. Было условлено, что Франция и Чехословакия должны быть «поставлены...перед реальными фактами» [30]. Такая формулировка не оставляла сомнений в том, что английское руководство было преисполнено решимости довести до конца линию капитуляции перед агрессором.

Архивные документы позволяют дополнить неизвестными фактами тревожную картину Европы накануне Мюнхена. К тому времени западные державы действовали в унисон, отбросив всякие сомнения относительно правильности избранного курса на поглощение Судетской области Германией. Масла в огонь подливали донесения из Берлина о готовности Гитлера развязать

войну в любой момент. Так, 28 сентября военное министерство Великобритании оценило обстановку следующим образом: «Действующая армия Германии уже полностью мобилизована и готова приступить к боевым действиям» [31]. В коридорах власти в Лондоне и Париже преобладали пессимистические настроения, которые красноречиво выразил Чемберлен в радиообращении по Би-Би-Си в конце сентября 1938 г.: «Как это ужасно, фантастично, невероятно, что нам приходится копать траншеи и тренироваться надевать противогазы из-за свары в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем» [32].

Но и в Берлине в те дни не было никакой эйфории, а, наоборот, чувствовалось настороженное и даже тревожное выжидание. Так, в телеграмме Г.А.Астахова заместителю наркома иностранных дел СССР В.П.Потемкину от 27 сентября 1938 г. отмечалось, что немцы реагируют на пропагандистскую кампанию вокруг Чехословакии «исключительно сдержанно, не выявляя ни малейших признаков подъема» [33]. Слишком памятными для многих немцев были дни двадцатилетней давности, когда Германия потерпела поражение в Первой мировой войне.

Архивные документы предоставляют возможность поставить под сомнение некоторые постулаты британских и французских умиротворителей: нацеленность Гитлера на большую войну в 1938 г. и готовность Италии выступить на стороне Германии. Так, советский полпред в Великобритании И.М.Майский в беседе с лордом Галифаксом 17 августа подчеркнул, что «советское правительство испытывает большое разочарование проявлением слабости Западом». Он также отметил, что в действиях Гитлера на 50% блефа и поэтому принятие требований немцев представляет «большую угрозу миру» [34]. 31 августа Галифакс принял посла США в Великобритании Дж. Кеннеди, который также заявил, что Гитлер блефует и запугивает и не рискнет на войну, сославшись на своих коллег в Берлине и Париже [35]. Даже Н.Гендерсон, убежденный сторонник политики умиротворения, склонялся к такому же мнению и полагал, что защищать Чехословакию не имеет никакого смысла. Вот что он писал в письме лорду Галифаксу от 8 августа 1938 г.: «Вся проблема исключительно расовая, проблема национальности и она может быть решена

только с учетом этого» [36]. В письме Галифаксу от 12 августа Гендерсон отметил: «Они (немцы. – А.И.) не боятся, что проиграют, пока Англия не вступит в войну», а «для Англии всегда есть возможность уклониться» (от участия в военных действиях. – А.И.) [37]. Наконец, в письме от 23 августа он выразился так: «Любая попытка вторгнуться в Германию...будет страшно дорогостоящей, и немцы, конечно же, не будут атаковать (Францию. – А.И.) через «линию Мажино» [38].

Что касается Италии, то в Лондоне и Париже явно преувеличивали ее готовность воевать на стороне Германии, к тому же умиротворители рассчитывали договориться с Муссолини и оформить «широкое соглашение» с ним. Отсюда, в частности, приглашение дуче на конференцию в Мюнхен. 3 сентября 1938 г. из британского посольства в Риме в Лондон поступило сообщение, что «нет никаких доказательств того, что Италия готовится к проведению крупной военной операции в ближайшем будущем» [39].

И еще несколько сюжетов, извлеченных из архивного фонда Форин оффис. Незадолго до Мюнхенской конференции, т.е. в разгар кризиса в Лондон из Берлина поступили записи телефонных переговоров президента Чехословакии Э. Бенеша с чешскими посланниками в Англии и во Франции Я. Масариком и Ш. Осуским. Записи передал адъютант Г. Геринга генерал К.-Г.Боденшатц первому советнику посольства Великобритании в Германии А. Киркпатрику (по указанию Гитлера Геринг занимался организацией прослушки важных телефонных переговоров). Киркпатрик был близко знаком с Р.Гессом, заместителем Гитлера в НСДАП (фактически нацист № 3 в рейхе). Вот лишь несколько записей: 19 сентября. Бенеш: «Они (англичане. – А.И.) имеют в виду также Венгрию. Закарпатская Украина и т.д. Это выходит за рамки.

Масарик: Да. Они также говорят об отделении территорий без плебисцита.

Бенеш: Ничего не должно решаться без нашего участия. Хотелось бы знать, что об этом думают люди типа Черчилля.

Масарик: Они считают, что все это ужасно» [40].

21 сентября. Беседа Бенеша с Осуским. Бенеш: «Либо мы сражаемся, либо нет.

Осуский: Я говорил с Масариком. Он заявил, что они (западные державы – А.И.) все завершили.

Бенеш: Они не выступят?

Осуский: Я уже говорил Вам, но это еще окончательно не решено.

Бенеш: Предположим, война начнется – и что дальше?

Осуский: Здесь на прессу оказывают сильнейшее давление, чтобы она не информировала общественность о том, что происходит на самом деле. Они пытаются убедить общественность, что мир будет сохранен, но как – об этом ни слова» [41].

24 сентября. Беседа Бенеша с Масариком. Масарик: «Мы не должны принимать отделение Судет.

Бенеш: Согласен.

Масарик: Как настроен Сыровы? (председатель правительства и министр обороны Чехословакии. – А.И.)

Бенеш: Все в полном порядке. Мобилизация идет полным ходом. Все исполняют приказы, даже немцы. Правительство полностью контролирует положение.

Масарик: Я оказал сильное давление на поляков. Думаю, что Россия готова действовать.

Бенеш: Да, кажется так.

Масарик: Здесь все восхищаются нами (т.е. чехами. – А.И.), и простые люди, и партии» [42].

Боденшатц (конечно, с ведома Геринга) передал записи прослушки Киркпатрику, поскольку доверял ему как близкому знакомому Гесса 27 сентября (всего 6 записей разговоров Бенеша с посланниками). Причины, почему он это сделал, неизвестны, но, видимо, с целью произвести впечатление на англичан, которые, правда, и без этого подготовили себя (а заодно и французов) к капитуляции перед Гитлером.

Беда Э. Бенеша заключалась в том, что он ориентировался исключительно на западные державы, придавая отношениям с ними гораздо большее значение, нежели пакту о взаимопомощи с СССР. Вот что он заявил посланнику Великобритании в Чехословакии Б. Ньютону 18 мая 1938 г.: «Отношения

Чехословакии с Россией всегда имели и будут иметь второстепенное значение, которое зависит от позиции Франции и Великобритании... Если Западная Европа утратит интерес к России, то Чехословакия его тоже утратит» [43].

Бенеш попал в сложное положение. Он понимал, что любое соглашение по судетской проблеме означает поражение Чехословакии, но в силу причин, о которых сказано выше, он не мог действовать без оглядки на западные державы. Характеристику Бенеша как политика дополняют дипломаты, которые знали его не понаслышке. Так, английский посол в Италии лорд Перт в письме постоянному заместителю министра иностранных дел Великобритании А.Кадогану от 14 мая 1938 г. так отозвался о президенте Чехословакии: «Я знаю Бенеша близко много лет и отношусь к нему с искренней симпатией.., но он всегда дает неверную оценку в своих прогнозах европейской ситуации». И в качестве примера: «В течение ряда лет он придерживался мнения, что экономическое положение Италии и Германии таково, что крах неизбежен» [44]. Впрочем, подобные просчеты мало что значили с точки зрения решения судьбоносных вопросов для Чехословакии – ее территориальной целостности и суверенитета. Чехословакия испытывала давление со всех сторон и рассчитывать на то, что она выдержит, несмотря ни на что, было нереально. В мире тогда господствовала сила или угроза ее применения и под это подстраивались малые страны, такие как Австрия и Чехословакия. Но шансов уцелеть у них практически не было. В подтверждение этого приведем еще несколько документов из архива Форин оффис. 23 августа 1938 г. английский посол в Москве лорд Чилстон сообщил в Лондон о беседе германского посла Ф.Шуленбурга с наркомом иностранных дел СССР М.М.Литвиновым (предположительно 22 августа) и заявил, что Германия вторгнется в Чехословакию, если со стороны чехов будут провокации. На это Литвинов ответил, что провокации со стороны чехов – это немислимо и что «немцы выступят в роли агрессоров в любом конфликте». Если Германия вторгнется, Франция проведет мобилизацию, а Англия, «как бы это не нравилось Чемберлену, обязана прийти на помощь Франции. Советский Союз сделает все возможное, чтобы прийти на помощь Чехословакии» [45]. Но в

Лондоне и Парижесчитали иначе. Так, 2 сентября от английского посла во Франции Э. Фиппса пришла телеграмма: «Бонне считает, что Россия желает спровоцировать большую войну, с тем чтобы ловить рыбу в мутной воде. Такого же мнения придерживается Буллит» (посол США во Франции. – А.И.) [46]. А вот реакция Форин офис: Ф.Робертс в памятной записке записал 5 сентября, что «они (русские. – А.И.) очень стараются, чтобы Франция и правительство Великобритании заняли более жесткую линию (по отношению к Германии. – А.И.). Но их собственная позиция остается совершенно неясной». К тому же Красная армия «в состоянии защищать лишь территорию СССР» [47].

И последнее. 6 сентября 1938 г. Фиппс передал в Форин оффис, что «Бонне сообщил о предложении Литвинова: Англия, Франция и Россия должны провести конференцию и выработать совместную декларацию о своем твердом намерении сохранить мир, если потребуется, то добиться этого, в крайнем случае, с помощью силы» [48].

Но Запад давно уже не собирался прибегать к силе как средству давления на агрессоров, и в этом смысле лаконичная реакция Форин оффис на это сообщение вполне объяснима: «Идея такой конференции для нас неприемлема, также, как и для Бонне» [49].

Как известно, конференция все же состоялась, но совершенно в ином формате и с другой повесткой дня – Мюнхенская. Она решила судьбу не только Чехословакии, но и мира в целом, поскольку явилась преддверием Второй мировой войны. Предстоявший год – от Мюнхена до начала войны 1 сентября 1939 г. подчеркнул неотвратимость процессов, которые обрекли человечество на катастрофу.

Примечания

1. Из изданий последних лет отметим следующие: Мюнхен – 1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / *Под общей ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О.Г. Назаров.* – М., Кучково поле. 2018; *Иванов А.Г. Анатомия чехословацкого кризиса 1938 г. // Голос минувшего.* – 2018. – № 1-2.

2. Munich: Blunder, Plot or Tragic Necessity? Ed. By D. Lee. Published by D.C. Heath & Co. Lexington, Mass., 1970.

3. Ibid. P. 86,99; *Lukacz J.* The Last European War, Sept. 1939-Dec. 1941. Garden City (N.Y.), 1976. – P.16-17; *Tolstoy N.* Stalin's Secret War. – Macmillan, L., 1982. – P. 76, 77.

4. См.: Европа в международных отношениях 1917–1939. – М.: «Наука», 1979; *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. – М.: Изд. «Мысль», 1980; История внешней политики СССР 1917–1985. – М.: «Наука», 1986. – Т. 1; *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. – М.: Изд. Международные отношения, 1989.

5. Российская газета. – 2020. – 19 июня.

6. Иванов А.Г. Дипломатическая борьба в Европе в канун Второй мировой войны. – Краснодар: Изд. Кубанского государственного университета, 2018. – С.127–129.

7. Там же. С.129.

8. Там же. С.129–130.

9. Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. – М.: «Наука», 1993. – С.129.

10. Там же. – С.130.

11. Там же. – С.123.

12. Там же.

13. *Иванов А.Г.* Дипломатическая борьба в Европе в канун Второй мировой войны. – С.133.

14. Public Record Office (Национальный архив). – FO 371/21713. – P.57. (Далее: PRO).

15. Ibid. – P. 112.

16. Ibidem.

17. Ibid. – P.107.

18. Ibid. – P. 108-109.

19. Ibid. – P. 110.

20. *Волков Ф.Д.* Указ. соч. – С.382.

21. PRO. – FO 371/21612. – P. 56–57.

22. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф.05. – Оп. 18. – Д.160. – П.149. – Л.17. (Далее: АВП РФ).

23. PRO. – FO 371/21669. – P. 60, 79.

24. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. – Third Ser. – Vol. II. – L., 1949. – P. 314, 336-337.

25. PRO. – FO 371/21669. – P. 122.

26. Ibid. – P. 124.

27. Ibid. – P. 125.

28. Ibid. – P. 123.

29. АВП РФ. – Ф.082. – Оп. 21. – Д.4. – П. 89. – Л. 230.

30. PRO. – FO 371/21742. – P. 31-35, 37, 46, 56, 58.

31. PRO. – FO 371/21670. – P. 199.

32. Цит. по: *Эванс Р.* Третий рейх. Дни триумфа: 1933-1939. – М.: Астрель. 2012. – С.727.
33. АВП РФ. – Ф. 082. – Оп. 21. – Д. 4. – П.89. – Л.234.
34. PRO. – FO 371/21731. – P. 95.
35. PRO. – FO 371/21734. – P. 218.
36. PRO. – FO 371/21743. – P. 152.
37. Ibid. – P. 160.
38. Ibid. – P. 173.
39. PRO. – FO 371/ 21734. – P. 413.
40. PRO. – FO 371/21742. – P. 188-190.
41. Ibid. – P. 194–196.
42. Ibid. – P. 203–205.
43. Документы по истории Мюнхенского сговора 1937-1939. – М.: Изд. Политической литературы. 1979. С. 107.
44. PRO. – FO 371/21713. – P. 184–185.
45. PRO. – FO 371/21733. – P. 163.
46. Ibid. – P. 350.
47. Ibid. – P. 349.
48. PRO. – FO 371/21735. – P. 134.
49. Ibid. – P. 133.

З.А. Барбарунова, А.В. Копришова
(г. Прага, Чешская Республика)

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ ИЛИ ТРУД РАДИ «ХЛЕБА НАСУЩНОГО». ГРАЖДАНЕ БЫВШЕЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ И РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ НА РАБОТАХ В ГЕРМАНСКОМ РЕЙХЕ В 1938–1939

Аннотация: В статье рассматривается один из противоречивых социальных процессов в самый неизученный из периодов истории Чехословакии (1938–1939 гг.) – добровольная работа на Германский рейх граждан Чехословакии, Протектората Богемии и Моравии, а также русских эмигрантов, проживающих на этой территории.

Ключевые слова: работа, Германский рейх, Чехословакия, Протекторат Богемия и Моравия, русские эмигранты.

Z.A. Barbarunova, A.V. Koprshivova
(Prague, Czech Republic)

COLLABORATION OR WORK FOR THE DAILY BREAD. CITIZENS AND RUSSIAN EMIGRANTS OF THE FORMER CZECHOSLOVAKIA AT WORK IN THE GERMAN REICH IN 1938–1939

Abstract: The article examines one of the controversial social processes in the most unexplored period in the history of Czechoslovakia (1938–1939) – voluntary work for the German Reich of the citizens of Czechoslovakia, the Protectorate of Bohemia and Moravia, as well as Russian emigrants living in this territory.

Keywords: work, German Reich, Czechoslovakia, Protectorate of Bohemia and Moravia, Russian emigrants.

Накануне Второй мировой войны на территории бывшей Чехословацкой республики (ЧСР) появилось несколько новых государств. На месте бывшей ЧСР после Мюнхенского соглашения появилась т.н. Вторая Республика Чехословакия (сентябрь 1938 – март 1939 гг.), у которой Германия отобрала Судетскую область, Польша – Верхнюю Силезию, затем Венгрия отобрала Южную Словакию и Подкарпатскую Русь, а к марту 1939 г. Словакия отошла, объявив свою независимость. Таким образом, к марту 1939 г. бывшая ЧСР в результате переделов осталась в границах, оформленных Протекторатом Богемия и Моравия (март 1939 – май 1945 гг.), как отдельное государство, но зависимое от Германского рейха.

Специальных исследований, касающихся работы чехов и словаков, а особенно русских эмигрантов на Германский рейх в 1938–1939 гг., практически нет. Значительно изучена проблематика т.н. «принудительной работы на Рейх» (1939–1945 гг.). Она приведена в капитальном труде сотрудников Государственного Архива Чешской Республики (Národní Archiv České republiky (NA ČR) [1].

Проблема изучения данного вопроса лежит как в плоскости послевоенных и современных политических приоритетов, так и в анализе архивных документов Второй республики ЧСР и

Протектората Богемии и Моравии, которые велись на немецком, реже на чешском языках, часто написанных от руки.

Наше исследование о работе на Германский рейх бывших граждан Чехословакии и живущих в ней русских эмигрантов за 1938–1939 гг. базируется на исследовании документов НА ČR, Городского Архива города Праги (Archiv Hlavního Města Prahy (АНМР), а также на документах личного архива А.В. Копршиковой (ЛААК).

Для понимания причин, заставивших чехословаков и русских эмигрантов поехать на работы в Германию в 1938–1939 гг., необходимо проанализировать состояние с безработицей в ЧСР за весь период 1930-х гг.

ЧСР с самого начала мирового экономического кризиса принимала меры по охране местного рынка труда, в частности противодействуя приему на работу лиц без чехословацкого гражданства, что в первую очередь ударило по русским эмигрантам с нансеновскими паспортами. Управления труда на местах отказывали им в разрешении на работу или увольняли уже работавших. Исключения делались для специалистов высокой квалификации, занятых в химической и технических отраслях, а также для врачей высокой категории, согласившихся на работу в провинции. Основная часть эмигрантов перебивалась сезонными работами, не имея помощи от государства, в особых случаях пользовались пособиями от Международного Красного Креста [2].

К 1933 г. безработица среди жителей ЧСР была уже на грани катастрофы, около 20 процентов населения не имело работы [3].

Законом №74 от 1930 г. государство внедряло программу т.н. «принудительной работы», которая включала обязательную регистрацию безработных в соответствующих органах на местах – управлениях труда и социального обеспечения. Эти учреждения получали финансирование от государства для организации работ безработным на различных стройках, ремонтах дорог, прочистке речных водоемов и т.п. Выплачивались также пособия по безработице. В 1932 г. появились трудовые лагеря, к работе в которых привлекались или принуждались безработные в возрасте с 18 до 26 лет [4].

Законом № 217 от 1936 г. за неисполнение регистрации по безработице следовал штраф или принудительные работы в трудовых лагерях на один-три месяца на территории ЧСР. Чаще всего в трудовые лагеря согласно закону № 223 от 1938 г. привлекались внесоциальные лица: нищие, бродяги, цыгане и пр. [5].

В Эпоху Протектората все предыдущие законы о труде объединились под одной составляющей – под Законом «о принудительной работе» № 177 от 1939 г., которому с 1940 г. подлежали все лица от 16 до 60 лет.

Таким образом, само понятие «принудительной работы» как социальное средство борьбы с безработицей сложилось в ЧСР на протяжении всего периода 1930-х гг. Суть законов о труде и социальной помощи и практика их исполнения не сильно изменились в эпоху Протектората Богемии и Моравии, по сравнению с законами ЧСР (1918–1938 гг.).

Вышеизложенное можно считать предпосылками к тому, что массы безработных из ЧСР добровольно поехали на работы в Германский рейх осенью 1938 г. [6].

С осени 1938 г. все безработные, после регистрации в местных управлениях труда, должны были пройти вербовочные беседы, заполнить анкеты с указанием их семейного положения, трудовых навыков, образования, характеристик с последнего места работы и т.п. Управления труда принимали и заявления от безработных с просьбами послать их в Германию на работу [7]. Из Германии в Прагу присылались заявки от Министерства труда с указанием количества рабочих и специалистов, необходимых немецким предприятиям или хозяйствам [8]. Призыв на работу в Германию производился на местах с помощью разных акций: вывешивались плакаты с указанием времени и места сбора для прохождения набора на службу, буквально производством барабанной дроби на площадях с последующим оглашением призыва [9].

Далее управления труда Протектората выдавали направления на работу в соответствии с заявками из Германии. Отказ от направления на работу грозил штрафом до 10 000 чешских крон, отменой социальной помощи по безработице, в иных случаях

принудительным посылаем в трудовые лагеря на территории ЧСР сроком до 1–3 месяцев [10].

Письмо от 20.03.1939 г. Главного управления труда Протектората гласило, что безработные из Чехии и Моравии будут иметь на местах своей работы в Германии одинаковую оплату труда, как граждане Германского Рейха с той же квалификацией и опытом [11].

Нужно особо отметить, что сельскохозяйственные рабочие из бывшего ЧСР не направлялись на работы в Германии, так как Протекторату они сами были нужны [12].

Работа на Германский Рейх для некоторых слоев населения бывшего ЧСР, а именно для Силезских немцев имела идеологическую составляющую, воспитание в духе национал-социализма – «верность и забота». Они стали гражданами Рейха, считались «фольксдойче», и для них действовал закон (VBIRP rot.s.s.67 – 21.09.1939). Это была часть испытательной работы перед их принятием на военную службу в Рейх в соответствии с Законом № 46 от 1941 г. [13].

Положение остальных рабочих из Протектората в Германии было двойственным. С одной стороны, на них распространялись те же законы о труде (социальное и медицинское страхование, заключение трудового договора), им начислялась зарплата, как и всем немцам в одинаковых с ними категориях. С другой стороны, их считали «гражданами иного сорта». Они не могли пригласить к себе свои семьи или родственников, имели право лишь один раз в год на отпуск домой [14]. Но при этом медицинскую страховку получали даже рабочие, обучающиеся в Германии какой-либо специальности [15]. В отдельных случаях, привлекая безработных для работы на полях, обещали позднее предоставить специалистам работу согласно их квалификации [16].

Отдельные заявки на работу в рейх содержали требования предоставить высококвалифицированных специалистов. В этом случае, часто нанимали и русских эмигрантов с высшим образованием, полученным в ЧСР во время действия т.н. Русской акции помощи [17]. Это изменило положение безработных русских эмигрантов с нансеновскими паспортами. Управления труда в 1933–1937 гг. у безработных русских, включая лиц с

высшим образованием, отказывались принимать заявления на работу, так как у них, в большинстве своем, не было социальной страховки и справок с последнего места работы [18].

Интересно, что подготовленных к отправке в Германию списки работников, по требованию Министерства труда рейха проводились с отметкой об их национальной принадлежности: «Д» – немцы, «Ч» – чехи, «Слов» – словаки, «Йуд» – евреи, «без гражданства» – в большинстве своем эмигранты из бывшей Российской империи с нансеновскими паспортами. К «чехам» относили также русских эмигрантов, получивших гражданство ЧСР [19]. Списки по отправке русских эмигрантов на работу в Рейх производились, как правило, отдельными документами [20].

Транспортировку рабочих осуществляла чешская транспортная компания Šedok. Рабочие отправлялись группами, т.н. транспортными «pracovními kolonami» – «рабочими группами», особо ценных специалистов отправляли отдельными путевыми листами [21]. Затраты на перевозку, пропитание в дороге оплачивались из Германии. Архивы содержат железнодорожные билеты, списки выезжающих и листы затрат на их питание в дороге, включая снабжение сигаретами курящих [22].

Работающие в Рейхе чехословаки, русские, а также украинцы из Подкарпатской Руси спорили со своими работодателями в случаях ненадлежащего исполнения последними условий трудового договора [23]. Рабочие требовали обещанной им оплаты труда (до 0.63 рехсмарок (RM) в час), доплат женатым работникам на семью с детьми (0.08 RM в час), оплаты при переработках в выходные и праздничные дни (доплата в 20%), обязательного годового отпуска сроком на 2 месяца для неженатых, 3 месяца для женатых). Десять чешских крон соответствовали 1 RM. Рабочая неделя составляла 40 рабочих часов, при переработках до 56 часов. Многочисленные тяжбы с работодателями чешские рабочие осуществляли через Министерство труда Протектората [24].

В случае смерти умершего работника по причине болезни или травмы на работе семье высылались его денежные средства, документы, письма [25]. Участвовавшие случаи болезней или

трудовой неспособности, в частности по малолетству работников, заставили обратить внимание на качество работы медицинских комиссий в Протекторате, дававших медицинские справки для работы [26].

Известны случаи самовольного проезда мужчин и женщин в Германию на работу без оформления документов [27].

Организация добровольного формирования трудовых групп на работу в рейх встречала и осуждение, и агитацию против работы на немцев, которая исходила от части патриотически настроенной городской интеллигенции и бывших легионеров. Ими, в частности, были изготовлены и распространены листовки, осуждающие непатриотические действия отъезжающих в рейх. Такие листовки были найдены в Праге и Литомержицах [28].

Все вышеизложенное позволяет судить, что работа на Германский Рейх для граждан бывшей Чехословакии и русских эмигрантов представлялась просто средством выживания для них самих и их семей при катастрофической безработице на родине. В 1938–1939 гг., до начала Второй мировой войны, Германия еще не была агрессором для Великобритании и Франции. Для СССР была дружественным государством, что в свою очередь, повлияло на выбор многих русских эмигрантов. Организацию трудовых транспортов для безработных ЧСР и Протектората осуществляло государство, гражданами или жителями которого они являлись.

Заявления с просьбами послать на работу для заработка, трудовые споры о надлежащем исполнении работодателями своих обязательств, применение социальных и медицинских страховок, организованные транспортировки гражданским железнодорожным транспортом с обеспечением продуктами для переезда – все это указывает на производственные отношения между Германским рейхом и иностранными рабочими. Их интересы представляло Министерство труда и социального обеспечения ЧСР и Протектората Богемия и Моравия. Дополнительным аргументом в пользу того, что данный труд был добровольным и оплачиваем, может послужить тот факт, что в 1970-е гг. ФРГ выплатило огромные суммы чехословацким гражданам, принудительно работавшим в рейхе 1940–1945 гг.

Лицам, работавшим 1938–1939 гг. такой компенсации не полагалось.

Вдвойне представляются несправедливыми попытки обвинить этих работников в коллаборационизме, непристойном поведении, оскорблявшем честь государства, проведение разбирательств в различных комиссиях и чрезвычайных судах в 1945–1948 гг. В т.н. обновленной ЧСР некоторые члены нового правительства, особенно коммунисты, добивались более жесткой концепции возмездия, под их влиянием были выпущены два правительственных декрета: №16 от 19.05.1945 г. (декрет «о великом возмездии») и №138 от 27.10.1945 г. («малый декрет о ретрибуции»). И если первый декрет был направлен на наказание военных преступников, государственных чиновников Протектората, пособников Гестапо и т.п., то малый декрет очень пространно определял виновных в «непристойном поведении, оскорбившем честь государства». Под этот декрет пришедшие к власти в государстве и на местах, в большинстве своем коммунисты, сводили счеты с политически чуждыми им элементами. Обвинялись студенты, оставшиеся учиться в университетах на немецком языке, учителя, оставшиеся преподавать в немецких школах, рядовые работники канцелярий бывших учреждений Протектората. Такая «охота на ведьм» была еще и спровоцирована обязанностью каждого жителя ЧСР получить в общественных комитетах справку о его благонадежности, для дальнейшего оформления новых гражданских документов образца 1945 г. Требовалось заявление двух свидетелей о надлежащем поведении такого-то гражданина или гражданки в период с 1939–1945 гг.

Современные чешские историки и юристы пишут, что такие законы «задним числом» обвиняли часть своих граждан в том, что ранее считалось надлежащим поведением в правовом отношении. «Немногие сегодня осознают, что эти правовые инструменты также использовались для преследования противников коммунистического режима» [29].

Подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что граждане т.н. Второй республики ЧСР (1938) и Протектората Богемии и Моравии работавшие на территории Германского

рейха в 1938–1939 гг. не могут быть названы коллаборантами. Они были иностранными рабочими в соседнем государстве, добровольно поехавшими на заработки для себя и своих семей.

Примечания

1. Pracovali pro Třetí říši. Nucené pracovní nasazení českého obyvatelstva Protektorátu Čechy a Morava pro válečné hospodářství Třetí říše (1939–1945). – Praha, Scriptorium, 2011.

2. Барбарунова З.А., Копришова А.В. Молодежь юга России в Чехословацкой республике (1920–1930-е гг.) // Диалог со временем. Вып. 68. – Москва, ИВИ РАН, 2019. – С. 112–113; Машинопись С.П. Чистосердова. Воспоминания. – С.194.

3. OLŠOVSKÝ R. Přehled hospodářského vývoje Československa v letech 1918-1945. – Praha, Nakladatelství politické literatury, 1963, 2. upravené vyd. 1. s. 453.

4. RÁKOSNÍK J. Odvrácená tvář meziválečné prosperity. Nezaměstnanost v Československu v letech 1918–1938. – Praha, Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum, 2008. – S. 323.

5. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 887.

6. Pracovali pro Třetí říši. – С.18.

7. АНМР. – F. ÚSÚ Praha. – Karton 342, 364, 366, 369.

8. АНМР. – F. ÚSÚ Praha. – Karton 396-400; NA ČR. F. ÚŘP. – Karton 886.

9. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 915.

10. Pracovali pro Třetí říši. – С.18.

11. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 887.

12. NAČR. – F. ÚŘP. – Karton 887.

13. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 883, 887.

14. Pracovali pro Třetí říši. – С.60.

15. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 915.

16. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 886.

17. Барбарунова З.А., Копришова А.В. Указ. соч. – С.133–114; NA ČR. Fond ÚŘP. – Karton 886.

18. NA ČR. – F. MZ ČR. PŘ Hl.m. Praha. Evidence obyvatel. Semen Špyg.

19. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 888.

20. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 889.

21. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 891-916.

22. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 889, 890.

23. NA ČR, – F. ÚŘP. – Karton 884, 886, 888.

24. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 883, 884.
25. AHMP. – F. Magistrat Hl.m. – Praha. Karton 346.
26. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 883.
27. NA ČR. – F. ÚŘP. – Karton 915.
28. Pracovali pro Třetí říši. – С.17.

29. *Kuklík Jan*. Mýty a realita takzvaných Benešových dekretů: Dekrety prezidenta republiky 1940–1945. – Praha, Linde, 2002. – С. 21; Judt, Tony. Postwar: a history of Europe since 1945. – London, William Heinemann, 2005. С. 44–51; <http://www.moderni-dejiny.cz/clanek/maly-retribucni-dekret/> (дата обращения: от 08.08.2020).

С.И. Анчев

(г. Тырново, Республика Болгария)

БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РУКОВОДСТВА ДЕРЖАВ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГГ.

Аннотация: После окончания Второй мировой войны политически и территориально статус-кво в Европе и на Балканах изменился. Усилив своё влияние, приобретя союзников в результате побед Красной Армии, СССР расширил свою территорию. Советский Союз вернулся на Балканы, которые традиционно являлись частью российской политики. Со своей стороны, Запад, следуя в фарватере политики США и Великобритании, делал то, что великие державы Запада делали против России столетия назад.

Ключевые слова: СССР, США, холодная война, Турция, Греция, Румыния, Болгария, Югославия, Албания.

S.I. Anchev

(Tarnovo, Republic of Bulgaria)

BALKAN STATES IN POLITICAL PLANS WINNING POWER MANUALS IN THE SECOND HALF OF THE 1940s

Abstract: After the end of World War II, the political and territorial status quo in Europe and the Balkans changed. By its influence, having created allies as a result of the victory of the Red Army, the USSR reaches a territorial scope that Russia did not have before. He returns to the Balkans, which are a traditional part

of Russian politics. For its part, the West, expressing itself through the policies of the United States and Great Britain, is doing what the great powers of the West did against Russia centuries ago.

Key words: USSR, USA, Cold War, Turkey, Greece, Romania, Bulgaria, Yugoslavia, Albania.

Балканский полуостров геополитически всегда занимал важное место в интересах Запада. В XIX и XX вв. балканские народы уже являлись неотъемлемой частью политики великих держав. Единственным их защитником в этот период оставалась славянская и православная Русь. Конечно, такая политика России совпадала с ее внешнеполитическими интересами, а ее политическое и военное вмешательство и защита балканских народов являлись результатом этих устремлений.

До начала Второй мировой войны балканские государства находились в политической, экономической и военной орбите великих западных держав. Это – следствие мирных договоров после окончания Первой мировой войны и европейской политики в межвоенный период. Великобритания, Франция, Италия и Германия имели разную степень влияния на Балканах. Однополярная модель победителей, как и после Первой мировой войны, была нестабильна и быстро распадалась. Начинается очередная война, которая остается в истории под определением «холодная». Одно из ее кратких определений в первую очередь связано с противостоянием политических, экономических и военных отношений между государствами-победителями и их союзниками после окончания Второй мировой войны. Считается, что термин «холодная война» впервые стал использовать финансист Бернард Барух в 1947 г., а популяризировал его журналист Уолтер Липпман.

Принято считать, что этапов холодной войны три, каждый из которых имеет свою характеристику.

Первый этап охватывает период с последних лет Второй мировой войны и длится до конца 1960-х гг. – «Чехословацкой весны». Для него характерно первоначальное резкое противостояние бывших союзников, связанное с делимитацией границ в Европе и Азии и Черноморскими проливами. Реакция Запада определяется мартовской речью У. Черчилля в Фултоне в

1946 г., в которой он призывает защитить западную демократию от распространения советского влияния; «Доктрина Трумэна» от февраля 1947 г. и последующий план Маршалла с главной целью «спасти Европу от советской экспансии», при этом балканские государства, Турция и Греция становятся лидерами в его реализации. Учитывая объем публикации, я остановлюсь на некоторых ключевых моментах политики стран-победительниц в отношении балканских государств в первые годы холодной войны.

После Первой мировой войны и в межвоенный период США предпринимают безуспешную попытку вмешательства в европейскую политику, вытеснив из нее Великобританию и Францию. Эти амбиции усиливаются во время Второй мировой войны. Еще в 1941 г. Х. Льюис, редактор журнала «Тайм» и один из советников американского правительства, провозглашает в своей книге «Американский век» задачи американской политики во второй половине века – превращение всего мира в «американский мир» [1]. Иначе говоря, навязывание США глобального мирового господства.

Когда война подходила к концу, осенью 1944 г. взаимопонимание между союзниками начинает «трещать». Особенно это касается англо-советских отношений. Основными причинами этого являются события в Польше, а также нерешенный вопрос о новых сферах влияния на Балканах и в Восточной Европе. 9-го октября 1944 г. Черчилль и Иден прибыли в Москву, обсуждая со Сталиным положение в Польше, Румынии, Греции, Италии и Болгарии. На этой встрече произошёл обмен знаменитой листовкой, которая в процентном отношении определяла послевоенное влияние и статус-кво на Балканах. Предложение британского премьер-министра таково: Румыния – 90% для России (так западные союзники называли СССР в неформальных переговорах на протяжении всей войны), Греция – 90% для Англии, Югославия и Венгрия по 50%, Болгария – 75% для России. После того, как Сталин прочитал этот перевод Павлова, он поправил соотношение только по Болгарии (в большинстве документов эта поправка по Болгарии не отражена), и оно меняется с 75% (под влиянием СССР) до 90%. На следующий день это англо-советское распределение сфер влияния на Балканах обсуждали Молотов и

Иден. После небольшого перерыва в переговорах Молотов предлагает 80% для Болгарии и Румынии на 20% и по 50% для Югославии [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Новый территориальный статус-кво, созданный после Второй мировой войны, и сферы влияния, возникшие после Ялты, побуждают советников президента и аналитиков заговорить о «крахе евроцентрического мира и необходимости того, чтобы Соединенные Штаты заполнили международный политический вакуум» [8] путем создания новой дипломатической системы под их контролем. Эта глобальная политическая амбиция актуальна и сегодня, когда ситуация похожа, а после краха социалистической системы снова возникает политический и экономический вакуум [9]. В конце Второй мировой войны отношения между «большой тройкой» становятся все более расходящимися с точки зрения построения послевоенной Европы. Грядущая победа над двумя странами на «стальной оси» (вопрос с Японией еще не решен окончательно) катализирует поведение, которое до тех пор подавляется или, по крайней мере, не выражается так открыто. Достигнутые в Ялте договоренности вызывают удовлетворение у Рузвельта, который указывает Конгрессу на конец «закрытых союзов, сфер влияния, баланса сил» и всех способов управления миром, используемых в последние столетия [10]. После Ялтинской конференции союзники все еще не разделены, и кажется, что их единство нерушимо и прочно. И Рузвельт, и Черчилль понимают, что Красная Армия не должна останавливать свое продвижение на Запад, чтобы оказать давление на все еще сильную Германию, но они не хотят, чтобы СССР навязывал свое господство Восточной Европе. Всем ясно, что каждый из победителей будет навязывать свою социальную и политическую систему по мере продвижения своей армии. В отличие от Черчилля, который все больше раздражался, Рузвельт считал прекращение советского наступления более опасным, чем разделение Европы после войны. Следующий американский президент (Рузвельт умер 12 апреля 1945 г.) Г. Трумэн не проявлял дальновидности своего предшественника.

Верные своей довоенной политике, правящие политические круги Лондона относились с недоверием, а к концу войны с открытой враждебностью к балканским республиканским и левым

движениям сопротивления. Они поддерживали эмигрантские правительства Греции и Югославии, а также восстановление правящих там довоенных режимов [11;12].

Тегеранская конференция принимает решение открыть второй фронт в Западной Европе, а не на Балканах, что становится очередным разочарованием для британской политики. Становится все более очевидным, что довоенные успехи министерства иностранных дел в регионе вряд ли повторятся после окончания войны. Турция, единственная балканская страна, не принимала непосредственного участия во Второй мировой войне долгое время, почти до ее конца. Она занимала особое место во внешней политике Великобритании. В этом нет ничего удивительного, учитывая роль министерства иностранных дел в формировании или противодействии различным Балканским Антантам до начала Второй мировой войны. На декабрьской трехсторонней встрече в Каире между Рузвельтом, Иненю и Черчиллем Турции предлагается вмешаться в войну на стороне антигитлеровской коалиции до февраля 1944 г. Вместо фактического выполнения того, о чем просят, Анкара предпринимает лишь некоторые полумеры, апреле она разрывает экономические отношения с Германией, а в августе – дипломатические. Позиция Сталина по Турции более сдержанна и лишена британской поспешности. В письме Черчиллю в июле 1944 г., напоминая о уже внесенных предложениях, он предлагал больше не оказывать давления на Анкару и что ее позиция будет принята во внимание после войны [13]. Летом того же года Великобритания продолжает попытки возродить свою значимость в балканской политике. Возникает идея восстановления турецко-греческого союза под британским влиянием. Целью является послевоенное противостояние двух государств СССР.

Последующие события лишают Анкару возможности продолжить свою восточную дипломатию протягивания. Это связано с решением Крымской конференции, согласно которому на учредительную сессию Организации Объединенных Наций (ООН) будут приглашены только те страны, которые объявили войну Германии до 1 марта 1945 г. [14; 15]. Ошеломленные обстоятельствами и реальной опасностью оказаться в

международной изоляции после окончания войны, турецкое правительство объявляет войну Германии и Японии 23-го февраля 1945 г.

Вопрос о проливах продолжает играть важную роль в политике вооруженных сил до и после окончания Второй мировой войны. Как всегда, это тесно связано с позицией Турции и является частью ее внешней политики. После конференции в Монтрё проблема проливов обсуждается на Ялтинской конференции [16; 17]. По мнению Сталина, конвенция, подписанная перед войной, устарела не только из-за прекращения существования Лиги Наций, но и из-за новой политической ситуации. Он напоминает, что она предоставляет больше прав Турции, которая может закрывать проливы, когда захочет [14; 18]. Черчилль и Рузвельт поддерживают идею иной конвенции, нежели конвенция Монтрё. Чтобы успокоить Турцию, подчеркивается, что создание новой конвенции не повлияет на ее суверенитет. С этого момента начинается сложный дипломатический процесс переговоров, который в конце 1946 г. завершается без ранее объявленного желаемого результата. При поддержке США и Великобритании Турция непреклонна в отношении советских предложений. Советом Трумэна Анкаре объявляется: «Ответ Турции должен быть разумным, но твердым». Ободренная этой поддержкой, Анкара в своей ноте советскому правительству от 22 августа 1946 г. принимает некоторые поправки к Конвенции о проливах, но не принимает ее полную замену конвенцией черноморских государств. Не следует забывать, что большая часть этого дипломатического процесса имеет место после Фултонской речи Черчилля и во время Парижской мирной конференции.

После окончания Второй мировой войны в Турции происходит впечатляющий политический прорыв. Из однопартийного государства с тоталитарным правлением с появлением Демократической партии она переходит к многопартийной системе. Меняется и внешняя политика правящей Народно-республиканской партии (НРП). С плохо урегулированными турецко-советскими отношениями и неоднократно демонстрировавшей враждебность по отношению к СССР, Турция вступает в турецко-американский военно-политический союз. Чтобы понравиться своему

могущественному покровителю, правительства С. Сараджоглу и Р. Пекера при каждой возможности демонстрируют свою близость к Западу, сходство политических систем между балканскими государствами, Соединенными Штатами и Великобританией, а также общий антикоммунизм. Вашингтон поддерживает развитие многопартийности в Турции [19; 18, с. 203–205].

Во внешней политике она стремится к сближению с США. Такое ее поведение, связанное с поиском сильного союзника-покровителя, характерно еще со времен султанов. В данном случае выбор был очень уместен, потому что речь шла о поддержании внутреннего антикоммунистического режима за счет требований американских займов [20]. Так, еще в конце 1945 г. она просит у Америки кредит в размере 300 миллионов долларов, а в октябре 1946 г. получает первую финансовую помощь в размере 25 миллионов долларов. Пропаганда правящей тогда Народно-республиканской партии способствует усилению влияния американской политики в стране. Выражение этого – отказ от регулирования отношений с СССР, показная антисоветская политика. После 1946 г. Турция быстро становится удобной военной базой для экспансии США в регион.

Во время Второй мировой войны нет большой разницы между британской и американской политикой в отношении Греции. В их фразеологии обе великие державы поддерживают национально-освободительное движение в стране, но если говорить о практических действиях в 1943 г., становятся ясными их истинные цели.

Еще в марте 1943 г. министерство иностранных дел поручает своей миссии в Каире полностью поддержать греческого короля и его правительство. Эта линия поведения должна присутствовать во всех контактах в Греции и за ее пределами. Совершенно иное отношение Вашингтона к греческому монарху. Соединенные Штаты воздерживаются от вмешательства во внутренние дела Греции. Причины этого продиктованы конкретными интересами, связанными с: идеей объединения греческих политических лагерей; предоставлением грекам возможности выбрать для себя правительство, с которым они хотят жить; удержанием британцев от их намерений влиять на греческую общественную жизнь и

политику с позиции власти; предотвращением раздела Балкан на британскую и российскую сферы влияния [21]. Греческий вопрос обсуждается двумя западными союзниками на конференциях в Квебеке в 1943 и 1944 гг. В отличие от британских требований и методов их реализации в Греции, американцы стремятся к большему экономическому проникновению и расширению уже существующих экономических позиций там. В Вашингтоне тоже делают ставку на формирование республиканского правительства, но проамериканского. После соглашения в Веркисе от 12 февраля 1945 г. и замены Г. Папандреу на посту премьер-министра Н. Пластираса, ситуация в Греции еще более осложняется. Гражданская война, начавшаяся несколько месяцев спустя, не была спровоцирована прямым вмешательством Великобритании и США, но в период своего расцвета они играют значительную роль в победе правых партий и возвращении монарха.

В меморандуме Госдепартамента от ноября 1945 г. изложена позиция США в отношении переговоров с новым премьер-министром Великобритании К. Атли, а также возможность военного и экономического вмешательства США в дела Греции. Это период, когда у власти переходное правительство П. Канелопулоса сменилось 22 ноября правительством Т. Софулиса. Из-за все еще нестабильной ситуации в Греции Соединенные Штаты готовы были предоставить определенную финансовую и экономическую помощь после разработки правительством Греции программы экономической стабилизации с учетом интересов США в стране. В этих условиях США даже готовы были направить специалистов для его реализации. После визита высокопоставленных британских офицеров генерала Ф. Моргана и фельдмаршала А. Брука в Грецию они поднимают вопрос о совместном англо-американском военном участии, чтобы сдержать «красную волну из Болгарии, Югославии и Албании», которая угрожает «заливанием» Грецию. Эта «опасность» оказывается очередным пропагандистским трюком, потому что и сам Морган, и военный министр Дж. Паттон позже открыто признают, что «причины греческого кризиса являются результатом внутренних, а не внешних факторов [22].

В 1946 г. Соединенные Штаты окончательно определяют свой приоритет для Греции. Он сформирован позицией государственного секретаря Бернса и его заместителя У. Клейтона. Для Соединенных Штатов Греция – одна из трех стран, две другие – Турция и Иран, которые могут стать основой их политики на Ближнем Востоке. При этом учитывается тот факт, что она вместе с Турцией – единственные балканские страны, которые еще не находятся под советской гегемонией [22, с. 166.], что, в свою очередь, позволяет им находиться под американской гегемонией в будущем.

Я не буду останавливаться на ситуации в других балканских странах в конце Второй мировой войны, уделяю больше внимания Турции и Греции, которые после войны являются балканскими западными союзниками, а шесть лет спустя уже частью НАТО.

Место других балканских стран – Болгарии, Румынии, Югославии и Албании на заседаниях министров иностранных дел, в начале холодной войны, связано с признанием послевоенных правительств и места в них оппозиции. Еще до Потсдамской конференции Гарриман, следуя указаниям своего президента, информирует Сталина об основах американской политики в Восточной Европе, которая связана с «непризнанием недемократических режимов в Софии и Бухаресте» [23]. Для Болгарии это также означает соблюдение территориальных претензий Греции, защищаемых двумя великими западными державами, причем без возможности диалога со стороны Болгарии.

На лондонском заседании Совета министров иностранных дел (11 сентября – 2 октября 1945 г.) британская и американская делегации еще раз заявляют о своих претензиях, что в последние 12 месяцев становится устойчивой тенденцией в том, что они не будут обсуждать проекты мирных договоров с Болгарией и Румынией, пока не будет представительности в правительствах этих стран и не будет введено демократическое управление. Обсуждения этого вопроса для двух балканских государств продолжаются на заседании Совета министров иностранных дел в Москве (16–26 декабря 1945 г.). В Лондоне Дж. Бернс заявил, что политика П. Грозы «вызывает подозрение у американского народа во всем, что происходит в Румынии», и в очередной раз настаивает на

проведении реорганизации румынского правительства до выборов. На заседании Совета министров иностранных дел в Москве советский посланник призывает членов оппозиции, входящих в правительство Румынии, «быть лояльными к его общей политике». [24].

18 декабря в разговоре с Молотовым Бернс пытался увязать вопрос признания болгарского правительства с выводом беспристрастного либерального наблюдателя М. Этриджа, который после встреч в Болгарии и Румынии не мог рекомендовать «признание их правительств» [25]. Двадцатью днями ранее в беседе с Бирюзовым в Болгарии американский журналист высказал мнение о том, что можно достичь соглашения с оппозицией в Отечественным фронте без роспуска этой организации. Кроме того он поддерживает идею расширения правительства, не критикуя его. На лондонской сессии советская делегация защищает правительства Болгарии и Румынии, и Молотов отмечает, что на отношение США к двум балканским государствам влияет враждебность Америки к Советскому Союзу. Попытка Этриджа добиться новой отсрочки выборов в Болгарии терпит неудачу. Ему объясняют, что болгарское правительство столь же представительное, как и правительства других демократических стран [26]. В меморандуме президента США от 5 января 1946 г. еще раз говорится, что два балканских правительства не будут признаны до тех пор, пока они не будут радикально реорганизованы и не начнут подчиняться требованиям Америки. По идее, это запрос на конфронтацию с СССР и первый шаг в новом курсе американской политики, за которым последуют «Доктрина Трумэна» и «План Маршалла» [27]. Использование двух балканских государств в зарождающемся глобальном конфликте – плохое совпадение обстоятельств, связанных с их судьбой. 9 января 1946 г. премьер-министр Румынии встречается с американскими и британскими представителями, чтобы получить от них еще одно настоятельное требование о проведении свободных выборов, но при этом не было очень ясно, какой должна быть эта свобода.

В начале января 1946 г. обсуждается мирный договор между СССР и Румынией, который фактически является поддержкой Кремлем правительства П. Грозы. Вопрос об определении общей

границы отложен, и по настоянию западных союзников, румынская армия была сокращена до 100 тысяч человек [26. с. 349–352.].

5 февраля 1946 г. США и Великобритания восстанавливают дипломатические отношения с Румынией и признают правительство П. Грозы. В то же время они продолжают попытки влиять на политическую ситуацию в стране. Они требуют, чтобы выборы прошли в конце апреля – начале мая. В совместной ноте Вашингтона и Лондона содержался призыв к тому, чтобы Министерство внутренних дел находилось под контролем оппозиции. Совершенно очевидно, что требования США к Румынии идентичны требованиям к Болгарии. Госдепартамент даже не удосуживается вносить какие-либо нюансы в отношении давления на две соседние балканские страны. Оппозиция категорически выступает против разработки законов, ограничивающих участие в политической жизни страны лиц, проявивших себя как фашистские или реакционные элементы. Два ее представителя не упускают возможности саботировать работу правительства.

Проблема Югославии и Албании не связана с проблемами Болгарии и Румынии. Их проблемы в первую очередь территориальные. Одна из них связана с Триестом-Истрией. На первом заседании министров иностранных дел в Лондоне обсуждается возможность присоединения Югославии ко всей провинции Венеция-Джулия, а также провозглашение Триеста свободным портом под суверенитетом Югославии. Однако они не принимаются [28].

Летом 1946 г. югославско-американские отношения обостряются из-за нарушения воздушного пространства страны американскими самолетами. Только за период с 16 июля по 8 августа 1946 г. они нарушают воздушное пространство Федеративной народной республики Югославии 172 раза [29]. Официальные протесты в начале 1946 г. Вашингтон игнорирует. В августе при очередном нарушении воздушного пространства суверенной Югославии один самолет был сбит, а другой вынужден был приземлиться. Последовал ожесточенный дипломатический спор, в котором Вашингтон даже грозит передать дело в Совет Безопасности ООН. Однако югославское правительство делает

первый шаг к смягчению ситуации. Следует экономическое давление на федерацию со стороны Госдепартамента с целью получения политических уступок в пользу оппозиции.

На Потсдамской конференции Албанию обвиняют в агрессивных действиях против Греции. Здесь, как и во всех других делах с участием балканских государств, возникает дипломатическое столкновение между СССР и Западом, причем каждая из сторон защищает свои интересы. 4 сентября 1945 г. правительство Албании использует предстоящее открытие Лондонской конференции министров иностранных дел для рассмотрения финансовых положений албанско-итальянского проекта мирного договора. С момента открытия сессии США и Великобритания полностью игнорируют требования Албании. Они отказываются принять делегацию этой небольшой страны на конференцию и тем самым демонстрируют предвзятое отношение в пользу Италии. На заседании рассматривается несколько важных вопросов, включенных в проект соглашения между двумя странами. Речь идет о признании Италией свободного и независимого албанского государства; об аннулировании соглашения с албанским марионеточным правительством 1939 г.; о признании принадлежности о. Сазани к территории Албании [30]. Вопрос об о. Сазани ставит британская делегация, и до конференции она не намерена была передавать его Албании. Не получив поддержки со стороны Соединенных Штатов, Министерство иностранных дел мирится с переходом его в албанские границы. 10 ноября 1945 г. Албания была признана СССР, а затем США, Великобританией и Францией.

После окончания войны политическая карта Балкан меняется. Границы 1939 года уже не те. Ориентация и зависимость от великих держав тоже отличается. Отношения между балканскими государствами также сильно изменились по сравнению с их реальностью до Второй мировой войны. Балканы снова разделены, и их народы объединяются или выступают против, в зависимости от воли новых победителей.

Примечания

1. *Luce H.R.* The American century. – New York: Time, 1941. – P. 1–18.
2. *Kitchen M.* British Policy Towards the Soviet Union during the Second World War. Houndsmills. – L. 1986. – P. 233–234.
3. *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. – М.: ДЭМ, 1993. – С. 323–326.
4. *Гунев Г., Илчев И.* Уинстън Чърчил и Балканите. Отечествен фронт. – София, 1989. – С. 231.
5. *Roberts G.* Beware Greek Gifts: The Churchill-Stalin “Percentages” agreement of October 1944. // Мир истории 2001. – 1. – <http://www.historia.ru/2003/01/roberts.htm> - както е индексирано на 7 септември 2020 г.
6. *Кальвокоресси П.* Мировая политика 1945–2000. – Кн. 1. – М: Международные отношения, 2003. – С. 5.
7. *Черчилль У.* Вторая мировая война. Избранные страницы. – М.: Панорама, 1998. – С. 383–384.
8. *Cohen W.I.* America in the Age of Soviet Power 1945–1991. Cambridge history of American foreign relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – V. 4. – P. 250.
9. Вашингтон меняет внешнеполитическую доктрину // Независимая газета. – 2000. – 19 декабря.
10. *Кисинджър Х.* Дипломатията. Труд, 1997. – С. 364.
11. *Рачев С.* Англия и съпротивителното движение на Балканите (1940–1945). БАН. – София 1978.
12. *Лебедев Н.И.* “Балканский вариант” англо-американской стратегии в период Второй мировой войны // Новая и новейшая история. – 1959. № 5.
13. Преписка на председателя на Министерския съвет на СССР с президентите на САЩ и министър-председателите на Великобритания по време на Великата Отечественна война 1941–1945. – София: Партиздат, 1983. – С. 293.
14. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945. – Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. – М., 1979. – С. 274.
15. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945. – Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США, Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М., 1980. С. 143–146, 159–161, 187–188, 350.
16. США и внешний мир // Материалы IV научной конференции ассоциации изучения США. Ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, г.

Москва, 3–4 апр. 1996 г. – М.: Изд-во Московского университета, 1997. – С. 28–31.

17. *Дранов Б.* Черноморские проливы: международно-правовой режим. Юридическое издательство. – М., 1948. – С. 222–234.

18. *Хаков Дж.* История на Турция през XX в. – София, 2000. – С. 200–205.

19. *Маринков Б.* Изграждането на многопартийната парламентарна система в Турция 1945–1947 // Балканите след Втората световна война. 2. Политически и икономически проблеми. – София, 1980. – С. 95–96.

20. *Поцхверия Б.М.* Внешняя политика Турции после Второй мировой войны. – М.: Наука, 1976. – С. 60–62.

21. *Смирнова Н.Д.* Греция в политике США и СССР. 1945–1947 гг. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. – 1997. – №5. – С. 32.

22. *Смирнова Н.* Политика США в Греции в 1944–1947 гг. // Балканите в международните отношения 1944–1948. – София, 1984. – С. 164.

23. Бол М. Студената война на Балканите. Американската външна политика и възникването на комунистическа България 1943–1947. – София: Фонадция на Българска наука и култура, 1999. – С. 263.

24. *Язькова А.О* некоторых аспектах политики США в отношении Румынии (1945–1948) // Балканите в международните отношения 1944–1948. – София 1984. – С. 117–118.

25. *Тошкова В.* САЩ и България 1919–1989. Политически отношения. Синева. – София, 2007. – С. 240.

26. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. – Т. 1. 1944–1948 г. – Москва–Новосибирск: Науч.-изд. центр «Сиб. Хронограф», 1997. – С. 280–287, 298.

27. *Жигня К.Л.* Империалистическая политика США и Великобритания в отношении Болгарии и Румынии (1944–1947 гг.). – Кишинев: Штиинца, 1987. – С. 89–90.

28. *Гибанский Л.Я.* Советский союз и новая Югославия 1941–1947 гг. – М.: Наука, 1987. – С. 182.

29. *Потехин А.В.* Дипломатия США в Восточной Европе 1945–1950. – Киев: Наук. думка, 1991. – С. 77.

30. *Делчева Г.* Албания и мирният договор с Италия // Балканите в международните отношения 1944–1948. – София, 1984. С. 144–145.

А.И. Селицкий
(г. Краснодар, Российская Федерация)

**ПОЛЬСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ
В СТАНИЦЕ ГЕОРГИЕ-АФИПСКОЙ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ (1944–1946 гг.)**

Аннотация: В статье анализируется история польского детского дома на Кубани в суровые годы войны. В 1944 г. в станицу Георгие-Афипскую Краснодарского края переехал польский детский дом из Черемошников под Томском. В 1946 г. его воспитанники и сотрудники вернулись в освобождённую Польшу. На основании российских и польских архивных материалов удалось восстановить некоторые подробности существования польского детского дома в Георгие-Афипской, особенности его быта, материального обеспечения и системы образования.

Ключевые слова: поляки, Вторая мировая война, польский детский дом, Краснодарский край, станица Георгие-Афипская

A.I. Selitsky
(Krasnodar, Russian Federation)

**THE POLISH ORPHANAGE
IN THE STANITSA OF GEORGIE-AFIPSKA
OF KRASNODAR KRAI (1944–1946)**

Abstract: The article analysis is based on the history of the polish orphanage in Kuban region during the rough years of the war. In 1944 the polish orphanage was moved from Cheremoshnikov near Tomsk to Georgie-Afipska of Krasnodar krai. In 1946 foster children and workers of the polish orphanage returned to liberated Poland. Thanks to Russian and Polish archives it was possible to learn some details of the polish orphanage's day-to-day life, financing and education system.

Keywords: Polish people, the Second World War, the polish orphanage, Krasnodar Krai, stanitsa of Georgie-Afipska

Суровые годы Второй мировой войны привели к многочисленным перемещениям населения. Не минула чаша сия и польский народ, а также бывших до 1939 г. польскими

гражданами представителей других национальностей (в частности белорусов, евреев, украинцев). После включения территорий Западной Белоруссии и Западной Украины в состав СССР, в 1939–1941 гг. прошла «советизация» этих территорий, что сопровождалось массовыми арестами, репрессиями, ссылками и депортацией в Сибирь, на Крайний Север, Урал и в северные районы Казахстана. Традиционно выделяют четыре основных этапа депортаций этого периода (февраль, апрель, июнь 1940 и июнь 1941 г.), в ходе которых было вывезено более миллиона польских граждан и членов их семей. С началом Великой Отечественной войны депортации польского населения в глубь СССР была прекращена [1].

Вместе со взрослыми в новых условиях оказались польские дети, которые быстро выросли. Те, кому исполнилось 12 лет, уже работали наравне со взрослыми. Тяжёлый труд, постоянный голод и болезни истощали детские организмы, а превратности судьбы отражались на их психологическом и интеллектуальном развитии. Часть польских детей оказались в СССР в ходе эвакуации сиротских и детских домов из Западной Белоруссии, Западной Украины и Литвы.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны советское руководство заключило 30 июля 1941 г. договор с Польским правительством в изгнании, находящимся в Лондоне («соглашение Майского-Сикорского»). В соответствии с этим договором 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР», по которому освобождались все, бывшие до 1939 г. польскими гражданами: военнопленные, заключённые тюрем и лагерей, ссыльные и депортированные [2].

14 августа 1941 г. было подписано военное соглашение, которое предусматривало создание в кратчайший срок на территории СССР Польской армии («Армия Андерса»). Восстановленное Посольство Польши в СССР, создав региональные представительства (делегатуры), занялось улучшением материального положения депортированных польских граждан [3].

Посольство Польши в СССР сумело организовать сеть сиротских приютов, детсадов и школ. Судьбой польских детей и молодёжи занимались также польские военные власти. Посольство Польши стремилось обеспечить образование на польском языке, чтобы сохранить в детях «польский дух». К середине 1942 г. появилось 139 детских домов и сиротских приютов (они приняли около 9000 детей), 175 детсадов (охватили 5865 детей), 43 школы (их посещали 2999 учеников), 68 курсов (1466 слушателей). В школах трудилось 165 учителей и 124 воспитателя. Больше всего учреждений для польских детей появилось в среднеазиатских советских республиках. Тем не менее, польской образовательной опекой было охвачено не более 10–11 % польских детей, находящихся в Советском Союзе [4]. Постепенно количество польских образовательных учреждений сокращалось, многие были ликвидированы после арестов представителей делегатур в различных районах СССР.

В апреле 1943 г. после разрыва дипломатические отношения СССР с Польским правительством всю заботу о польских детях взяли на себя советские власти. Ещё в январе 1943 г. СНК СССР принял распоряжение «О польских благотворительных учреждениях», согласно которому все учреждения и организации, созданные Посольством Польши на территории СССР, передавались в ведение советских органов. Всеми польскими детскими учреждениями стал заниматься Комитет по делам польских детей в СССР (Компольдет), созданный при Наркомате просвещения РСФСР 30 июня 1943 г. Новая организация, согласно утверждённому положению, занималась учётом детей, разработкой положений, методических пособий, учебников, созданием детской литературы на польском языке и т.п. [5].

По официальным советским данным, в 1943 г. в государственную систему были приняты следующие польские благотворительные учреждения: 65 детских домов (4411 чел.), 68 детских садов (3419 чел.), 2 яслей (81 чел.), 29 школ (1700 чел.). С учётом этих данных на 5 апреля 1944 г. общее число учреждений составило 142 детских дома, 246 детских сада и 64 школы [6].

В сентябре 1943 г. в СССР был образован Союз польских патриотов (далее: СПП) во главе с коммунистической писательницей Вандой Василевской. Одной из сторон деятельности вновь созданной организации была опека над польскими детьми и организация переселения польских граждан в более благоприятные по климатическим условиям районы СССР [7].

По данным польского исследователя Альбина Гловацкого, в 1944 г. в Краснодарский край с территории Новосибирской области, преимущественно Нарымского округа, а также Коми АССР и Кировской области прибыло ок. 4000 чел. Предложение о такого рода переселении содержалось в памятной записке, переданной 18 марта 1944 г. президиумом правления СПП советским властям. Предлагалось переселить 25 500 чел. в сельскохозяйственные регионы с более благоприятным климатом [8].

Вместе со взрослым населением перевозились и детские дома. Так, в станицу Георгие-Афипскую (ныне посёлок городского типа Афипский Северского района Краснодарского края) переместили польский детский дом из Черемошников под Томском (ныне субрайон на северо-западе Томска). В советских и польских документах того времени, а также в воспоминаниях станицу чаще называли Афипская. Впервые исследование по истории этого польского детского дома провела Ольга Петровна Бридня, которая в начале 1990-х гг., будучи сотрудником Государственного архива Краснодарского края, вступила в переписку с десятком бывших воспитанников детского дома, провела архивные изыскания и подготовила специальную радиопередачу [9]. Большую помощь в поиске сведений оказал бывший воспитанник детдома, гражданин Республики Польша, Эдвард Иосифович Апанель (1928 года рождения), сохранивший уникальные фотографии сотрудников и воспитанников детдома [10]. Данные, собранные О.П. Бридня, в том числе фотоматериалы, постоянно пополняются.

Ещё до начала Великой Отечественной войны в станице Георгие-Афипской был построен детский дом № 40, который в 1941 г. приютил у себя 190 эвакуированных детей из

Бобринецкого школьного детского дома Кировоградской области Украинской ССР. В период оккупации Кубани детдом № 40 выехал за пределы края, а его здание, состоящее из 16 комнат, было разбито [11].

Решением Краснодарского крайисполкома от 5 февраля 1944 г. в станице Георгие-Афипской был создан польский детский дом с использованием приспособленных для этого трёхзданий, каждое из которых состояло из 3–4 комнат, а также здания кухни. Польский детский дом ехал на Кубань в товарных вагонах и прибыл в станицу в мае 1944 г., учебный процесс начали в сентябре того же года. Приехавшие из Сибири польские дети были поражены красотой станицы: казачьи дома утопали в розах, везде фруктовые сады, виноградники, поля подсолнечников и кукурузы, рядом река, в которой можно было купаться. При этом не укрылись от детских глаз и последствия войны: разбомблённая православная церковь и другие разрушенные здания [12].

Старшие ребята были зачислены в советскую школу, а самых младших, первый и второй классы, разрешили учить по-польски в детдоме. Учителям приходилось одновременно выполнять роль воспитателей. Основными предметами были: польский и русский языки, математика, природоведение и рисование. Кроме учёбы, дети должны были содержать здания детдома, работать на колхозном поле и в детдомовском саду, вывозить брёвна из соседнего леса. Директор детдома несколько раз организовывала для них незабываемые экскурсии: в соседний аул, где они побывали в небольшом музее с экспозицией черкесских сабель и ножей, на один день на черноморское побережье и в Ставрополь («прекрасный город, но очень разбомблённый») [13].

Каждый ребёнок имел отдельную металлическую койку и постельные принадлежности, мальчики жили в общежитиях отдельно от девочек, при детдоме были столовая, баня и прачечная, раз в неделю каждый воспитанник мылся в бане [14]. При этом большим дефицитом было мыло, дети болели чесоткой, перевозив её потом и в Польшу. Клопы, вши и тараканы были неприятным, но обычным явлением, от них спасались обработкой керосином [15].

В Краснодарском крае питание детей несколько улучшилось, они стали наедаться, могли получить немного овощей и фруктов. Так, в Сибири их завтрак состоял из 100 грамм сухого хлеба, а дети, болевшие туберкулёзом, получали дополнительно кусочек масла, на обед были щи с 2–3 листками капусты и редко с кусочками картофеля, но иногда гороховый суп, а на ужин вновь 100 грамм хлеба. На Кубани же воспитанники детского дома получали на завтрак кукурузу, на обед – мамалыгу (кукурузную кашу) или иногда манную кашу, а на ужин – тоже кукурузу. В станице даже хлеб готовили с добавлением кукурузы [16]. При Краснодарском краевом отделе народного образования 14 сентября 1944 г. Государственной штатной комиссией была утверждена должность инспектора по обслуживанию детских учреждений для детей-поляков. Должностной оклад такого инспектора был установлен на уровне окладов школьных инспекторов. Он курировал состояние польского детдома [17].

Директором польского детского дома в Георгие-Афипской была русская женщина, Анна Ивановна Устинова, о которой потом очень тепло вспоминали многие воспитанники и сотрудники детдома как о заботливой матери [18]. К концу 1944 г. в польском детском доме воспитывались 160 польских детей в возрасте до 12 лет, а ещё через год их количество увеличилось до 183, включая группу детей, эвакуированных 21 сентября 1945 г. из Еревана [19].

В детдоме находились дети-сироты и дети, отцы которых воевали в Войске Польском, но основная масса воспитанников – это дети, родители которых пребывали в лагерях УП НКВД в городах Томске, Парабеле, Тогуре, Асине Томской области и Тегулье Якутской АССР. Разлучённые с родителями с начала Второй мировой войны, они почти не помнили и не знали откуда родом. Только единицам посчастливилось встретить родных. Так, к Тадеушу и Юрию Шмидт, Регине Тарновской, отцы которых воевали в Войске Польском, в 1945 г. вернулись их матери. Мария Яновна Шмидт (за участие в советско-польской войне была награждена орденом *Virtuti Militari*) [20] и Юзефа Адамовна Тарновская были выпущены из лагерей Томской области по амнистии. Польский детдом стал «вторым» домом и для них.

Вместе с другими 40 сотрудниками этого детдома, среди которых были такие чуткие педагоги и воспитатели, как Эммануэля Яновна Михальчишин, Стефания Францевна Урбанович, Иосиф Павлович Мартыняк (Марыняк), София Вацлавовна Каминская, они отдавали всё обездоленным детям. Завуч польского детдома Галина Давидовна Волосянская, завуч польской школы Галина Петровна Никитюк (Мыкетюк), учителя Ядвига Антоновна Стоцкая и Ядвига Яновна Гживач были удостоены права участвовать в краевом семинаре учителей, проходившем в конце 1945 г. в Краснодаре [21].

Большую помощь польскому детскому дому оказал СПП, отделения которой действовали в районах с польским населением, и комиссии при уполномоченном по снабжению эвакуированных поляков Краснодарского края. В декабре 1944 г. краевое правление СПП (председатель П. Гольдкаут) просило зампреда Краснодарского крайисполкома Макарова помочь в организации концерта польской музыки в Краснодаре [22]. Председателем Георгие-Афипского районного правления СПП был врач польского детдома – доктор Мечислав Владиславович Пиотрович (перед войной он жил во Львове и имел свою врачебную практику) [23]. Воспитанники и сотрудники польского детского дома получали от этих двух организаций необходимые продукты, обувь и одежду. Только в 1945 г. детдом получил промышленных и продовольственных товаров на сумму более трёх тысяч рублей. Но всё же Северскому райисполкому не раз приходилось сталкиваться с невыполнением поставок некоторых продуктов (например, молочной продукции) и изыскивать дополнительные возможности, решая вопросы снабжения польских детей [24].

С 1944 г. было организовано снабжение «принятых в советскую систему» бывших граждан Польши и польских учреждений за счёт поступавших из-за границы благотворительных грузов (от еврейских общин Палестины, США, Канады, Аргентины, Великобритании и Швеции). Только по Краснодарскому краю в 1944 г. было выдано товаров на 258,5 тысяч, в 1945 г. – 361,3 тысяч рублей. Распределением этой помощи занималось Управление специальной

торговли(Упрособторг) при Народном комиссариате торговли СССР. Посылки с продуктами передавались главным образом военным, а также инвалидам [25].

В феврале 1945 г., в день 27-й годовщины Красной Армии, польский детдом в Георгие-Афипской посетили по указанию крайкома ВКП(б) секретарь Северского райкома партии М.Д. Чворун и председатель райисполкома Ф.А. Усанков. Они осмотрели детский дом и побеседовали с детьми и воспитателями «об исторических победах Красной Армии, о борьбе партизан Кубани против немецко-фашистских захватчиков, о дружбе советского народа с польским народом. Дети и воспитатели проведёнными беседами остались очень довольными» [26].

Иногда воспитанники детского дома пытались убежать в Польшу, но это удавалось далеко не всем. По воспоминаниям одной из учительниц детского дома Ядвиги Стоцкой, в 1945 г. из детдома убежали только семь парней [27].

После заключения советско-польского соглашения от 6 июля 1945 г. «Об обмене населения» лица польской и еврейской национальностей, состоявшие в польском гражданстве к 17 сентября 1939 г., получили возможность вернуться домой. Согласно этому соглашению организация реэвакуационного процесса началась в феврале 1946 г. 10 ноября того же года СНК издал соответствующее постановление. Оно предусматривало, что власти в краях и областях обеспечат репатриантов транспортом до железнодорожных станций, с которых должны были отправляться эшелоны в Польшу. До станции репатриантов обязан был сопровождать уполномоченный крайисполкома, который по прибытии на станцию должен был вручить список репатриантов начальнику эшелона. Власти в краях и областях обязаны были обеспечить репатриантов при выезде с мест проживания запасом питания сроком на пять дней. В паёк должны были входить: хлеб (не менее 500 г в день на чел.), а также жиры и мясо, рыба и каша. В каждом вагоне эшелона должно было ехать 20–25 чел. Документы на выезд выдавало краевое управление НКВД. Эти удостоверения репатрианты вместе с советскими паспортами должны были представлять при пересечении границы [28].

По состоянию на 31 декабря 1945 г. в Краснодарском крае проживало 4177 бывших граждан Польши, из них поляков – 2433 чел., евреев – 1744 чел.; они были размещены в 44 районах и 119 населённых пунктах Краснодарского края. В промышленности трудилось – 772 чел., в сельском хозяйстве – 846 чел., занимались умственным трудом – 170 чел., ремеслом – 467 чел. Детей до 16 лет было 1315 чел. Действовали 1 детский дом (в Георгие-Афипской), в котором размещалось 157 детей, и 10 польских школ, в которых училось 334 чел., в советских школах училось 18 ребят, составлявших три группы. Действовало 23 клуба, в которых было 205 книг. Имелся один польский дом инвалидов, 88 инвалидов находилось в советских домах инвалидов. Всего стариков было 221 чел. [29].

С февраля по март 1946 г. через станции Кавказскую и Тихорецкую проходила массовая отправка эшелонами, отъезжавших на родину репатрируемых польских граждан. Вместе со своими соотечественниками уезжали домой воспитанники детских домов, его сотрудники с семьями. Работу по подготовке и реэвакуации польских детей из Георгие-Афипского детдома вёл работник аппарата Краснодарского крайоно И.П. Елфимов. Он же и сопровождал детей, большая часть которых (148 сирот из 166, выехавших из Краснодара) благополучно доехала до нового места проживания (11 марта 1946 г.). Ехали примерно три недели. Сам И.П. Елфимов вернулся в Краснодар 24 марта 1946 г. [30].

Перед отъездом на родину, 27 февраля 1946 г. сотрудники польского детдома Галина Никитюк (Мыкетюк), Феликс Корона и Анеля Смолинская получили от комиссии общественной помощи при Краснодарском краевом правлении СПП продукты и мыло для детей. 28 февраля 1946 г. со станции Тихорецкая Северо-Кавказской железной дороги отправился эшелон с польскими детьми, увозя их на родину [31]. Ребята были переселены в специально подготовленный детский дом в Сикорово под Иновроцлавом (подобно тому как дети из детского дома в Ипатове Ставропольского края были переселены в Павловице в Познанском, ныне – Великопольском воеводстве) [32]. Помещение пустующего польского детдома в Георгие-

Афипской с 1947 г. занял дошкольный детский дом, существующий в посёлке Афипский до сих пор.

В заключение, заметим, что сохранился ряд воспоминаний сотрудников и воспитанников польского детского дома в Георгие-Афипской, проливающие свет на особенности проживания польских граждан на территории Краснодарского края в суровые годы войны. Это свидетели прошлого ещё ожидают перевода на русский язык и опубликования.

Примечания

1. *Siedlecki J.* Losy Polaków w ZSRR w latach 1939–1986. – Londyn: Gryf Publications Ltd, 1987. – S. 45; *Żaroń P.* Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej. – Warszawa: PWN, 1990. – S. 125–146; *Wróbel-Lipowa K.* Śladami polskich dzieci-tułaczy w czasie II wojny światowej // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin Polonia.* – 2005. – Vol. LX. – S. 231; *Жаронь П.* Депортация польского населения в Сибирь (1940–1941) и репатриация на родину (1945–1949) // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М.: Ладомир, 2002. – С. 376–379; *Бугай Н.Ф.* Поляки в формуле И. Сталина: «Репрессии – необходимый элемент наступления...» // *Polonia. Исследования о Польше и поляках.* – Т. I / *Науч. ред. А.И. Селицкий.* – Краснодар: Новация, 2018. – С. 292–299.

2. *Бугай Н.Ф.* Указ. соч. – С. 299.

3. *Buczek R.* Działalność opiekuńcza Ambasady RP w ZSSR w latach 1941–1943 // *Zeszyty Historyczne.* – 1974. – nr 29. – S. 46.

4. *Trela E.* Edukacja dzieci polskich w Związku Radzieckim w latach 1941–1946. – Warszawa: PWN, 1983. – S. 25; *Żaroń P.* Ludność polska w Związku Radzieckim... – S. 213–214.

5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. – М.: Наука, 1973. – Т. VII. – С. 398–400.

6. *Иванов Ю.В.* Польские дети в СССР во время Второй мировой войны // *Новая и новейшая история.* – 2012. – № 2. – С. 47.

7. *Głowacki A.* Przemieszczenie obywateli polskich w Związku Radzieckim w 1944 roku. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1989. – S. 6–7; *Żaroń P.* Ludność polska w Związku Radzieckim... – S. 404.

8. *Głowacki A.* Przemieszczenie obywateli polskich... S. 9–10, 85.

9. *Бридня О.П.* Польские этюды: поляки на Кубани в XIX–XX вв. // *Поляки в России: XVII–XX вв. / Научн. ред. исост. А.И. Селицкий.* – Краснодар: Кубанькино, 2003. – С. 260–277.

10. Эдвард Апанель воспитывался в монашеском сиротском приюте в Вильно. В 1940 г. его отдали в семью литовского крестьянина, где с ним плохо обходились. 13 июня 1941 г. он был депортирован вместе с литовской семьёй. По пути их транспорт подвергся немецкой бомбардировке, но они доехали до Новосибирской области. Их разместили в деревне Соболинка. Апанелю пришлось жить самостоятельно и заботиться о своём пропитании. Он подрабатывал на вспомогательных работах и жил в крайней нищете. Перед началом зимы Апанель убежал в село Парбиг, где стал работать в столярной мастерской. Здесь его стала опекать семья польских ссыльных. После провозглашения амнистии, Апанеля отправили в отдалённые поселения, чтобы сообщить об этом другим полякам. Он был на короткое время задержан НКВД. Затем его поместили в польский детский дом в Черемошниках под Томском, который вскоре переехал в Краснодарский край. В 1945 г. Апанель бежал с Кубани и его арестовали как «беспризорного» в Таганроге. Благодаря помощи надёжной польки он выехал в Польшу и поселился в Валбжихе. Здесь у него были проблемы с польскими органами безопасности. Апанель бежал за границу, но затем вернулся в Польшу. В 1953 г. его арестовали. Освобождён по амнистии. Стал работать на шахте в Валбжихе. Реабилитирован в 1988 г. В 1991 г. опубликовал в третьем томе ломжинского издания «Восточные судьбы поляков» свои воспоминания о периоде 1941–1945 гг.

11. Государственный архив Краснодарского края (далее: ГАКК). – Ф. Р-687. – Оп. 3. – Д. 1353. – Л. 169.

12. Fundacja Ośrodka KARTA. Archiwum Wschodnie. I. 0476. Alicja Malina. – S. 24–25; I. 0650. Irena Przywecka. – S. 19.

13. Fundacja Ośrodka KARTA. Archiwum Wschodnie. I. 0476. Alicja Malina. – S. 22; I. 0650. Irena Przywecka. – S. 20–25; I. 0762. Jadwiga Stocka. – S. 28–30.

14. ГАКК. – Ф. Р-687. – Оп.1. – Д. 69. – Л. 294; Оп. 3. – Д. 1353. – Л. 169.

15. Fundacja Ośrodka KARTA. Archiwum Wschodnie. I. 0476. Alicja Malina. – S. 20.

16. Fundacja Ośrodka KARTA. Archiwum Wschodnie. I. 0476. Alicja Malina. – S. 22; I. 0650. Irena Przywecka. – S. 14, 20.

17. ГАКК. – Ф. Р-687. – Оп. 3. – Д. 1346а. – Л. 197.

18. Fundacja Ośrodka KARTA. Archiwum Wschodnie. I. 0650. Irena Przywecka. S. 20; I. 0656. Kazimiera Radlińska. – S. 4.

19. ГАКК. – Ф. Р-535. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 41.

20. Fundacja Ośrodka KARTA. Archiwum Wschodnie. I. 0304. Piotr Juchnowicz. S. 10.

21. ГАКК. – Ф. Р-535. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 214-215; Д. 22. – Л. 372.

22. ГАКК. – Ф. Р-687. – Оп. 3. – Д. 1346а. – Л. 512.
23. Fundacja Ośrodka KARTA. Archiwum Wschodnie. I. 0650. Irena Przywecka. – S. 13.
24. ГАКК. – Ф. Р-687. – Оп. 3. – Д. 1353. – Л. 127, 133, 148, 151.
25. ГАКК. – Ф. Р-535. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 9, 66; *Głowacki A.* Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946). – Łódź, 1994. – S. 75.
26. ГАКК. – Ф. Р-687. – Оп. 3. – Д. 1353. – Л. 169.
27. Fundacja Ośrodka KARTA. Archiwum Wschodnie. I. 0762. Jadwiga Stocka. – S. 29.
28. *Боголюбов А.А.* Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. / *Под научн. ред. А.И. Селицкого.* – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. – С. 187–189;
- Boćkowski D.* Repatriacja dzieci polskich z głębi ZSRR w latach 1945–52 // *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej.* – 1994. – Т. 29. – S. 100–102; *Marciniak W.F.* Powroty z Sybiru. Repatriacja obywateli polskich z głębi ZSRR w latach 1945–1947. – Łódź: Księży Młyn, 2014.
29. *Żaroń P.* Ludność polska w Związku Radzieckim... – S. 276–277.
30. ГАКК. – Ф. Р-535. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 2об.; Ф. Р-1561. – Оп. 1. – Д. 758. – Л. 1–2, 6; Оп. 4. – Д. 1. – Л. 6; Fundacja Ośrodka KARTA. IV/W/267 Spisy dzieci z sierocińców w Uwielce, Turkiestanie, Rostowie n/Donem, Krasnodarze oraz pracowników z Uwielki i Rostawa n/Donem, powracających do Polski. 1946 r.
31. ГАКК. – Ф. Р-535. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 64; Д. 44. – Л. 58.
32. *Żaroń P.* Ludność polska w Związku Radzieckim... – S. 360.

Н.В. Чанура

(г. Черкесск, Российская Федерация)

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА БАТАЛПАШИНСКОГО ОТДЕЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: Статья посвящена культурному наследию казачества Баталпашинского отдела во второй половине XIX – начале XX вв., особенностям взаимодействия с культурой и традициями горских народов.

Ключевые слова: культура, традиции, обряды, Баталпашинский отдел, казачество, православие.

N.V. Chapura
(Cherkessk, Russian Federation)

FEATURES OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE COSSACKS OF THE BATALPASHINSKY COMMUNITY IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Abstract: this article examines the cultural heritage of the Cossaks of the Batalpashinsky community in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, the features associated with the military service of the Cossaks, interaction with the culture and traditions of the people from the highlands.

Key words: Culture, traditions, Rites, Batalpashinsky, community, Cossaks, Orthodoxy.

Основу казачества Баталпашинского отдела Кубанской области во второй половине XIX – начале XX вв. составляли представители двух восточнославянских народов, в лесике того времени – великороссы и малороссы. Согласно переписи населения в 1897 г. казачьих семей с русским родным языком было 5920, с малорусским – 3537 семей.

На развитие культуры казачества Баталпашинского отдела наложила свой отпечаток государственная военная служба казаков, которые храбро и мужественно защищали свою Родину.

Так как многие станицы Баталпашинский отдела находились в горных районах Верхней Кубани, где рядом с казаками жили абазины, черкесы и карачаевцы, что приводило к взаимодействию культур, традиций и обычаев с горскими народами. Этот фактор также повлиял на культуру и традиции казачества, многие заводили дружеские отношения с горцами. Вместе с тем, уклад жизни казаков, их обычаи и традиции отвергали всякое насилие, особенно со стороны невоинского населения, и основывались на уважении к человеку, его достоинству, независимо от вероисповедания, национальности [1].

М.Ф.Куракееваотмечала: «Являясь локальной группой кубанского казачества, верхнекубанские казаки отличались своеобразием в историческом, культурном и хозяйственном отношении, выделялись среди казачьего населения Средней и

Нижней Кубани. Наряду с этим, вбирая в себя разнообразные традиции многих народов, они сохранили в себе основу общерусской культуры» [2].

Одной из основ культуры любого народа является религия, и в системе ценностей именно вера была на первом месте. Казачество Баталпашинского отдела Кубанской области исповедовало православие. Согласно переписи населения 1897 г., официального православия в отделе придерживались 9458 казачьих семей, старообрядчества – 2 семьи [3]. Православие пронизывало всю жизнь казака, поэтому при основании станиц в ее центре первым делом строили церковь.

Православные обряды сопровождали казачество в течение всей жизни, при рождении детей у казака на 9-12-й день ребенка несли в церковь, чтобы над ним совершили таинство Крещение и нарекали христианским именем. После крещения, которое совершалось в основном в воскресенье, в казачьей семье был семейный праздник с застольем. И только после крещения младенца клали в люльку. Отличительной чертой верхнекубанских казаков было то, что при людях они не брали на руки своего ребенка, данная традиция была заимствована у горцев.

В день именин ребенка крестные водили в церковь на таинство Причастие, после храма также устраивалась праздничное застолье. Православные ценности внесли свой вклад и в воспитании детей, одно из главных в казачьих традициях было уважение и повиновение к взрослым и родителям, эти правила соблюдались и у взрослых. Так в программе празднования 200-летия Хоперского казачьего полка и Кубанского казачьего войска, говорилось: «Необходимо изготовить серебряное блюдо для поднесения, согласно давно установившегося у казаков и освященного временем обычая, хлеба и соли старшему, из присутствующих на торжествах начальствующему лицу» [4].

При взрослении казака сопровождала военная служба. После Кавказской войны Хоперский казачий полк, в котором служили казаки Баталпашинского отдела, был командирован в Закавказье. Государство также заботилось о том, чтобы и во время воинской службы удовлетворялись религиозные нужды, для этого была даже создана специальная комиссия в журнале которой говорилось:

«Установить ныне в войсках внебогослужебные собеседования должны получить более определенную организацию и служить как бы школой для сознательного уразумения основных правил веры и нравственности» [5].

В Закавказье ответственными за религиозно-нравственное воспитание казаков командиром полка полковником Логвиным были назначены командующие сотен. В честь 200-летия полка начальство пожаловало средства для строительства походной церкви Хоперского казачьего полка, в которой казаки получали духовное развитие.

Наравне с православными обрядами у казаков Баталпашинского отдела сохранялись архаические традиции: посещение на Пасху кладбищ, распутывание ног при первой ходьбе малыша и т. д.

При смерти казака особенное внимание уделялось похоронно-поминальным обрядам. Суть похоронно-поминального обряда выражалась в двойственном отношении к покойному: с одной стороны, заботясь о нем, его наряжали, одевали в особый костюм, оставляли пищу, с другой, опасаясь, старались его «обезвредить» и помещать возвращению домой [6].

Основой духовно-культурного развития казачества служила проповедь священнослужителя и получения знаний по Закону Божьему в гимназии, поэтому в каждой станицы Баталпашинского отдела были построены церкви. На священнослужителей возлагалась главная задача о духовном развитии казачества, ведь именно они вели в гимназиях предмет Закон Божий.

Самым знаковым событием в духовной жизни было строительство величественного Николаевского собора станицы Баталпашинской, который был культурным достоянием отдела, но к сожалению, был разрушен в советское время. При освящении собора епископом Ставропольским и Екатеринодарским Агафодором 26 сентября 1901 г. собралось все казачество станицы, «при выходе с кареты Владыку приветствовал атаман Баталпашинского отдела brave полковник Иван Николаевич Братков, а затем поднес хлеб-соль от общества атаман станицы» [7].

На территории Баталпашинского отдела располагались древние храмы X в., на территории которых казаки станицы Зеленчукской

хотели основать монастырь. Как пишет в своем дневнике владыка Владимир, «к нему явились два кубанских казака и афонский иеромонах Серафим с просьбой разрешить устроить монашескую обитель при древних храмах в Зеленчукском ущелье» [8]. Основание Александро-Афонского Зеленчукского монастыря произошло 1889 г., он стал центром духовной жизни казачества Баталпашинского отдела. Многие казаки отдела после военной службе уходили в Зеленчукский монастырь и принимали монашество.

После реформ императора Александра II начинается активно развиваться начальное образование, благодаря чему в каждой казачьей станицы были свои училища. Часто учителями в них были образованные казаки, которые заканчивали Кубанскую учительскую семинарию или Ставропольское имперское училище. Но уже в 1912 г. педагогические курсы можно было получить в Баталпашинском городском училище.

В начальных образовательных учреждениях казаков учили писать, читать, начальным основам арифметики и Закону Божьему. Некоторые казаки поступали и получали высшее образование в Ставропольском юнкерском казачьем училище. Наравне с мальчиками и девочки из казачьих семей получали начальное образование, правда в меньшем количестве. В отделе заботились и об учреждении библиотек, благодаря чему казачье общество получило «возможность читать периодические издания и произведения лучших русских авторов и тем удовлетворить необходимой потребности образования общества, стремления к грамотности» [9].

Одной из традиции казачества Баталпашинского отдела было почитание и празднование православных праздниках, воскресных дней, в эти дни запрещалось работать. Так как основным занятием в казачьей семье было сельское хозяйство, то календарь делился на два периода. «Календарная обрядность осеннее-зимнего и весеннее-летнего периода была направлена на охрану здоровья, «очищение от скверны», заботу о будущем, несла в себе аграрно-производящие моменты» [10].

Сегодня исследование духовного наследия казачества Баталпашинского отдела только начинается, но уже сейчас очевидно, что оно отличается богатством и разнообразием.

Примечания

1. *Куракеева М.Ф.* Вернекубанские казаки: быт, культура, традиции. – Черкесск. КЧ ИГИ, 1999. – С. 88.
2. Там же. – С. 55-56.
3. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / *Под ред. Л.В. Македонова.* – Екатеринбург, 1905. С. 334-335.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 408. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 8об.
5. ГАКК. – Ф. 408. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 17.
6. *Куракеева М.Ф.* Указ. соч. – С. 220.
7. Ставропольские епархиальные ведомости. – 1901. – №24. – С. 1406.
8. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М.-Пятигорск, 1992. – С. 142.
9. Государственный архив Карачаево-Черкесской республики. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 1.
10. *Куракеева М.Ф.* Указ. соч. – С. 250.

Т.Ю. Власкина

(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2020 г. по теме НИР «История и культура народов Юга России: между традицией и модернизацией» (№ госрегистрации АААА-А19-119011190182-8)

Аннотация: Статья посвящена этнокультурным одному из аспектов традиционной культуры старообрядческого русского населения (казачков-некрасовцев) традиционной системе питания. Автор, известный донской этнолингвист, приходит к выводу, что значение традиционной кухни казачков-некрасовцев состоит не только в возможности приобщиться к архаическим пластам русской культуры, но и в ее маркирующих свойствах. В сфере кулинарных традиций аккумулированы многочисленные свидетельства

исторического пути этой уникальной этносоциальной группы, которые заслуживают глубокого кросскультурного изучения.

Ключевые слова: традиционная культура, традиционная кухня, казаки-некрасовцы, иноэтничные контакты, этнографические и диалектологические исследования, этнокультурные маркеры

T.V. Vlaskina

(Rostov-on-Don, Russian Federation)

TRADITIONAL CUISINE OF THE NEKRASOV COSSACKS

The publication was prepared as part of the implementation of the state task of the UNC RAS for 2020 on the research topic «History and culture of the peoples of the South of Russia: between tradition and modernization» (state registration no. AAAA19-119011190182-8)

Abstract: The article is devoted to the ethno-cultural aspects of the traditional culture of the old believers ' Russian population (Cossacks-Nekrasov), the traditional food system. The author, a well-known don ethnolinguist, comes to the conclusion that the value of traditional cuisine of the Nekrasov Cossacks is not only the opportunity to join the archaic layers of Russian culture, but also its marking properties. In the field of culinary traditions, numerous evidences of the historical path of this unique ethno-social group have been accumulated, which deserve a deep cross-cultural study.

Key words: traditional culture, traditional cuisine, Nekrasov Cossacks,

Изучение национальных кулинарных традиций – одно из интереснейших и активно развивающихся в последние десятилетия направлений этнологических исследований, тесно связанных с проблематикой межкультурных взаимодействий и вопросами освоения природно-хозяйственной среды. Любой коллектив, имеющий опыт дальних переселений и длительных иноэтнических контактов, обладает собственной конфигурацией употребления исконных и заимствованных блюд в повседневном и праздничном быту, насыщения рецептуры экзотическими продуктами. Рассмотрим это явление на примере кулинарных предпочтений казаков-некрасовцев.

Казаки-некрасовцы – группа русских старообрядцев, согласно преданию, ведущих свою историю от участников Булавинского восстания 1708 – 1709 гг. Спасаясь от преследования со стороны российской императорской власти, оставшиеся в живых повстанцы,

под предводительством атамана Игната Некрасова нашли убежище в соседних землях. В разное время тот же путь совершили и другие группы старообрядцев. В 1911–1962 гг. выходцы из нескольких старообрядческих поселений, сконцентрированных к тому времени в малоазийской части османской Турции и в северо-западной Добрудже, стали переселяться обратно в Россию – сначала в Российскую империю, затем в СССР. Среди них значительную часть составляли казаки-некрасовцы, были также представители липован и дунаков, в виде отдельных общин и в смешанных семьях. Переселенцы стали размещаться на Дону, в Закавказье, и на Северном Кавказе – на Кубани и в Ставрополье. Судьба этих поселений различна. В настоящее время наибольшую цельность и сохранность некрасовской традиции имеют общины, образованные мигрантами последней волны (1962 г.), которые проживают в поселках Новокумский, Малосадовый и Кумская Долина Левокумского района Ставропольского края.

Кулинарные традиции некрасовцев вызывали живой интерес у авторов, которые одними из первых обращались к бытописанию «русских подданных султана» – М.С. Чайковского (Садык-Паши), В.И. Иванова-Желудкова, В.Ф. Минорского, Я.И. Смирнова. Как правило, эти авторы отмечали черты, указывающие на русское происхождение некрасовской кухни. В частности, Я.И. Смирнов пишет о высоком значении рыбы и вина в системе питания. Среди привычных закусок он упоминает не только сазанью «красную» икру с луком, но и квашеную капусту, пшеничный хлеб, в качестве главного блюда напутственной трапезы называет «"кашники", оладьи из риса на яйцах с медом» [1].

Этнографические и диалектологические исследования, которые проводились в советское и постсоветское время на поселениях казаков-некрасовцев в Ставропольском крае, включали вопросы по кулинарной теме. Это нашло отражение в обобщающих публикациях – словаре некрасовского говора О.К. Сердюковой (2005), монографии Л.А. Якоби, посвященной культурному наследию казаков-некрасовцев (2011) и др.

Специальное внимание традиционной системе питания было уделено в программе этнолингвистических экспедиций ЮФУ – ИСЭГИ ЮНЦ РАН 2007, 2010, 2011, 2013 гг. и в работе по проекту

«Русская связь» 2016 г. [2]. В этих исследованиях впервые был осуществлен комплексный подход к изучению традиционного наследия казаков-некрасовцев и сделан ряд выводов об иерархических отношениях между отдельными категориями культурных явлений. Было установлено, что в контексте миграционной активности некрасовских общин этнографические факты из сферы кулинарии могут рассматриваться как достаточно объективные маркеры исторической динамики культурного своеобразия, формирование которого было продуктом баланса между установкой на консервативность и необходимостью адаптироваться к чуждым природно-хозяйственным условиям. Настоящая работа продолжает данное направление, основным ее источником являются материалы экспедиций ЮФУ – ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

В последнее десятилетие интерес к традиционной кухне получил разнообразное выражение в деятельности Новокумского филиала Ставропольского краевого музея изобразительных искусств. В сборе этнографического материала от старожилов некрасовской общины запись кулинарных рецептов стала занимать важное место, а их приготовление и дегустация превратились в элементы интерактивных экскурсионных программ. В развитии этого направления собирательской работы есть большая заслуга Агафьи Васильевны Мироновой, которая сама, будучи носительницей некрасовской традиции и одновременно авторитетной сотрудницей филиала, увлеклась идеей создания иллюстрированной кулинарной энциклопедии казаков-некрасовцев. В задуманном ею виде этот проект не был осуществлен, но тема стала популярной. В 2016 г. кухне казаков-некрасовцев была отведена специальная страница на сайте Ставропольского краевого дома народного творчества. Феномен получил статус объекта нематериального культурного наследия, характеризуя который составители пояснительного текста подчеркивают, что блюда некрасовской кухни представляют «особый интерес для исследования традиционной русской культуры» [3]. Это, без сомнения, справедливо, поскольку среди повседневных и праздничных блюд существенное место занимают зерновые каши и выпечка различных видов, в том числе на дрожжах из домашнего

хмеля. При этом процессы приготовления имеют ряд особенностей, которые отмечаются специалистами как характерные черты пищевых обычаев русских [4]. Однако, среди каш на первом месте, по частоте употребления в некрасовском быту, находится не слишком характерная для старорусской кухни каша из рисового зерна. Причем за рисом сохраняется, не бытовавшее повсеместно в России вплоть до конца XIX в., название «сарацинское пшено» (прежде чем оно сменилось фонетической «калькой» с английского rice), адонское диалектное *принч* – от турецкого *pirinç* [5]. Нельзя не заметить определенные инновации и в приготовлении даже самых традиционных кушаний. Так, архаичное повседневное блюдо *саламата*, известное с глубокой древности славянам, татарам и популярное среди донских и запорожских казаков, в связи с усложнением рецепта, приобрело у казаков-некрасовцев ярко выраженный средиземноморский колорит.

А.В. Миронова описывает приготовление саламаты следующим образом. В кипящую воду тонкой струйкой вливают взбитую в холодной воде муку и варят, помешивая. Готовая саламата может быть густой или жидкой, сладкой или соленой – зависит от добавок к основе. В *простую* добавляют соль и обжаренные на оливковом масле крошки хлеба с мелко рубленным луком, молотым черным перцем. Ее подают с квасом. Для приготовления сладкой саламаты, которую обычно делают более густой, с крошками хлеба обжаривают толченый арахис и, прежде чем снять с огня, добавляют сахар. Затем мучную основу перекладывают в формы слоями, пересыпая каждый слой сладкой жареной массой. Такую саламату запивают *кушавом* – фруктовым компотом (от турецкого *hoşaf*) (А.В. Миронова, зап. Т.Ю. Власкиной в 2013 г., с. Новокумское).

Таким образом, даже беглый обзор материалов показывает, что культурно-историческое значение феномена некрасовской кухни гораздо сложнее, чем простое сохранение старорусских рецептов.

Все доступные источники, как письменные, относящиеся к XIX в., так и многочисленные современные воспоминания о жизни в Турции свидетельствуют, что основу системы питания некрасовцев всегда составляла рыба. Это было связано, прежде всего, с особенностями их хозяйственного уклада, в котором доминировал

рыболовецкий промысел. А.К. Рабчевская, работавшая в ставропольских общинах вскоре после реэмиграции в 1962 г., утверждала будто, по рассказам, рыбное меню было до такой степени однообразным, что становилось причиной болезней, которые в отсутствии медицинской помощи даже приводили к смертям [6]. Возможно, данное суждение относилось к какому-то определенному периоду или было связано с желанием переселенцев подчеркнуть тяготы жизни на чужбине, – подобные тенденции прослеживаются в ранних записях. Согласно современным интервью, привычка к определенному типу пищи сделала ее элементом ностальгии: «Мы там насчет рыбы проблем не знали, а здесь мы с ума сходили без рыбы, мы к ней привыкли. Это наша основная еда, а мясо есть никто не хочет – подавай рыбу» [7]. Не столько нехватка рыбы вообще, сколько отсутствие определенных видов создавало проблемы после приезда в СССР. Щука, тарань, сазан, кефаль, скумбрия, сом, судак, сельдь, камбала – разнообразие рыбы, употреблявшейся в пищу, включало не только речные, но и мирские виды, распространенные в Мраморном и Средиземном море. Не удивительно, что рыбные прилавки Ставрополя производили на некрасовцев гнетущее впечатление. «Хек, минтай – как из них готовить? Наши в Куме ловили, да удачи не было, там и вода не всегда бывает» (Т.Т. Елисютикова, зап. Т.Ю. Власкиной в 2010 г., с. Новокумское).

В экспедиционных материалах имеется большое количество описаний рыбных блюд, одни из которых входят в повседневные, а другие - в ритуальные меню. Для застолья на престольный праздник и на поминки подходят белый рыбный *стюдень* (холодный суп), рыба *облитая* (обжаренная и тушеная с луком и томатом).

На свадьбу готовили *икорку*– сазанью или щучью подсоленную икру, взбитую, с растительным маслом и лимонным соком; салат из сушеной щуки с уксусом и чесноком; салат из раков. Кроме рыбы кусочками для свадебного угощения обязательно жарили тарань целиком. В этом, судя по другим сведениям, был элемент свадебного половозрастного символизма. Сушеная или жареная *насухо* некрупная таранка служила традиционным угощением для молодежи во время вечеров у невесты, наряду с жареными

семечками и сладостями (М.В. Берестёнева, зап. Т.Ю. Власкиной в 2013 г., с. Новокумское).

К сложным праздничным блюдам, не имеющим, по всей видимости, ритуального значения относятся раки, фаршированные рисом. Любопытно, что в дельте Дона известно похожее блюдо – раковый суп с панцирями, наполненными смесью пшенной или рисовой крупы и мяса раковых шеек, которое обладает таким же неясным праздничным статусом, будучи при этом слишком трудоемким для повседневной трапезы [8].

По будням готовили *шарбу* (уху), рыбу жареную в *меднике* (чугунном горшке с узким дном), запеченную с капустой, на каше, жареную на *сопре* (в большой жестяной сковороде), рыбы головы, запеченные с овощами, жареные *аксени* и *маранушки* (рыбы внутренности). Другое блюдо из мелко нарезанных внутренностей рыбы, напоминающее кашу, называется *сальник*. По словам информантов, сальник – это воспоминание детства, в России его уже не готовили. Еще в Турции готовили впрок солонину из рыбы, которую по мере надобности вымачивали и запекали большими ломтями в русской печи. А вот вареники с рыбой (обычно с мясом сома – их так и называли *соминые* вареники), популярны до сих пор. У соминых вареников имеется и ритуальный статус: их готовят для специального *обеда стряпух*, который собирают на другой день после *храма* - престольного праздника [9].

В предварительной подготовке рыбы прослеживаются регионально маркированные приемы. К примеру, некрасовские казачки готовят крупную рыбу к жарке так же, как это делают на Нижнем Дону. Тушку весом 2–3 кг разрезают вдоль позвоночника, разворачивая для того, чтобы вынуть внутренности. В дельте Дона такой тип разделки называют *на плат*. Отделяют плавники, хвост, хребет – эти части используют для приготовления ухи. Обе половинки рыбеи тушки *куропят* (делают частые надрезы, достигающие костей), а затем разрезают на порции шириной примерно 3 пальца (Е. И. Бабаёва, зап. Т.Ю. Власкиной в 2013 г., с. Новокумское).

Одним из оригинальных блюд обрядовой некрасовской кухни является белый или рыбный студень. Он немного напоминает окрошку с сушеной рыбой, известную донским старожилам на

Нижнем, но особенно на Верхнем Дону. Правда, там квас часто заменяют молочной сывороткой. Однако некрасовский рецепт имеет меньшее число ингредиентов, но более сложную процедуру приготовления. Как и должно быть в допетровской кухне, традиции которой чтут старообрядцы, в белом студне исключен картофель. Это подчеркивает ритуальный статус блюда, поскольку в повседневной трапезе «грешный» корнеплод занял прочное место в супах, стал запекаться с рыбой, кореньями или рисом в меднике. Появилась даже особая некрасовская манера готовить картофель, обжаривая крупными дольками.

Для рыбного студня свежую щуку чистят, тщательно промывают и кладут в рассол от 10 дней до 2-х недель. Затем рыбу сушат, но не до готовности и запекают в русской печке. В процессе запекания она должна приобрести коричневатый цвет. «Когда рыба запекается, печь должна быть натоплена жарко, но уже прогореть, чтобы огня уже не было, а в печи оставались почти потухшие угольки... тогда она вбирает в себя запах дымка..., а запах сырости рыбы отдаёт. Тогда студень не будет пахнуть сыростью», – подчеркивала А.В. Миронова (А.В. Миронова, зап. Т.Ю. Власкиной в 2013 г., с. Новокумское). В своих сборах материалов по кулинарии, которые она вела, советуясь с наиболее авторитетными *старинными*стряпухами, Агафья Васильевна уделяла пристальное внимание подобным деталям, пытаясь добиться полной идентичности вкуса, вида и запаха каждого блюда. В то время как рыба запекается, на огне, разведенном в открытом очаге, кипятят в котле воду. Затем запеченную рыбу кладут примерно на 10 минут в крутой кипяток, для того, чтобы она стала достаточно мягкой, после чего ее вынимают из котла, остужают и руками разбирают на волокна. Отдельно очень острым ножом режут как можно мельче лимон вместе с цедрой, чеснок и укроп. Чтобы блюдо не горчило, нужно брать лимоны тонкокорых сортов. Все ингредиенты смешивают, заливают белым хлебным квасом и дают 2 часа настояться.

Но, несмотря на значение рыбы, на важность и разнообразие выпечки, сложно не заметить в рационе казаков-некрасовцев обилия овощей и специй. К наиболее популярным относится перец нескольких видов – сладкий болгарский, горький, жгучий,

душистый. Баклажаны, фасоль, бобы, горох, помидоры, огурцы, капуста, кукуруза – эти и другие огородные культуры существенно разнообразили рыбное меню. Как и средиземноморские фрукты – уже упоминавшиеся лимоны, а кроме них – инжир, виноград, гранат, апельсины. Тыква, которую называют *тамбулка* (видимо, редуцированное «стамбулка» –привезенная из Стамбула), является основой нескольких колоритных блюд. Различают тыкву-тамбулку и тыкву-рустянку (т.е. греческую). Кроме мякоти плода в пищу идут тыквенные семечки, из которых, как и из арахиса, и различных орехов готовят халву, соусы к сладким блюдам. Из арбузов варят хорошо известный прежде на Дону *нардек* (арбузный мед). Сейчас чаще готовят на подсолнечном масле, но обязательно подчеркивают, что оливковое лучше и в Турции обычно готовили на нем, что конечно не могло не отражаться на вкусе блюд. Лук и чеснок, незаменимые в современной русской кухне, употребляются некрасовцами в гораздо больших количествах, чем это принято обычно. Есть даже закуска из лука, сваренного целиком вместе в фасолью: готовую луковицу вынимают из фасолевого бульона, не допуская ее разваривания, и подают как отдельное блюдо. Подобное внимание к луку и чесноку соответствует и восточным вкусам, и средневековым обыкновениям русского крестьянства. По мнению специалистов, «Эти два зелия составляли в питании русских предмет первой необходимости», решая, видимо, не только пищевые, но лечебно-профилактические задачи [10].

Состав и способы употребления растительных продуктов, особенности сочетания ингредиентов и специй – все это дает многообразную информацию для анализа. Следует отметить, по крайней мере, три типа восприятия инноваций в области кулинарии. Во-первых, это замена недоступных продуктов местными, - такая модель, видимо, является самой первой, вынужденной мерой при адаптации в новых природно-хозяйственных условиях. Затем, видимо, в традиционные кушанья начинали добавлять ранее не употреблявшиеся ингредиенты, прежде всего, специи, что может свидетельствовать об изменениях вкуса: немного пресные русские блюда в изгнании приобретают остроту и аромат востока. И, наконец, в рацион практически без изменений входит ряд экзотических блюд, употребление которых

не противоречит религиозно-пищевым табу сообщества. Иногда за экзотами сохраняются иноязычные названия, которые, впрочем, могут претерпевать определенные искажения.

Например, *пляцинда* – популярный на праздничном столе южных старообрядцев слоеный пирог из пресного теста с тыквенной начинкой, в котором без труда угадывается румынская плацинда.

Для приготовления теста муку нужно просеять в большую чашку, сделать в ней углубление в виде воронки, в которое медленно вливают теплую смесь из воды, соли и растительного масла. Замешивают крутое эластичное тесто как на домашнюю лапшу, но без яиц. Для начинки тыкву следует очистить от кожуры, протереть на тёрке и положить в посуду с отверстиями для стока лишней жидкости. Тесто делят на несколько частей и раскатывают очень тонкие пышки, которые смазывают постным маслом, посыпают тёртой тыквой с сахаром и сворачивают в рулетики. Рулетики выкладывают в сковороду, сбрызнутую растительным маслом, и затем сдабривают весь пирог сверху сметаной. Выпекать нужно в русской печи (Т.Т. Елисютикова, зап. Т.Ю. Власкиной в 2010 г., с. Новокумское). Такая *пличинда* характерна для староверов Добруджи, где помимо тыквы в качестве начинки используют брынзу, фрукты. Это блюдо, без сомнений, является дунайским следом в кулинарной истории некрасовских казаков [11].

Тыква, вернее, тыквенные семечки используют для приготовления, так называемой, *табульной лапши*. Из жареных и тщательно истолченных семечек варят особый соус, в который затем бросают лапшу, доводят до кипения и снимают с огня (А.В. Миронова, зап. Т.Ю. Власкиной в 2013 г., в с. Новокумском). Такую лапшу еще называют *лапша с халвой*, вероятно потому, что в Турции популярна халва из тыквенных семечек.

Не менее многозначительна *пязь* – салат из фасоли с луком, чесноком, черным перцем и укропом под острой заправкой из уксуса и оливкового масла. В этой холодной закуске без труда угадывается турецкий *piyaz* [12].

Консервативность некрасовских традиций, направленных на сознательное сохранение культуры и языка предков *по завету Игната* не противоречила восприятию в повседневном быту

иноземных кулинарных обычаев, поскольку от чужеродных воздействий тщательно оберегалась обрядовая пища. Она должна была остаться без искажений, как элемент аксиологического ядра культуры, наряду с языком, верой и казачьим законом. Во многом эта задача была решена: сложился комплекс обрядовых блюд, которые до сих пор готовятся к престольному празднику (*на мирской обед*). Их рецептура выдерживается до мельчайших подробностей и именно в ритуальном меню сильнее всего заметен старорусский дух, а также определенные переключки с кухней раннего донского казачества. К этой группе, безусловно, относятся *с кашей пироги* – большие плоские пирожки из постного теста с рисом и изюмом, которые пекут *на поду* русской печи. Многочасовой процесс выпечки с кашей пирогов довольно трудоемок, для обычных застолий их не готовят, только для престольного праздника и на поминки. Ушла эта старинная выпечка и из свадебного меню, согласно которому с кашей пироги подавали на второй день торжества. Однако до сих пор они остаются чем-то вроде символа непрерывающейся связи с наследием предков, которая длится третье столетие. Старшая дочь В.П. Саничева, приведшего некрасовцев из Турции в 1962 г., Мария Васильевна однажды сказала, что отец много сил употребил в свое время, чтобы убедить старших казаков в необходимости бережного сохранения своих традиций. Пусть даже речь идет о сложных в приготовлении пирожках – «их не будет и нас не будет», будто бы так говорил Василий Порфирьевич (М.В. Берестёнова, зап. Т.Ю. Власкиной в 2013 г., с. Новокумское). Этой мысли вторят и другие информанты: «Не с нас с кашей пироги начались, не нами и закончатся» [13].

Вместе с тем, и в обрядовой сфере можно обнаружить инокультурное воздействие. В частности, сладкое блюдо под немного странным названием *скулакапышечки*, которое вошло в реестр обязательных угощений *на храм* и на поминальный обед, очень напоминает турецкие десерты *lokma* и *tulumba*, которые еще называют «султанскими лакомствами». Это сладкие шарики из теста, в первом случае, обжаренные в масле и политые сахарным или медовым сиропом, а во втором, вареные в густом сиропе с добавлением орехов или арахиса [14]. Не просто обстоит дело с

происхождением традиционного слабоалкогольного напитка *бузы*, который готовят для женской трапезы ко дню благодарения повитух. Буза известна на Руси с XII в. – «бузой» или «полпивом» называли брагу из разваренного и заквашенного пшена с медом [15]. Однако и в турецкой кухне есть подобный напиток с похожим названием – боза, который является результатом брожения толченой крупы или муки с дрожжами и сахаром [16]. Их происхождение возможно взаимосвязано исторически, но к последнему рецепту буза, которую готовят некрасовцы, ближе, поскольку, как и местные турки, они заквашивают напиток кукурузной мукой на дрожжах [17]. Подобные проникновения связаны со сложными процессами дискретной инкультурации. Очевидно, что при многократных переселениях мигрантам становится все сложнее дифференцировать «свое» и «чужое» в таких мельчайших деталях, как того требует традиция, поскольку помимо основной культурно-генетической метрополии в их сознании формируется некое множество мест исхода.

Таким образом, мы можем заключить, что значение традиционной кухни казаков-некрасовцев состоит не только в возможности приобщиться к архаическим пластам русской культуры, но и в ее маркирующих свойствах. В сфере кулинарных традиций аккумулированы многочисленные свидетельства исторического пути этой уникальной этносоциальной группы, которые заслуживают глубокого кросскультурного изучения.

Примечания

1. *Смирнов Я.И.* Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада, на Бешеирском озере, Гамид-Абадского санджака, Конийского Вилайета // *Живая старина*. – СПб, 1896. – Вып. 1. Год шестой. – С. 12, 28, 30.

2. *Власкина Т.Ю.* К вопросу о современном состоянии традиционной культуры казаков-некрасовцев, проживающих на Ставрополье: итоги комплексной экспедиции ЮНЦ РАН – ЮФУ 2010 г. // *Мир славян Северного Кавказа*. – Вып. 6 / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. – Краснодар, 2011. – С. 111–119; *Зудин А.И., Власкина Н.А.* Русская связь: история и культура старообрядчества юга России и зарубежья. Приморско-Ахтарск: [б.и.], 2016. – С. 16, 17, 57, 82–85, 116–122.

3. Кухня казаков-некрасовцев. URL: <http://skdnt.ru/onn-kuhnya-kazakov-nekrasovtsev/>(дата обращения 05.08.2020).

4. Русские / *Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук.* – М.: Наука, 2005. – С. 357–366.

5. *Рыбальченко Т.Е.* Турецко-русский и русско-турецкий словарь = Türkçe-rusça ve rusça-türkçe sözlük: Ок. 40000 слов и словосочетаний. – М.: Рус. яз., 2001. – С. 423; Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний. – М.: ООО «Русские словари»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство Аст», 2003. – С. 614.

6. *Рабчевская А.К.* Вновь обретенная родина. О казаках-некрасовцах. – Ставрополь, 2012. – С. 31.

7. Кухня казаков-некрасовцев. URL: <http://skdnt.ru/onn-kuhnya-kazakov-nekrasovtsev/>(дата обращения 05.08.2020).

8. *Матишов Г.Г., Власкина Т.Ю., Венков А.В., Власкина Н.А.* Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – С. 192.

9. *Зудин А.И., Власкина Н.А.* Указ. соч. – С. 121.

10. Русские. – С. 355.

11. *Зудин А.И., Власкина Н.А.* Указ. соч. – С. 16.

12. Из турецкой кухни. URL:<https://kuku.travel/country/turciya/tureckaya-nacionalnaya-kuhnya-kakie-blyuda-poprobovat/> (дата обращения 02.08.2020).

13. *Зудин А.И., Власкина Н.А.* Указ. соч. – С. 119.

14. Национальная кухня Турции URL: http://www.ybereg.com/ru/zarubezhe/detail/617/Nacionalnaya_kuhnya_Turcii.html (дата обращения 02.08.2020).

15. Русские. – С. 356.

16. Национальная кухня Турции URL: http://www.ybereg.com/ru/zarubezhe/detail/617/Nacionalnaya_kuhnya_Turcii.html (дата обращения 02.08.2020).

17. Кухня казаков-некрасовцев. URL: <http://skdnt.ru/onn-kuhnya-kazakov-nekrasovtsev/>(дата обращения 05.08.2020).

В.Н. Ракачëв, О.В. Матвеев
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ПОЛЯКИ
(материалы к энциклопедии «Народы и культуры Кубани»)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-49-230008 р_а, «Народы и культуры Кубани: энциклопедия»

Аннотация: Статья посвящена роли поляков в истории, культуре и этнокультурном пространстве Кубани и Черноморья. Прослежены этапы освоения края польским населением, численность, участие в политической, экономической и культурной жизни.

Ключевые слова: поляки, Кубань, Черноморье, культура, идентичность, историко-культурные связи.

V.N. Rakachev, O. V. Matveyev
(Krasnodar, Russian Federation)

POLES
(materials for the encyclopedia «Peoples and Cultures of the Kuban»)

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-49-230008 r_a, «Peoples and Cultures of the Kuban: Encyclopedia».

Abstract: The article is devoted to the role of Poles in the history, culture and the ethnocultural space of the Kuban and the Black Sea region. The stages of the development of the region by the Polish population, the number, participation in political, economic and cultural life are traced.

Key words: Poles, Kuban, Black Sea region, culture, identity, historical and cultural ties.

Поляки (самоназвание *поляци*) – западнославянский народ, отдельные представители и группы которого были заметно

представлены в этнокультурном пространстве Кубани и Черноморья. Регион привлекал к себе польских идеологов сарматизма уже в позднем средневековье как мифическая прародина, где были заложены атрибуты и символы рыцарской шляхетской идеологии [1]. Согласно этой мифологической концепции, шляхтичи являлись потомками древних сарматов, в прошлом населявших Азиатское Причерноморье [2]. «Сарматизм» во многом влиял на стремление магнатов и шляхты Речи Посполитой колонизовать «родину предков», вдохновлял на опасные путешествия на Северный Кавказ [3]. В регионе зафиксированы археологические находки польских монет и изделий польских ремесленников XIV–XV вв. [4]. Одним из самых ранних свидетельств пребывания поляков на Северо-Западном Кавказе является упоминание священнослужителя Иона Валенси, обращавшего в католичество «ясов и другие народы на берегу Черного моря» в первой половине XIV века. Впоследствии польские дипломаты, путешественники Себастьян Алерс, Богдан Гурдзицкий, Мартин Броневский, Ян Потоцкий и др. посещали край и оставили описания своих путешествий [5].

Немало выходцев из польского народа находилось в среде черноморского и линейного казачества, осваивавших территорию Кубани в конце XVIII – первой половине XIX вв. В списках казаков Черноморского казачьего войска нередко указания «из польского шляхетства», «из польской нации», «из польских уроженцев» в отношении казаков Вербицких, Василенко, Кумпанец, Бойчевских, Шинковецких, Наумовых, Доможирских, Маглиновских, Летевских, Музила, Гардовских, Яворовских и др. [6]. В Кавказском Линейном казачьем войске в 1832–1860 г. служили около 200 нижних чинов польского происхождения и их потомков, и около трёх десятков офицеров и генералов: А.А. Иедлинский, Ф.А. Круковский, А.С. Войцицкий, И.Ф. Ростковский, А. Крижановский, В.О. Опацкий и др. [7]. Известные офицеры и генералы польского происхождения служили и в Кубанском казачьем войске во второй половине XIX начале XX вв.: Л.А. Ржевусский, С.А. Окулич, А.Ф. Арцышевский, С.И.Ф. Антонов-Лисовский, Я.И. Медушевский, К.И. Раковский, А.А. Пяновский, среди которых были командиры

сотен, пластунских батальонов и конных полков, атаманы отделов, полковые историки и бытоописатели, военные врачи [8].

Значительно число поляков находилось в рядах впоследствии, Кавказской армии: в 1835–1846 г. в Отдельный Кавказский корпус было призвано 14430 рекрутов-поляков [9]. Кроме того, в состав корпуса было зачислено 1865 участников восстания 1831 г. [10]. Многие из них оказались в гарнизонах укреплений Черноморской береговой линии. Генерал Г.И. Филипсон в своих воспоминаниях отмечал, что «поляков в войсках береговой линии, офицеров и солдат, было более 10%» [11]. Большинство из них добросовестно выполняли воинский долг, выслужили немалые чины и ордена, пополнили после присоединения края к России ряды местной администрации. Так, Франц Людвигович Гутовский, участник восстания 1831 г. был зачислен рядовым в Навагинский пехотный полк. Однако это не помешало ему выслужить офицерский чин, занимать должности батальонного адъютанта, а затем заведующего казенным инженерным имуществом в городе Анапа [12]. Выйдя в отставку в чине подполковника, он 15 лет был городским головой г. Темрюка. При Ф.Л. Гутовском в городе были открыты училища и больницы, развивался порт, строились мельницы и маслобойни [13]. Рассказывая об участниках освоения Черноморского побережья Кавказа бывших польских студентах Рукевиче, Завадском и Самарском, один из мемуаристов отметил, что «первый дослужился до генеральского чина (был воинский начальник в Екатеринодаре), второй также, уже будучи генералом, зверски убит разбойниками близ г. Сухума в 1886 г. Третий дожил до глубокой старости и в чине майора управлял именем генерала Сафалова» [14]. В то же время в числе дезертировавших из войск солдат имелись и польские уроженцы. Начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н.Н. Раевский отмечал: «В земле черкесов много беглых из русских и поляков. Некоторые из них находятся там 10–15 и более лет. Многие женаты» [15]. Однако служение интересам многонациональной империи ставило польских военных в положение связующего звена между Россией и родиной, превращало «границу-стену» (border) в границу-контактную зону

(frontier). В такой ситуации польская идентичность проявлялась не столько в оппозиционности войне с горцами, сколько в сохранении традиционных ценностей и веры [16].

Помимо военной колонизации поляки приняли участие и в хозяйственном освоении региона. В 1870 г. было основано компактное поселение поляков, выходцев из Подольской губернии – деревня Раздольная. В 1872 г. здесь проживало 133 чел. [17], которая заселялась до 1894 г. В 1897 г. деревня состояла из 44 семей русских и поляков [18]. Однако большинство раздольненских поляков приняли православие, писались русскими и сберегали польскую идентичность лишь на уровне семейной памяти [19]. В 1904 г. в Раздольной насчитывалось 355 жителей, лишь один из них значился поляком, остальные – русскими [20].

При незначительной численности в составе населения Кубани и Черноморья польские переселенцы играли заметную роль в социальной и политической жизни края. В 1881 г. в Кубанской области проживали 2522 чел. польского происхождения, в Черноморском округе – 111 чел. Поляки селились в основном в городах и крупных станицах, где служили адвокатами и нотариусами, чиновниками, учителями, врачами, техническими служащими или же занимались ремеслом и мелкой торговлей [21].

Согласно данным переписи 1897 г. польский как родной язык указали 2719 чел. в Кубанской области и 731 чел. Черноморской губернии. Соответственно в населении Кубанской области поляки составляли 0,14%, и 1,27% в Черноморской губернии [22]. Мужчины у поляков в Кубанской области и в Черноморской губернии составляли по 68% (1852 и 498 чел.). Значительный дисбаланс в половой структуре польского населения региона объясняется недавним переселением [23]. Специфика хозяйственной деятельности польского населения предопределила соотношение горожан и сельских жителей в составе данной этнической группы. В Кубанской области по данным переписи 1897 г. 48,0% (1300 чел.) поляков проживали в городах и 52,0% (1419 чел.) в сельской местности, в Черноморской губернии соответственно 53,7 и 46,3%.30% (809

чел.) поляков проживали в Екатеринодарском отделе, причем большая часть – в самом Екатеринодаре (674 чел. или 83,3%). Остальные 70% относительно равномерно распределялись по оставшимся шести отделам: в Баталпашинском – 7%; Ейском – 10,8; Кавказском – 13,9; Лабинском – 13,9; Майкопском – 13,1; Темрюкском – 11,3%.

В конфессиональном отношении польское население было практически однородным: 91,5% (2488) чел. исповедывали римско-католическую веру, православие – 191 чел., лютеранство – 31 чел., баптизм – 2, кальвинизм – 2, армяно-католицизм – 5 чел. Отличительной чертой польской диаспоры Кубани был высокий уровень образования. 36,8% (682 чел.) мужчин и 35,5% (308 чел.) женщин могли читать и писать, в том числе среди мужчин были «грамотными на других языках» 7,3% (136 чел.). Заметным было стремление польских семей создать равные возможности в сфере образования. Одна из характерных особенностей кубанских поляков – большая доля лиц привилегированных состояний: дворян потомственных и личных, приравняемых к ним чиновников и почётных граждан – 24% (335 чел.), из которых 18,3% (260 чел.) были потомственными дворянами [24]. Доля занятых в администрации, суде, полиции, на общественной и военной службе составляла 23%. Среди других сфер деятельности следует отметить земледелие – 14,2%, транспорт – 12,7%, частная служба и поденная работа – 12,4%, врачебно-санитарная – 4,4%, торговля – 4%, изготовление одежды – 4,5%, учебно-воспитательная деятельность – 1,6% [25].

Представители польского народа участвовали в формировании правовой культуры Кубани и Черноморья, традиций благотворительности и праздничных ритуалов. Общественная деятельность польской колонии внесла заметный след в духовную жизнь города Майкопа [26], селения Армавир [27]. Поляки сыграли решающую роль в создании и развитии Екатеринодарской приходской церкви во имя Розария Пресвятой Девы Марии (1893 г.), Новороссийского молитвенного дома во имя Св. Анны (1895 г.), Армавирского молитвенного дома Иконы Ченстоховской Божьей Матери (около 1909 г.), Майкопской филиальной церкви во имя Св. Антония Паданского (1914 г.).

Важной сферой проявления польской идентичности стали организуемые при костёлах благотворительные общества: екатеринодарское (1904 г.), армавирское (1912 г.), новороссийское (1913 г.), геленджикское (1917 г.) [28]. Екатеринодарское римско-католическое общество пособия бедным устраивало благотворительные вечера, ставило любительские спектакли на польском языке, поддерживало связи с религиозными центрами в Варшаве, Люблине, Вильно. Литературным и культурным польским центром в Екатеринодаре по сути стал дом Викентия Феликсовича и Петра Павла Буковских, где имелась огромная библиотека изданий на польском языке, собирались представители польской интеллигенции и общественности [29]. В Армавире действовало римско-католическое училище для поляков и объемная библиотека духовных и светских (беллетристика) книг [30].

Кубанцы с благодарностью вспоминают основателя курорта Анапы Владимира Адольфовича Будзинского [31], построившего первую в Мацесте водолечебницу Виктора Францевича Подгурского [32], создателя горячеключевского курорта Мечислава Адамовича Рымашевского [33].

Существенные изменения в социально-демографической структуре польского населения внесла Первая мировая война. В регионе появилось много беженцев и эвакуированных из Царства Польского. По данным на 1915 г. в Кубанской области проживали 4237 поляков, из них в городах – 2140 чел. (в Екатеринодаре – 2140 чел.) [34]. На базе римско-католических благотворительных обществ появляются Польские общества вспомоществования жертвам войны (Екатеринодарское, Армавирское, Майкопское, Сочинское), которые играли консолидирующую роль [35]. Представители отдельных польских землячеств теперь «чувствовали своё единство и могли обмениваться идеями в рамках общей структуры, собираться на объединяющие съезды в империи» [36].

После провозглашения независимости Польши многие поляки устремились на Родину. По результатам Переписи 1920 г. в Кубано-Черноморской области проживало 7238 поляков [37]. В 1920-х гг. в Кубано-Черноморской области была создана

Польская секция Кубокружка ВКП(б), проводившая работу с польским населением [38], действовали польские школы в Краснодаре, Новороссийске, Армавире.

Согласно переписи 1926 г. в пределах четырех округов польское население согласно графе «национальность» составило 7394 чел. В то же время только 36% самоопределивших себя в качестве поляков назвали родным языком польский. Подавляющее большинство – 54% обозначили родным языком русский и 10% в качестве родного назвали прочие языки. Большая часть поляков концентрировалась в Кубанском (35,3%) и Черноморском округах (27,3%), значительно меньше их проживало в Армавирском (22,1%) и Майкопском (15,3%) округах. В городах проживали 52,8% поляков, в селе – 47,2%. Вместе с тем больше половины всех городских жителей-поляков (57,4%) компактно проживали в двух городах – Краснодаре (33,8%) и Новороссийске (23,6%). Несколько выравнивается соотношение полов у поляков, которое по данным переписи 1926 г. было следующим: 51,3% составляли мужчины и 48,7% – женщины.

Доля грамотных среди поляков Кубани составила 72,6%. Уровень грамотности выше среди мужчин и составил 77,3%, среди женщин – 67,7%. Но число лиц, владеющих грамотой на родном польском языке несколько выше у женщин – 29,7%, тогда как у мужчин тот же показатель равен 27,2%. Совсем незначительной была численность поляков в пределах Адыгейско-Черкесской АО, их насчитывалось здесь по данным переписи 1926 г. 95 чел.

В 1930-е гг. от лояльной политики «коренизации», создания национальных районов власть переходит к преследованиям и репрессиям в отношении представителей этнических групп. Накалу страстей способствовала не только атмосфера подозрительности и повсеместное выявление «врагов народа», но и конфронтационная по отношению к СССР позиция польского правительства. В октябре 1937 г. Управлением НКВД по Краснодарскому краю была ликвидирована националистическая контрреволюционная «Польска организация войскова», деятельность которой направлялась, по мнению чекистов,

польской разведкой «по линии шпионажа, диверсий и подготовки восстания на Кубани». Осенью-зимой 1937 г. – весной 1938 г. были произведены массовые аресты в Краснодаре, Новороссийске, Гулькевичах и других населённых пунктах края. Особыми тройками были осуждены 1916 чел. польской национальности, из них – 1807 чел. – к высшей мере наказания, 109 чел. – к различным срокам лишения свободы [39].

В результате в 1939 г. польское население Краснодарского края составило 3841 чел., т.е. сократилось вдвое. Численность женщин в полтора раза превосходила численность мужчин, поскольку репрессивные меры распространялись прежде всего на активное мужское население. В то же время усилились процессы урбанизации, и доля горожан среди поляков Краснодарского края увеличилась до 60,6%. Несомненно, такие события как коллективизация, голод в начале 1930-х стимулировали этот процесс.

Годы Великой Отечественной войны и послевоенный период тяжело отразились на демографических показателях поляков, как и всего населения страны. Немало кубанских поляков сражались с гитлеровцами в составе героического Войска Польского и в подразделениях Красной Армии. К концу войны меняется отношение к выселенным полякам, планируется их переселение из районов Севера в более приемлемые в климатическом отношении южные районы РСФСР и Украину. Это было обусловлено с одной стороны выполнением договоренностей Правительства СССР с Польским эмигрантским правительством от 30 июля 1941 г. об амнистии польских граждан и разрешении переселения поляков в Польшу после ее освобождения от немцев, а с другой – желанием руководства СССР оказать влияние на формирование просоветских настроений у планируемого к переселению польского населения.

28 апреля 1944 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышев докладывал Л.П. Берия о планируемом переселении из северных в южные районы страны 23 248 чел., из них инвалидов – 272 чел., детей из детских домов – 639 чел. [40], причем из общего числа переселенцев в Краснодарский край направлялось 1 490 семей (4 120 чел.) [41]. Первые партии

поляков в Краснодарский край были отправлены 23 мая 1944 г. из Коми АССР – 2 836 чел. [42], 25 июля 1944 г. из Новосибирской области – 1 476 чел., в том числе 161 ребенок в детдом [43]. Из прибывших в Краснодарский край поляков, по подсчетам Н.Ф. Бугая, были устроены на предприятиях Наркомпищепрома СССР 2500 чел., из них: в Су-Псехе, Анапском и Витязевском винзаводах – 750 чел., на станции Протока – 18 чел., на станции Курганная – 300 чел., на станции Минская – 120 чел., в детском доме – 215 чел., временно в доме инвалидов – 185 чел. [44]. В сентябре 1944 г. программа переселения поляков в южные регионы СССР была завершена. За этот период в Краснодарский край переехало 4 423 чел. [45].

Помимо возвращения советских граждан была и обратная миграция – 6 июля 1945 г. между СССР и Польшей заключается соглашение о добровольном обмене населением: разрешается выезд в Польшу поляков и евреев, которые до 17 сентября 1939 г. являлись гражданами Польской Республики [46]. Их число на территории Краснодарского края на 31 декабря 1945 г. составило 4 177 чел., из которых большая часть из которых переселяется в Польшу [47].

В 1959 г. численность поляков в Краснодарском крае составила 2861 чел. и, в сравнении с 1939 г., сократилась на 30,5%. В 1959 г. только 12% поляков края называли родным языком польский. Большинство из них перешли на русский язык как основной язык межнационального общения в СССР. В Краснодарском крае 82,3% польского населения в качестве родного языка указали русский, 5,7% – украинский и белорусский.

Увеличился разрыв в соотношении мужчин и женщин, что было непосредственным результатом войны и репрессивных мер. В целом по краю соотношение между мужчинами и женщинами было 44,3 % к 55,7 % женщин [48]. В послевоенные годы доля горожан среди поляков в Краснодарском крае составила 65,6%, сельских жителей – 34,4% [49].

Частичная правовая реабилитация репрессированных народов была осуществлена в марте 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР. Это позволило незначительной части

депортированных вернуться в места их прежнего проживания. 3 ноября 1972 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», который стимулировал возвращение многих семей в места прежнего проживания, в том числе и на территорию края. Численность поляков на Кубани за период с 1959 по 1970 г. увеличилась на 24,5%.

Небольшие группы поляков общались между собой, поддерживали дружеские связи, собирались вместе, чтобы поговорить по-польски, отметить по-семейному католические праздники, следили за новостями в Польской народной республике, выписывали польские газеты и журналы. Местом встречи поляков в 1960–1980-е годы стала краевая библиотека имени А.С. Пушкина, где Ядвига Гжеляк регулярно проводила уроки польского языка, организовывала польские литературные и театральные вечера [50].

В 1979 г. польский в качестве родного указали 15,4% поляков Краснодарского края, что на 1,6% меньше чем в 1970 г. К 1989 г. этот показатель составил 15,2%. Однако наметилась другая тенденция – сокращение доли поляков с родным русским и увеличение числа лиц, указавших в качестве родного украинский или белорусский языки. В 1979 г. доля лиц среди поляков края указавших в качестве родного украинский или белорусский языки в совокупности составила 4,8%, а в 1989 г. тот же показатель вырос до 8%. Причем наибольшее увеличение показавших родным указанные языки произошло у женщин и у сельских жителей. К 1989 г. среди женщин-полячек доля лиц с родным украинским/белорусским равнялась 8,2%, а среди сельского населения – 10,4%. Таким образом, украинская или белорусская идентичность становится альтернативой русской.

С развалом Советского Союза наступил период осознания национальных и религиозных ценностей и возвращения к ним. В декабре 1993 года в Краснодаре был восстановлен римско-католический приход Розария Пресвятой Девы Марии и Святой Варвары, а 1 июля 1994 г. состоялось учредительное собрание нового общественного объединения Польский национально-

культурный центр «Единство», которую возглавила Мария Барабара Гущина, а затем профессор Кубанского государственного университета, доктор филологических наук Александр Васильевич Осташевский. В 1993 году был образован Анапский польский национальный центр «Наш дом». В 1994 г. появилось объединение «Польский дом» в Сочи, а затем – польский культурный центр «Сковронэк» в станице Ленинградской. В ноябре 1999 года состоялось освящение стен вновь построенного католического храма святого Либория в Краснодаре [51].

С 2001 г. и по сегодняшний день Польский национально-культурный центр «Единство» возглавляет доцент Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук Александр Игоревич Селицкий (род. в 1975 г.). Он является с 2002 г. главным редактором издания кубанских поляков «Польские ведомости», а также членом научной комиссии Федеральной национально-культурной автономии «Конгресс поляков в России», в 2008–2011 гг. состоял членом Полонийного Консультативного Совета при главе (маршалке) Сената Республики Польша, с 2010 г. – директор-распорядитель и основатель Фестиваля польских ансамблей Юга России, с 2012 г. – член Президиума Федеральной национально-культурной автономии «Конгресс поляков в России». Благодаря его организаторским способностям на Кубани периодически проходят научные конференции международного уровня, посвященные истории и культуре поляков.

Согласно данным всеобщей переписи 2002 г. в Краснодарском крае проживало 2958 чел. поляков. Большая их часть – 57,3% или 1695 чел. были жителями городов и 42,7% (1263 чел.) проживали в сельской местности. Доля мужчин составляла 41%, 59% приходилось на женщин.

К 2010 г. численность польского населения в Краснодарском крае сократилась на треть (33,4%) по отношению к 2002 г. или на 989 чел. и составила 1969 чел. Одновременно доля женщин выросла до 60,2%, на долю мужчин пришлось 39,8%. Соотношение горожан и сельских жителей осталось неизменным и составило 57,1 и 42,9% [52]. Среди кубанских поляков немало

известных людей: депутат, председатель комитета ЗСК по вопросам здравоохранения, заслуженный врач РФ Анатолий Башинский; бывший вице-мэр Краснодара, а ныне – замглавы Федеральной службы по оборонному заказу (Рособоронзаказ) Александр Домбровский; председатель правления Краснодарского отделения Союза театральных деятелей России, заслуженный артист РФ Станислав Гронский; заслуженный артист Кубани, главный краснодарский органист Михаил Повалий; актриса Краснодарского государственного академического театра драмы, народная артистка РФ Алина Кузнецова и др.

Примечания

1. *Селицкий А.И.* Поляки-дворяне на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // *Дворяне Юга России на службе Отечеству: Материалы региональной научно-практической конференции / Научн. ред. О.В. Матвеев, Е.М. Сухачёва.* – Краснодар: Кубанькино, 2004. – С. 37.

2. *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 42.

3. *Селицкий А.И.* Указ. соч. – С. 37.

4. *Радшиевский Б.И.* Поляки // *Энциклопедия культур народов Юга России: В 9 т. Т. 1. Народы Юга России.* – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – С. 184.

5. *Боголюбов А.А.* Поляки на Северном Кавказе в XIX– XX вв. / *под науч. ред. А.И. Селицкого.* – Краснодар: Куб гос. ун-т, 2008. – С. 20–24.

6. *Селицкий А.И.* Поляки на Кубани: исторические очерки. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2008. – С. 7–38.

7. *Матвеев О.В.* Поляки в Кавказском Линейном казачьем войске // *Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов X международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 26 февраля 2010 г.).* – Краснодар: ИМСИТ, 2010. – С. 201–211.

8. *Матвеев О.В.* Поляки на службе в Кубанском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева.* – Краснодар: Изд.- во «Кубанькино», 2010. – С. 74–82.

9. Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917. – М.: Наука, 1976. – С. 123.
10. *Цифанова И.В.* Польские поселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации. Дисс. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005. – С. 84.
11. *Филипсон Г.И.* Воспоминания. 1837–1947 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / *Сост. и подг. Я. Гордин.* – СПб.: Звезда, 2000. – С. 142.
12. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 945. – Л. 73 об.
13. История, этнография, фольклор Кубани. – Т. IV. Темрюкский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / *науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин.* – Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2019. – С. 43–44.
14. *Черномор.* Сочи и его прошлое (из воспоминаний старожила) // Черноморское побережье. – 1903. – № 17. – 22 января.
15. Цит. по: *Бижев А.Х.* Присягнувшие свободе // Горцы и их освободительная борьба против русских / *Пер. В.К. Гарданова.* – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – С. 448.
16. *Матвеев О.В.* Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-е – 50-е гг. XIX века: история повседневности // Кубанский сборник. – Т. III (24) / *под ред. А.М. Авраменко, Г.В. Кокунько.* – Краснодар: Книга, 2008. – С. 37–62.
17. *Половинкина Т.В.* Сочинское Причерноморье. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – С. 204.
18. *Тверитинов И.А.* Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX вв. – Сочи: РИО СГУТиКД, 2000. – С. 78.
19. Там же. – С. 140.
20. *Половинкина Т.В.* Указ. соч. – С. 204.
21. См.: *Селицкий А.И.* Поляки на Кубани. – С. 62–102; *Матвеев О.В.* Поляки в рядах кубанского нотариата // Поляки в России: история и современность / *отв. ред. А.И. Селицкий.* – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2007. – С. 188–193; *Бридня О.П.* Представители рода Мордмиллович на Кубани // Поляки в России: история и современность. – С. 199–203; *Ктиторов С.Н.* Из истории польской общины досоветского Армавира // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 3: Памяти В.П. Попова / *Научн. ред., сост. О.В. Матвеев.* – Краснодар: Мир Кубани, 2007. – С. 157–170 и др.
22. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 65. Кубанская область, Черноморская губерния – С. 5, 30–31.

23. *Ракачѳв В.Н.* Поляки на Кубани: демографический аспект // Поляки в России: XVII – XX вв. Материалы Международной научной конференции / *Науч. ред., сост. А.И. Селицкий.* – Краснодар: Кубанькино, 2003. – С. 280.

24. *Труханович А.П.* Поляки на Кубани в конце XIX – начале XX в. (опыт этносоциологического анализа) // Поляки в России: XVII – XX вв. – С. 241.

25. Там же. – С. 242.

26. *Матвеев О.В.* Поляки города Майкопа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Диалог культур: славяне в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа / *Научн. ред. Т.М. Степанова; ред.-сост. Н.Н. Денисова, Е.С. Куква.* – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – С. 94–112.

27. *Ктиторов С.Н.* Указ. соч. – С. 162–165.

28. *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Мартиролог поляков Кубани. Репрессированные в ходе «польской операции» НКВД 1937–1938 гг. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2016. – С. 11.

29. *Селицкий А.И.* Польское книжное собрание в Екатеринодаре (Краснодаре): библиотека семьи Буковских // Сербия, славянский мир и их соседи (к 630-летию битвы на Косовом поле): Материалы Международной научно-практической конференции / *Научн. ред., сост. Э.Г. Вартастьян, О.В. Матвеев.* – Краснодар: Традиция, 2019. – С. 209–220.

30. *Виноградов В.Б.* Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). – Армавир: АГПИ, 1995. – С. 130.

31. *Долгодушев С.Ю.* Основатель Анапского курорта – Владимир Адольфович Будзинский // Поляки в России: XVII – XX вв. – С. 233–237.

32. Сочи: страницы прошлого и настоящего. – Сочи: Изд-во «Деловой Сочи», 2007. – С. 113.

33. История, этнография, фольклор Кубани. – Т. 2. Горячеключевской район (Материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). К 50-летию профессора Олега Владимировича Матвеева / *Научн. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин.* – Ижевск: Принт-2, 2016. – С. 16.

34. Отчёт Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска о состоянии войска и области за 1915 год. – Екатеринодар, 1916. – С. 14.

35. *Селицкий А.И.* Поляки на Кубани. – С. 121.

36. *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Указ. соч. – С. 14.

37. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Статистический сборник за 1922–23 год. – Краснодар, 1924. – Ч. 1. – С. 67.

38. *Матвеев О.В.* «Пилсудских нам не надо...». Повседневность поляков Кубано-Черноморской области глазами партийного сообщества в 1920-е гг. // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. / *Ред.-*

сост. Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – С. 284–298.

39. Крочачев С.А., Селицкий А.И. Указ. соч. – С. 20.

40. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-9479. – Оп. 1. – Д. 178. – Л. 1.

41. Там же. – Л. 3.

42. Там же. – Л. 204.

43. Там же. – Л. 157–158.

44. Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...» Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). – Майкоп: Меоты, 1999. – С. 103.

45. ГАКК. – Ф. Р-687. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 3.

46. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. – Warszawa, 1974. – Т. VIII. – S. 500–504; http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4575.htm (дата обращения 20.04.2003).

47. Żaroń P. Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej. – Warszawa, 1990. – S. 276–277.

48. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Пересчитанные итоги наличного населения по административно-территориальному делению на 1 января 1960 года. Т. IX. Табл. 7 // ГАКК. – Ф. Р-1246. – Д. 67-14-пн. – Оп. 1. – Л. 11–22.

49. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1959 года. РСФСР. – М., 1963.

50. Александр Селицкий: «У казака и шляхтича много общего» // <https://yugtimes.com/news/8430/> (дата обращения 20.09.2020).

51. Там же.

52. Всеобщая перепись населения 2010 г. – М., 2013. – Т. 4. – С. 11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анчев Стефан – доктор исторических наук, доцент исторического факультета Великотырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия (г. Тырново, Республика Болгария).

Базай Андрей Александрович – магистр истории, преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Новороссийск, Российская Федерация).

Барбарунова Зоя Александровна – (независимый исследователь, г. Прага, Чешская республика).

Баранов Андрей Владимирович – профессор, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Валецкий Олег Витальевич – военный эксперт Центра стратегической конъюнктуры г. Москва, автор ряда работ о войнах на территории бывшей Югославии (г. Москва, Российская Федерация).

Вартаньян Эгнара Гайковна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Власкина Татьяна Юрьевна – старший научный сотрудник Южного научного Центра Российской Академии наук (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Иванов Александр Гаврилович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Иващенко Александр Стефанович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета (г. Майкоп, Российская Федерация).

Копришилова Анастасия Васильевна – консультант государственной библиотеки Чешской республики – Славянская библиотека в Праге (г. Прага, Чешская Республика).

Крючек Петр Степанович – доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Лучич Надежда Юрьевна – филолог, переводчик, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация).

Манько Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, руководитель территориального органа – представитель МИД России в г. Краснодаре, преподаватель КубГУ (г. Краснодар, Российская Федерация).

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Ракачев Вадим Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Селицкий Александр Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Сергеев Всеволод Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).

Слободенюк Виктория Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Чанура Н.В. – магистр истории (Черкесск, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев</i>).....	3
Раздел I. Славяне и Вторая мировая война: вопросы истории, историографии, исторической политики	5
<i>Иващенко А.С.</i> Отечественные исследователи об актуальных проблемах истории Великой Отечественной войны 1941–1945.....	5
<i>Матвеев О.В.</i> Освободительная миссия Красной Армии в современной историографии славянских стран.....	15
<i>Крючек П.С., Сергеев В.Н.</i> Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны в современной белорусской историографии.....	36
<i>Иванов А.Г.</i> «Странная война» и поражение Польши в 1939 г.....	45
<i>Вартаньян Э.Г.</i> Царь Борис III и позиция Болгарии накануне и в годы Второй мировой войны.....	66
<i>Слободенюк В.В.</i> Коммуникативная память о Великой Отечественной войне в России и Белоруссии (по материалам фондов государственного архива Краснодарского края).....	75
<i>Баранов А.В.</i> Фальсификации истории Великой Отечественной войны на постмайданной Украине: историческая политика против народной памяти	87
<i>Базай А.А.</i> Мемориализация бойцов ОУН-УПА в правовом пространстве современной Украины.....	97
Раздел II. Вопросы истории и культуры славянских народов	113
<i>Валецкий О.В., Лучич Н.Ю.</i> Вооруженная борьба черногорцев против Османской империи в конце XVIII в.....	113
<i>Манько С.А.</i> Роль Галиции в политических планах Юзефа Пилсудского.....	121
<i>Иванов А.Г.</i> Имелись ли шансы спасти Чехословакию в 1938 г.?	138
<i>Барбарунова З.А., Копришилова А.В.</i> Коллаборационизм или труд ради «Хлеба насущного». Граждане бывшей Чехословакии и русские эмигранты на ее территории на работах в Германском рейхе в 1938–1939.....	155

<i>Анчев С.И.</i> Балканские государства в политических планах руководства держав-победительниц во второй половине 1940-х гг.....	164
<i>Селицкий А.И.</i> Польский детский дом в станице Георгие-Афипской Краснодарского Края (1944–1946 гг.).....	178
<i>Чанура Н.В.</i> Особенности культурного наследия казачества Баталпашинского отдела во второй половине XIX – начале XX вв...	
<i>Власкина Т.Ю.</i> Традиционная кухня казаков-некрасовцев....	189
<i>Ракачёв В.Н., Матвеев О.В.</i> Поляки (материалы к энциклопедии «Народы и культуры Кубани»).....	207
<i>Сведения об авторах</i>	222

Научное издание

СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ И ИХ СОСЕДИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ВКЛАД В
ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ (1939–1945)

Материалы Международной научно-практической
конференции

Подписано в печать Формат 60×84/16.
Печать цифровая. Усл. печ. ед. Тираж 500 экз.

Заказ №

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

